
Вѣстникъ
Западной Россіи
Историческая истина
Вильна
1869.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VII—1869.

КНИЖКА VIII.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1869.

Дозволено Цензурою 29-го сентября 1869 года. Вильна.

I.

№ 8.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ЮЖНО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

1.

Уставная грамота львовского епископа Макарія для Свято-Николаевского братства въ городѣ Львовѣ, 1544 года 18 Февраля *).

Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Съмѣренный Макарий, Епископъ Митрополіи Галицкой владика Ильвовский и Каманця Подолскаго, явно

*) Антіохійскій патріархъ Іоакимъ, прибывъ въ Русь съ наставленіями констан. патріарха Іереміи, января 1-го 1586 годадалъ братству львовскому уставъ и одушевилъ его ревностію от, крыть школу и типографію. Львовскій епископъ Гедеонъ Болобанъ, воззваніями 1 и 20 мая, пригласилъ духовенство своей епархіи помочь львовскому успенскому братству въ похвальномъ и полезномъ предпріятіи его. Патріархъ Іеремія, получилъ доношеніе отъ Іоакима, прислалъ во Львовъ елассонскаго митрополита Арсенія, который принялъ на себе обязанность преподавать въ новомъ училищѣ уроки, и преподавалъ два года. Въ 1589 г. патріархъ Іеремія подтвердилъ на тернопольскомъ соборѣ прежнюю свою волю о заведеніяхъ братства. По всей вѣроятности, во время пребыванія антіохійского патріарха Іоакима въ Львовѣ 1586 года, потвердилъ онъ уставную грамоту львовскаго епископа Макарія, поднесенную ему Свято-Николаевскимъ братствомъ, вмѣстѣ съ епископомъ Гедеономъ Болабаномъ. Д. Зубрицкого: Лѣтопись Львов. Ставропиг. братства, стр. 14—22.

чинимъ всѣмъ посполите нынѣшнимъ нашимъ листомъ, которымъ есть потреба, нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ, иже пришедши передъ насъ и предъ наше право духовное попъ Стефанъ святаго великаго Архіерея и Чудотворьца Хва отца Николы передъ муры стоячими мѣста Илвова: а то есть передъмѣстя Краковского, изъ громадою парафѣи святого отца Николы изынших парафѣй, объявляючи и просячи насъ, ижъ быхмо ихъ на тото братство благословили. Мы обачивши ихъ ижъ тотъ отець Стефанъ, попъ отъ святого отца Николы, и съ своимы парафѣяны изыншими добрыми людми слушной а доброе рѣчи жадають, которая есть напредъ Господу Богу ку чти и хвалѣ мила и годна, и его святымъ оугодникомъ, благословляемъ ихъ сполечности из моци духовное нашеи. А тотъ отець Стефанъ с парафѣяны своими и хто колвекъ православныхъ християнъ хочетъ доброволне оу тое братство вступити; а то маютъ такъ моцно дръжати, якъ въ томъ листѣ есть выписано. Мы мужевѣ с парафѣи святого отца Николы изынших парафѣй тверъдо и моцне хочемъ дръжати, безъ принужѣня одно своими добрыми волями господу Богу и пречистои Его Матери и святому чудотворьцю Христову Николѣ, ку чти и хвалѣ для своего душевнаго спасенія, и тѣлеснаго здравня; тымъ обычаемъ братство духовное дръжати оу святого отца Николы, где оу томъ братствѣ маемся тымъ обычаемъ справовати. Хто братство всхочетъ приняти, маетъ дати оукупу шесть гроший, а надалшіи часы маетъ давати оу двѣ недѣли по полгроша. А хто бы хотѣлъ оукупитися зыншого мѣста або и села, або с пановъ шляхтъ оукупившися на долшіи часы, маетъ давати оу рокъ шесть гроший оу братскую скринку, а имя свое маетъ написати оу братский реистръ, и тежъ отца своего, и матки своей и дѣтій своихъ имена маетъ

оуписати оу братскіи книги, с которыхъ маеть быти оупоминание вѣчистое, а зъ братскихъ пѣнязей маеть оупоминати передковъ своихъ, на кождый рокъ четыри разы, а пятую службу за наше здорове и за отпущеніе грѣховъ, и тымъ *чеєть* 1) справовати на братію. А хто бы хотѣлъ изъ гостей быти на той чти маеть дати на день два грошѣ оу братскую скринъку, и тежъ свѣчи справовати ку хвалѣ Бозкой, оу святого отца Николы. Если тежъ по божіему перепущенію на кого будетъ оупадлость з немощи, з братскихъ пѣнязей маемъ его осмотровати, и тежъ на кого Богъ перепуститъ изъ братства часъ смертный, маемъ его оуся братя къ гробу спроводити, до которои колвекъ церкве при мѣстѣ, кромъ нашихъ сторонъ. А еслибы который братъ нехотѣлъ ку провожевію быти, на томъ вина церковная фунтъ воску безъ отпусту, и тежъ дозваляемъ на кождый рокъ оустановляти два браты старшихъ, которыхъ братя на то оберутъ, а до нихъ *служку* 2) мати, на который часъ обышлютъ. А который бы братъ нехотѣлъ на обсылани быти, на тымъ вина церковная закономъ карати и *безмѣнъ* 3) воску: и тежъ еслибы который братъ на брата мѣлъ якую затържъку, а малъ быся оутѣкати до иншего оуряду, а не ожаловавъшися братѣ, на томъ вина полъ камене воску вины церковное. И тежъ который братъ за своимъ оупоромъ хотѣлбы изъ братства выступити, таковый маетъ быти каранъ церковно поти, поки ся зась наверънетъ ку братству Ино я Макарій и Епископъ Галицкий прозбѣ

1) Честь, родит. чти, польское uczta, пиръ.

2) Служка, польск. schadzka, собраніе.

3) Безмѣнъ, вѣсъ въ 2½ фунта. Исланд. besman, безменъ, statera, instrumentum ponderandi, Schnelwage. Westpreussisch, ein Besmer. Польск. bezmien, przezmien, kantar.

чой призволяючи и завдячне маючи нашимъ съизволенемъ потверъжаемъ и благословляемъ вѣчно и непорушно дръжати, ку которуи рѣчи свѣдоцъству печать наша есть завѣшена. Данъ въ Львовѣ по лѣтѣ рожества Хва 1544 года мѣсяца Февраля 18 день. А при томъ были о Христѣ почесныи отци намѣсникъ Захарія Федоровскій, Нестеръ Пречистъский, Антони Богоявленский, Ѳома Благовѣщенский, Григорий Воскресенский, крилошане Львовские, и шлехетне вроженыи панове: Олехно Замостъский, Григорий Передмѣстъский, Михайло Ячинцкий Семионъ Бослобоцский.

Гедеонъ Епископъ, власною рукою.

Сей душеполезный фундушъ намъ презентований во всѣхъ пунктахъ з власти нашой Архиерейской апробуемъ и подписомъ руки нашой стверждаемъ въ катедрѣ нашой Епископской Львовской Святаго великомученика Хва Георгія дня 3 мца Мая 1544 року.

Варлаамъ епископъ, Львовск. Галиц. и Каменца Подольскиго, Архимандр. Уневск. рукою власною.

Подлинникъ писанъ на пергаменномъ листѣ, печать привѣшена на шелковомъ шнуркѣ, обшита скоркою, въ серединѣ восковой массы на красномъ лакѣ вытиснута епископская печать Макарія. Хранится въ перемышльской епископской соборной библіотекѣ, подъ № 1: росписи, мною сочиненной, Уставныхъ грамотъ церковныхъ братствъ.

2.

Благословенная грамота іерусалимскаго патріарха Өеофана перемышльскимъ православнымъ гражданамъ, въ коей они призываются къ крѣпкому стоянію въ вѣрѣ. 1620 г. октября 18 *).

Благочестивымъ и свѣтло сѣяющимъ во православіи Христіаномъ во богоспасаемомъ градѣ *Перемишли*, светыя и живоначальныя и нераздѣлимия Тройцы храму притекающихъ, о Господѣ сыномъ возлюбленнымъ Смирения нашего богобоѣзнымъ въ духу смиреннымъ *Василеіон*, *Анна*, *Иліанъ Аллександру со сыньми*, дщерми и со прочими сородниками, такожде женъ чадъ ихъ и домовъ и вся елика имутъ и едино еднителными во благочестіи страдавшихъ, еже о Господѣ неподвижны оутверждетеся, и еже не предати вамъ отеческия вашея греческыя правыя вѣры, и догматъ ея неотступати; да едино сокровище душевное негиблемо соблюдете со всею вашею еже о Христѣ домашнею церковію. Благословенія оутвержденія и словоутѣшенія отъ светѣйшаго престола нашего царски іерусалимския и животворящого гроба Христова, благодать, милость, миръ и любовь Бога и Отца и Господа нашего Іисуса Христа съ святымъ Духомъ во вѣки вѣкомъ. Аминь. Сіе писаніе благословенія нашего Христолюбивымъ и непоколѣбимымъ *Россіяномъ* дадеся, благословляемъ оубо и благословихомъ, да благословитъ

*) Въ томъ году возвращался патріархъ Өеофанъ изъ Москвы, гдѣ посвятилъ въ патріархи Филарета, отца государева, имѣя отъ цареградского патріарха порученіе вникнуть въ состояніе русской церкви во владѣніи давней Польши находящейся. Въ Кіевѣ, по убѣдительному прошенію запорожскаго: козацкого гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, посвятилъ онъ, безъ дозволенія королевского во всѣ епархіи, уніятами занятыя, православныхъ святителей, между ними Іова Борецкого на митрополію кіевскую.

ихъ Господь якоже Авраама и оумножитъ якоже Іакова, распространитъ якоже Ісаака и дастъ имъ пожеланіе сердца ихъ егоже аще просятъ, со вѣрою получатъ, предиже всего но Богу и ближнымъ любовь всецелемѣрну стяжати, и еже во вѣре святей Апостолстей и касоличестей крѣпко и незыблемо, ему и сыномъ его единородномъ братіи, отеческимъ и пастырскымъ смирения нашего веленіемъ, пребывати повелѣв(аемъ). Да благословитъ ихъ Господь отъ благи земныя.... и небесныя, пшеница, вина и елея, и отъ всѣхъ плодовъ земныхъ, и да распространитъ его и чада ихъ во многыя роды. Молитвами пресвятыя Богородица и присно дѣвы Марія, святаго.,. и всехвалнаго Апостола Іакова брата Божія, первѣйшаго Святителя града божія Іеруеалима и всѣхъ святыхъ. Аминь. Въ лѣто отъ созданія миру 7,128, отъ спасительнаго воплощенія слова Бога 1620, индикта 4, мѣсяца октября 18 дня.

Здѣсь слѣдуетъ подпись патріарха Өеоѳана по гречески большимъ вязаннымъ почеркомъ.

Печать выписнена на облаткѣ. Грамота писана на бумагѣ среднимъ уставомъ, съ цвѣтными украшеніями на поляхъ грамоты. Самое имя Өеоѳана патріарха въ началѣ грамоты выписано золотомъ, по краямъ изображенія ангеловъ, въ серединѣ бюстъ (погрудникъ) Өеоѳана. Описанная мною грамота сберегается въ рамахъ за стекломъ въ библіотекѣ перемыского епископского собора и приводится въ росписи грамотъ мною составленной, подъ Nr. *6.*

Патріархъ Өеоѳанъ въ томъ же году сентября 7 издалъ изъ города Бѣлой Церкви благословенную грамоту львовскимъ правосланымъ гражданамъ, въ ко-

торой подтверждаетъ права тамошняго ставропигіяльнаго братства. Акты Запад. Росс. Сп. 1851 г. Т. IV, стр. 508, № 219.

3.

Посланіе уневского архимандрита Ісаіи Балобана, нареченнаго львовского епископа, къ духовенству и мірянамъ съ обѣщаніемъ исполнять добросовѣстно святительскія обязанности, 1607 года.

Отъ имени единомудрено славимыя и согласно похвалиемыя во единой токмо святѣй каѳолическстей и апостолстей Церкви, право исповѣдуемыя единосущныя и неразделимыя Тройцы, въ союзѣ мира Христова, и любви Бога и Отца.

Азъ смиренный Исаия Болобанъ Архимандритъ Оуневскій, обители Святыя Богородица, по представленіи блаженныя памяти Гедеона боголюбезнаго Епископа Львовского, Епархи вселенскаго Ѳрону, пронареченну ми бывшу, прежде отъ самаго воспоминаннаго Епископа, на неже и сопоутвержденіе имущу отъ премирнейшаго и пресвѣтлаго Царя нашего Жикгмонта *). Не токможе, но

*) Исаія Болобанъ, еще за жизни дяди своего львовского епископа Гедеона Болобана, игуменъ уневского монастыря, на основаніи мировой записи епископа Гедеона Болобана и львовского ставропигіальнаго братства, сдѣланной при посредничествѣ молдавскаго логоѳета Луки Строича, въ Львовѣ 21 Января 1602 года, былъ исключенъ отъ наслѣдства на львовскую епископію, чтобы тое же епископство не сдѣлалось наслѣдственнымъ въ родѣ Болобановъ, ибо епископъ Гедеонъ подобно тому, какъ онъ наслѣдовалъ отцу своему епископу Арсенію, такъ снова намѣревался передать санъ свой племяннику Ісаіи Болобану, игумену уневскому. Не смотря на все это Исаія Болобанъ, по смерти епископа Гедеона (16 Январа 1607 г.), исходатайствовавши у польского короля для

и отъ святыя памяти блаженнаго Мелетія Папы Александрійскаго, тогда владущу ему восточными церквами, и правящу великія церкве престоломъ, синктельными писаніи таковая извѣстна и искушенна быти творящу, въ нихже той вѣща: яко церковь тя а не что ино подъ причтомъ творитъ на епископство Львовское, и извѣстіе н'т се имущу и таковая содержащу ми, якоже нѣщую по промыслу Божію. Предузрѣвшу ему хотящая быти времена, яже якоже душа въ телесехъ сице она вещьми движутъ, и иногда иначе сія предлагаютъ, не толико трудомъ моимъ и тщаніемъ, елико смотреніемъ нѣкіимъ прежде времени вруку моею пришедши ми, якоже бы и то реклъ: да егда будетъ время, Богу отъ здешныхъ во земльшу епископа мѣсто того, не лѣть будетъ сицевыхъ получити, имиже бы оудобь по древнему обычаю на епископство произведенъ быти, безпрепинанія въ догматехъ православныя вѣры, *прономія* *) вселеньскаго патріархи, древле во здешнихъ цѣло соблюдаемымъ временемъ вещи прелагающу отступленія ради. И сего ради да н[а] судъ да ся привлеку, содержащу ми сія и времени з[о]вущу неявитимися, или достойнѣйшому сана сія оув[ѣ]рити, да некто между симъ навѣтникъ восточныя Це[р]кве самозвателенъ восконтитъ во ограду, губитель и р[а]сточитель словеснаго стада Христова. Абіе пришел[ъ] во Львовъ оусердно во любвѣ Христовѣ, собрахъ священ[ное] братство презвитерей и *Канониковъ*, сиречь прав[ед]ныхъ Священникъ, иже во священнѣмъ Церкви суди[...]

себе грамоту на львовскую епископію, въ слѣдствіе чего покуш[а]ся наслѣдственно владѣть львовскимъ епископствомъ, но льв[ов]ское ставропигіальное братство и духовенство воспротивилось т[ому] и избрало въ епископа Іеремію Тисаровскаго. Акт. запад. Р[осс.] IV. Nro. 157.

*) Прономія, преимущество, Vorrecht.

щи со Епископомъ предсѣдить, показующи имъ сія. Съ нимиже и прочимъ Церковнымъ клирикомъ и людемъ, да не оутаена сія предъ ними будетъ воля отшедшаго епископа, и сопоутвержденіе на се Царское прежде отступленія, иже зде архиерейскій и синкгелная Патріаршеская писанія, имже всѣмъ купно сошедшимъ священному причту и прочіимъ людемъ, и благоговѣйному презвитерству Львовскому исповѣдшимъ, яко древняя писанія содержать отъ древнихъ Князей и Царей и Архиерей на всяко благочиніе между ними ко преспѣянію на лучшее церквей преданная имъ. Не токможе но и прочіи отъ неполненіа церковнаго, имутъ расписаніе братства отъ святѣйшаго патріархи вселеньскаго, дабы симъ непорушномъ быти и не повреждаемомъ. Ко симъ же и ставропигіамъ на нѣкихъ мѣстехъ, чести ради великія церкве, противу имъже не токмо яко расточитель Христовыхъ агнецъ. Всякъ во иже несобираетъ, рече, расточаетъ; иже нѣсть со мною на мя есть. Да быхъ противенъ былъ, и ни во чтоже вомѣнилъ волю Христову, многымъ быти спасающимъся о немъ, или обидѣти ихъ, или оумалити церковь его, и сопрятати число отъ нихъ поврежденіемъ законныхъ вещей, да не будетъ. Но и оумножити и возрастити хотя, согрѣвая и милуя тьщаніемъ любве, якоже птица подъ скрыдлами своими, якоже вещей на лучшая преспѣвати, во славу пречестнаго, и великолѣпнаго имени Господа нашего Іисуса Христа, мира виновника, во пречистыя нѣдра невѣсты своея церкве, искрьня матере нашея чада своя собирающаго. Тѣмже отъ всея души и отъ всего сердца вся сія елика имуть, любо отъ Христолюбивыхъ, и мирнѣйшихъ царей и князей, любо отъ святѣйшихъ патріярхъ; изрядне же отъ вселеньскаго патріарха, сиже и *проиномія* здешняя, суть любо отъ архіепископа, или епископъ православныхъ, и прежде-

ступленія бывшихъ, яже ниже отнюдь во подзорѣ суть противящаяся евангелію Христову, или заповѣдемъ и священнымъ канономъ апостольскимъ и соборнымъ оуставомъ и правиломъ вселенскомъ и помѣстнѣ бывшимъ, и всякому богодухновенному писанію и оучительству церковному; и всякому преданію и обычаю отъ древнихъ во Церкви содержимому, и повеленію великой Церкви Константинопольской, ейже и подлежимъ ни въ чесомже противна, или несогласующаяся аще суть, обѣщеваюся, и засвѣдительствую предъ Господемъ моимъ Іисусъ Христомъ, вся цѣла содержати и хранити отъ всякого навѣта подъ тяжестію Церковною, и конечнымъ изверженіемъ моимъ потомъ. Тако честному презвитерству, братствамъ сописующимъся вѣрнымъ во исполненіе заповѣдей Христовыхъ паче въ союзѣ со Христомъ преданныя любве. Ничтоже бо тако вѣрныхъ творитъ, яко еже едино быти. О семъ бо и молящеся отцу своему неразторгненомъ быти о имени его союзомъ мира Христова состязуемымъ вѣрнымъ, да не духа расторгнемъ единность. Сіе бо есть жребій, сіе намъ оставилъ наслѣдіе еже мировати содругъ другомъ о другихъ. Приводимъ и о миру во себѣ растоящихся пребывающимъ бо намъ во любви, Іисусъ Христосъ во насъ пребудетъ, миръ свой даруя намъ. Такожде и ставропигіамъ неподвижномъ быти по прономіямъ Патріаршимъ, изначала бывшимъ. Не только сія крѣпко содержати яко Епископу и блюстителю и попечителю хотящимъ спастися, но и ко симъ елика ко созданію церкви, и на пользу всему исполненію церковному имѣти восхощутъ. Вся со готоваго оусердія сотворю противу прошенію ихъ. А яже здешнимъ обещеваю во Львовѣ, сія подобообразнѣ въ Галичу и въ Каменци. Совязуеми яко оуди Христовы во едино тѣло церкве исполняя и всему быти даже до сосни-

ща презвитерства во своей главизнѣ будетъ отъ нихже купно предсѣдящу ми со ними когда любо восхощутъ предъ поставляньемъ мене, или по поставленіи, да изберутъ пятерицу на Оффѣкія *) церкве: великаго икопома, великаго скиофилака, великаго хартофѣлака, протекдика, протонотарія. Иже овъ оубо, по канону четвертаго собора, пещися о стяжаніихъ церковныхъ власть имѣя. И вся приходы содержати отъ нихъ, и строити ними по повеленію архіерейскому. Архіерею и церковь въ потребу, истязуемы отъ нихъ архіереомъ бываетъ: даже вѣрный строитель будетъ яко Богу назирающу. Овже держа сосуды церковныя. Хартофилаксъ же держа церковны хартинная оправданія. Судія всѣхъ винъ церковныхъ имѣяй и врачебныхъ винъ разсужденіа. Ко сему же и во прочиихъ клирицкихъ винахъ есть екдикъ **), сиречь, отмститель, яко десная архіерейская рука. Протекдикъ, сиречь отместитель старѣйшій, во еже заступати плѣнныхъ и обидимыхъ, и судія есть порицательныхъ винъ. Протонотарій же вся дѣтелная на судищихъ. Посихже, и ко симъ меншую пятерицу прочіихъ клирикъ отъ мирскихъ, аще избирати хотятъ во пособіе имъ изрядныхъ на се разумъ имущихъ божественныхъ писаній.. Еще же по божественныхъ апостолъ заповѣдѣхъ, и сіе со всяцѣмъ извѣстіемъ, ни отъ единогоже епископа, или архіепископа неподвижно, и нѣ отнюдъ прерѣкуемо даетъ, яко судъ предвѣчнымъ судѣею со мною имѣти будутъ, смѣющен развратити о семъ заповѣдь апостолскую. Како подобаетъ обще избирати епископа, содержащи да имутъ по оузаконенію святыхъ апостолъ, ихже заповѣдемъ. Азъ всею душею прилѣпляяся, якоже они соборнемъ оучительствѣ во осмой книзѣ вѣщаютъ: Куп-

*) Оффікіа, уряды, officia.
**) Екдікосъ.

но рече намъ сущимъ дванадесятимъ Господнимъ апостоломъ, сущу со нами и изъбранному сосуду Павлу, и Яковъ епископъ, и прочіимъ презвитеромъ, и седми діяконюмъ. Первый оубо азъ реку Петръ, епископу херотонисану *) быти, якиже во предварших книгахъ завещахомъ каковому, избираемже отъ всѣхъ людей во купѣ со презвитерствомъ, и отъ нихъ паки купно свѣдѣтельствуемъ, яко достоинъ есть архиерейства, и прочая. Тѣмже по сей священнѣй заповѣди хощу да другъ по друзѣ восходящого на престолъ сей безъ препинанія коего, отъ коего либо буди лица, сицевому избиранію бывати. Но и канонъ святыхъ апостолъ и антиохійскаго синоду по другой части о семъ цѣло да сохраняемъ, есть разногласіе оутоляющу и злобу пристрастія восхлащающу, да егда епископъ избранъ бывъ, и не приинятъ будетъ отъ людей, что подобаетъ ему сотворити, и что причту церковному за се, не оувѣщавшемъ любопрящаяся люди. Еще же и сія каноны яко нужна церкви о епископѣ изясняемъ, яко да твердо во своей имъ крѣпости пребыти, да явлена, рече, будутъ имѣнія епископская, и имѣнія церковная, да ему во своихъ власть имѣти завѣщати, и церкви невѣденіемъ епископскихъ вещей, пагубы во своихъ неподати. И иже въ Кареагенѣ имѣнія, ихже прежде хиротоніи неимѣвъ епископъ, но потомъ стяжавъ, церкви примножена и освящена да будутъ. Аще же инако будетъ яко разграбитель былъ бы епископъ, и чести лишенъ. И иже во Труллѣ: о цѣлости церковныхъ вещей. Яко скончавшуся епископу, имѣнія его, да никтоже себѣ присвояетъ, но клиросъ сія да сохранитъ, хотящему быти епископомъ и даже сія искушена будутъ, и во извѣстіи неразрушена (пре)бу-

*) Рукополагаему.

дутъ. То азъ обѣщаваюся къ святѣйшему патріарсѣ вселенскому безъ коснѣнія послати, моляся всяцѣмъ образомъ, купно съ вами честнымъ презвитерствомъ превеличеству его синкгельнымъ своимъ писаніемъ, прежде оубо избираніе епископа яко... речеся во извѣстіи по заповѣдехъ апостолскихъ, и каноны оутвердити, и чинъ нашъ клириковъ расписати опаства дѣля суд(овъ) на нихже оффикіяхъ духовнымъ мужемъ лѣпо быти. А на ихже мирскимъ на оукрашенія благочинія церковного, и оукрѣпленія судовъ: даже оудобреніе будетъ велицѣй церкви оффѣкіами сими во градѣ во епископъствѣ семъ, емуже и екзаршествомъ почтену бывшу во славу имени великаго престола новаго Рима. Протопопу же аще избирати хотятъ презвитерство, коегождe лѣта искуснѣйшаго отъ другихъ да избираютъ соборне между собою, не противу пристрастію коему, но по воли божей, и азъ и благословлю, ничтоже противляюся, егда вся благочиннѣ бываютъ. И аще же, обличенъ буду несогласуя дѣлы о яже где отъ мене написанными или во вѣрѣ поколѣбленъ, еже да не будетъ. Се Христе владыко, юже нынѣ твердо извѣстно исповѣдую предъ всѣмъ собраніемъ церковнымъ, ихже *васъ ту собра* духъ святый; яко вѣрую во единого Бога Отца, и единороднаго Сына Его Іисуса Христа, иже прежде всѣхъ вѣкъ. И въ Духа Святого отъ Отца токмо исходящаго. Сыномже даемаго, якоже изъ начала православнѣ исповѣдуетъ едіна святая каѳолическая и апостольская восточная церковь, въ нейже родихся, и воспитанъ бывъ, да дасть ми во Троицы покланяемый Богъ, до конца соблюсти и. Со нею и седмъ вселеньскія соборы пріймую, яже на сохраненіе честныхъ догматъ собрашася, исповѣдую и яже на нихъ оуставленныя хранити каноны и заповѣды, елика по различныхъ временахъ и лѣтехъ святыми нашими Отцы

оузаконишася, и яже они прияша, любезно съ ними приймую, а отъ нихже они отвращаются и азъ. Ещеже и церковный миръ исповѣдую соблюсти и ни единѣмже образомъ противная ему мыслити. По всему согласуюся всѣмъ прежде мене православнымъ епископомъ и по всему повинуюся великому патріарсѣ, и велицѣй церкви и вся цѣла соблюдая *прономія* его. Но да во извѣстіи вамъ вся сія будутъ: нужда неотложнѣ священному и великому собору великія церкви новаго Рима, яже о сихъ, и ихже вы еще ко симъ на ползу церкви, требуете возвѣщеномъ быти, яко да оно опаснѣе оусмотрити яже на ползу соборнѣ оусмотряемая и разсуждаемая. Пачеже на особъ разумѣтелныхъ лучша суть и содержательнѣйша. Надъ симиже печать свою прилагаю во сохраненіе всѣхъ и исполненіе, иже законъ повелѣваетъ и рукою моею подписуюся тако, а не инако симъ бытн, ни во единомъ же, и отъ иже по мнѣ хотящихъ быти діадохосъ *), все цѣло содержимъ, яко священное сокровище, и яже отъ святѣйшаго патріархи, вами хотащая възыскатися, якоже рѣхъ на ползу церкви, егда принесена будутъ, ничтоже сопротивляяся, или прерѣкую внепорушно содержаніе сихъ готовѣ подписатися имамъ купно, собравшимся вамъ и со имиже восхощете. Аще же инако исповѣданію сему и подписанію моему сотворити хотя явлюся, да подлежу канону Кароагеньскому, яко чести епископскія, да лишенъ буду. Писанъ ве Львовѣ при церкви столечной, святого великомученика Христова Георгія мѣсяца февраля г (3). року ахз (1607).

Власною рукою (М. П.)

Въ концѣ акта отмѣчено:

Листъ велебнаго Отца Исаіи Балабана архимандри-

*) Діадохосъ—наслѣдникъ, преемникъ.

та Оуневскаго по смерти превелебнѣйшаго киръ Отца Гедеона епископа Львовскаго, якимъ образомъ сана святительского исподобитися хотѣлъ.

Подлинникъ состоящій изъ полтора листа, у корня весьма испорченъ; хранится въ львовскомъ гр. кат. митрополитальномъ архивѣ.

Исаія Болобанъ, въ мирѣ Іоаннъ, еще при жизни дяди своего епископа Гедеона, получивши оуневскую архимандрію, носилъ оуже титулъ епископскаго коадъютора. Скоро по кончинѣ епископа Гедеона захватилъ въ свое распоряженіе церковь и епископское имущество. Львовскіе клирошане заперли теперь церковь св. Георгія и домъ епископа; но Исаія съ вооруженными людми 12 февраля 1607 г., отбилъ замки и запоры, спряталъ церковную утварь и на духовенство наложилъ налогъ. Епископскій намѣстникъ Григорій Негребецкій 13 февраля потребовалъ, для освидѣтельствованія на мѣстѣ, возного съ двумя свидѣтелями изъ шляхты, которые засвидѣтельствовали насильственные поступки Исаіи, и подтвердили слова его: „*кто не имѣемъ ключа обыкновенного, для того годится и ключь Петра.* Все то съ протестомъ клирошанъ внесено въ городскія книги: Ставропигія львовская также объявила, что Исаію, какъ не избранного канонически, признать епископомъ не намѣрена. Исаія приглашая, письмомъ своимъ 20 февраля, ставропигію на погребеніе дяди, обѣщалъ возвратить въ церковь взятые имъ серебряные сосуды и книги, и оувѣдомлялъ, что вмѣстѣ съ братствомъ, духовенствомъ и міранами, думаетъ совѣтоваться о своемъ избраніи въ епископы и о благѣ церкви. Ставропигія послала своихъ депутатовъ на похороны, но Исаію признать епископомъ не хотѣла. Исаія внесъ тоже въ галицкія городскія кни-

ги протестъ, что львовскіе архіепископы латин. обряда не имѣютъ права представлять королю кандидата въ русскіи епископы, которое себѣ присвоиваютъ, ибо, напротивъ того получилъ онъ уже отъ короля Сигизмунда 5 апр. 1595 г., привиллегію на коадъютора и преемника епископской каѳедры, и затѣмъ, будучи духовнымъ, шляхтичемъ и коадъюторомъ, имѣетъ и право и всѣ оусловія для занятія каѳедры. Князь Константинъ Острожскій, изрядный покровитель русской церкви, опасаясь, чтобы, при возникшемъ спорѣ Исаіи съ ставропигіею и духовенствомъ, латинскій архіепископъ не представилъ королю въ кандидаты какого нибудь уніата, писалъ 1 марта къ ставропигійскому братству, совѣтуя сохранять миръ и доброе согласіе; а для оуспокоенія возбужденныхъ умовъ прислалъ луцкого городничаго Ивана Волынца Черичинскаго, сына его Александра и Александра Путятицкаго: къ перемышельскому же епископу писалъ, чтобы онъ, будучи на похоронахъ постарался согласить братство съ новымъ епископомъ, и въ письмѣ къ братству изъяснилъ, что о томъ проситъ онъ, *какъ членъ церкви, сенаторъ и привиллегированный отъ патріарха екзархъ*. Но все то не подѣйствовало; ненависть къ роду Болобановъ взяла перевѣсъ, и притомъ Исаія не имѣлъ качествъ, которыя пріобрѣли бы ему расположеніе русскаго народа. Братство ставропигіальное и русское духовенство обратило вниманіе на добродѣтельного и набожного шляхтича Евстафія Тисаровскаго, признавая его достойнымъ сана епископа. Львовской латин. архіепископъ Янъ Замойскій, чтобы хотя какъ нибудь поддержать свое вліяніе, тотчасъ написалъ о немъ къ королю, и 30 октября послѣдовала привиллегія. Тисаровскій при посвященіи принялъ имя Іереміи. Лѣтоп. Львовскаго Ставр. Брат. стр. 57.

II.

КОНСТАНТИНЪ II.

КНЯЗЬ ОСТРОГЖСКІЙ.

О ПОБОРНИКѢ ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ.

*(Продолженіе *).*

В.

Считая необходимыми мѣрами для утвержденія православной вѣры въ предѣлахъ русскаго Юга, училища и книгопечатанія, Констанстантинъ II Острожскій, для той же цѣли принялъ въ 1585 г., подъ свое покровительство львовское братство 1).

Важность сего покровительства видна изъ того, а) что значеніе львовскаго братства было велико въ то время для православія русскаго юга; но б) что это братство подъ покровительствомъ князя Острожскаго пріобрѣло большую силу и упрочило свое существованіе.

а) „Главная цѣль львовскаго братства состояла въ томъ, чтобы соединенными силами поддерживать и распространять православіе и добрые нравы въ народѣ русскомъ. Для распространенія православнаго ученія, братство имѣло типографію и училище, въ которомъ дѣти православныхъ гражданъ обучались свящ. Писанію, славянскому и греческому языкамъ. Братству дано было право обличать противниковь закона Христова и удалять отъ церкви всякое безчиніе. Если кто нибудь изъ братьевъ преступалъ законъ,

*) См. кн. 7 Вѣстн. Зап. Россіи.

1) Лѣтоп. Львов. братства Зубрицкаго подъ 1585 годомъ. Ж. М. Н. просвѣщенія. Ч. 62.

то братство предавало его своему церковному суду и подвергало наказанію. Не покорявшійся рѣшенію братскаго суда былъ судимъ какъ противникъ церкви Христовой и отлучался отъ нея, какъ невѣрующій и явный грѣшникъ. Такого отлученія не могла снять никакая духовная власть, даже епископская, и никто не смѣлъ имѣть общенія съ осужденнымъ братомъ. Львовское братство не только своихъ членовъ обязывало къ исполненію правилъ, но имѣло вліяніе и на посторонниковъ. Если свѣтскія или духовныя лица жили не по закону, то братство увѣщавало ихъ словесно или письменно, а о непослушныхъ доносило епископу. Если бы и епископъ нарушалъ законъ истины и управлялъ церковію не по правиламъ святыхъ Апостоловъ и святыхъ Отцевъ, совращая праведныхъ въ неправду и поддерживая беззаконниковъ, то такому епископу должны были противиться всѣ, какъ врагу истины" 1).

Это-то львовское братство, имѣвшее въ виду таковую цѣль, обладавшее такими правами, было благодѣтельно и необходимо для православныхъ, находившихся въ предѣлахъ русскаго юга; существуя долго и прочно, оно поддерживало и распространяло православіе и добрые нравы въ народѣ русскомъ, и съ силою противилось дѣйствіямъ папистовъ и уніатовъ. Члены этого религіознаго общества иногда возсѣдали на святительскихъ православныхъ каѳедрахъ. Изъ его школы вышло много знаменитыхъ мужей, которые въ свое время были украшеніемъ православія и народа русскаго; а въ его типографіи, въ продолженіе трехъ вѣковъ, напечатано, по крайнѣй мѣрѣ, 300.000 церковныхъ и учебныхъ книгъ 2). Само оно въ послѣдствіи послужило образцомъ для виленскаго и другихъ братствъ.

б) Но это братство, столь полезное для православныхъ, и упроченіемъ своего существованія и пріобрѣтеніемъ могущества, обязано покровительству Константина II Острожскаго. Оно прежде, чѣмъ принято было имъ подъ покровительство, съ трудомъ отстаивало права православныхъ львовскихъ русиновъ и едва противилось неправымъ дѣйствіямъ папистовъ, не смотря на то, что сіи послѣд-

---

1) Памятники, изд. временною коммисіею. Кіевъ 1852 года т. III, предисловіе стр. V и VI.

2) Т. е. экземпляровъ. Badania o drukarniach Russkosławiańskich w Halicyi, Zubryckiego. 1836 г. см. Лѣт. Львов. Братства подъ №. 1586 г

ніе въ это время дѣйствовали во вредъ православію еще очень осторожно, и не такъ сильно, какъ послѣ; нерѣдко даже оно должно было соглашаться на постановленія унизительныя для православныхъ 1). Но съ 1585 г., когда оно было принято княземъ подъ покровительство, оно стало пріобрѣтать себѣ большую силу и большое значеніе; такъ что и во время усиленнаго стремленія папистовъ и уніятовъ ниизвергнуть православіе въ южно-русской церкви, оно могло уже противиться этимъ врагамъ православія, удерживать ихъ рѣшительное стремленіе, и часто своею силою исторгать у нихъ свободу и права православнымъ. Въ слѣдующемъ 1586 же году антіохійскій патріархъ Іоакимъ, путешествовавшій для собранія милостыни на поддержаніе храмовъ и утѣсненнаго духовенства въ Сиріи, привелъ его въ порядокъ, благословилъ заведеніе школы, въ которой учили бы греческому и славянскому языкамъ, убѣждалъ возобновить типографію, остававшуюся въ бездѣйствіи послѣ Ивана Ѳедорова, и построить благолѣпную церковь 2). Константинъ Константиновичъ, какъ покровитель львовскаго братства и ревнитель православія, много способствовалъ привести все это въ исполненіе. Въ 1588 г. константинопольскій патріархъ Іеремія утвердилъ порядокъ братства, введенный антіохійскимъ патріархомъ, также школу и типографію 3). Но, при значительномъ уже въ то время дѣйствіи папистовъ во вредъ пра-

1) На прим. въ 1521 г., послѣ жалобы на утѣтенія, дѣлаемыя латинниками жителямъ г. Львова, львовское братство принуждено было покориться слѣдующему унизительному для православныхъ постановленію, изданному Сигизмундомъ I-мъ: 1) русины могутъ наравнѣ съ латинниками быть свидѣтелями предъ судомъ; 2) русиновъ не принуждать къ присягѣ въ латинскомъ костелѣ или въ ратушѣ,—а должно приводить къ ней къ церкви; 3) священникъ можетъ идти со Св. дарами къ больнымъ и провожать покойниковъ въ церковномъ облаченіи по городу, но безъ свѣчъ и колокольчика; а вошедши въ улицу, называемую русскою, дозволяется зажигать свѣчи, пѣть и звонить, и 4) магистратъ, состоящій изъ латинниковъ, имѣетъ право самъ назначать православныхъ священниковъ, однакожъ обязанъ обращать вниманіе на представленіе русскаго общества, и отъ поставичнаго священника можетъ брать порукавичнаго неболѣе двухъ копъ грошей. Лѣт. Зубрицкаго подъ 1521 годомъ.

2) Лѣтоп. Зубрицкаго подъ 1586 годомъ.

3) Тамъ же подъ 1588 годомъ.

вославію, недостаточно было одного этого: для прочнаго существованія, какъ самаго братства въ настоящемъ его порядкѣ, такъ и возникающаго при немъ училища и возобновляемой типографіи, нужно было имѣть и отъ польскаго короля подтвержденіе. И князь Острожскій исходатайствовалъ (въ 1592 г. 15 окт.) у короля Сигизмунда III-го двѣ привиллегіи. Въ одной изъ нихъ сказано: „милостиво преклоняясь на принесенное намъ ходатайство ясневельможнаго, Константина, князя Острожскаго, воеводы кіевскаго, маршалка волынскаго и владимірскаго... старосты нашего, мы признали нужнымъ, по королевской нашей власти, оградить и утвердить, особенною, данною на то грамотою, всѣ права, постановленія, учрежденія, привиллегіи, обряды, церемоніи, обыкновенія, обычаи, владѣнія, фундуши, дарственныя и другія записи, свободы, вольности и всѣ, вообще и въ частности преимущества" 1). Другою привиллегіею снова утверждены учрежденіе и преимущества братства, предоставлено ему право содержать школу, pro tractandis liberis artibus, и типографію, pro excudendis libris, institutionem, ad eandem ecclesiam antiquitus institutam et ante aliquot annos reformatam 2). Для построенія благолѣпной церкви и школы и возобновленія типографіи, братство нуждалось въ пособіи. И Острожскій, жертвуя самъ многое, отправлялъ еще членовъ братства въ другія православныя страны 3). Такимъ образомъ упроченное, со стороны враговъ православія, существованіе приведеннаго въ порядокъ львовскаго братства принадлежитъ благочестивому князю Острожскому Константину II-му; при томъ изъ лѣтописи львовскаго ставропигіальнаго братства, сочиненной Зубрицкимъ, невидно, что бы въ число членовъ этого религіознаго общества, прежде нежели оно начало пользоваться покровительствомъ вельможнѣйшаго изъ князей князя Острожскаго, поступали лица, имѣющія большой вѣсъ въ государствѣ, и особенно не видно, чтобы поступали лица имѣющія силу и между католиками. Когда же

---

1) Грамота эта подтверждена была и королемъ Владиславомъ IV въ 1633 г. Памятники изд. Времени. Коммисіею. Кіевъ 1852 г. т. III, отд. 1, № X.

2) Лѣтоп. Львов. братства подъ 1592 г.

3) Подорожная кіевскаго воеводы К. К. К. О. Львов. Ставроп. братства Іерею Михаилу съ спутниками въ Москву. Акты Зап. Росс. т. IV, № 46.

Острожскій принялъ это братство подъ свое покровительство и упрочилъ его существованіе; тогда многіе изъ могущественныхъ лицъ и даже князья начали записываться въ число братій этого общества 1). Таковые члены, конечно, съ успѣхомъ могли пользоваться правами, принадлежавшими ихъ обществу, и съ успѣхомъ могли достигать полезнѣйшихъ для православной церкви цѣлей своего общества, что и доказали на дѣлѣ. Такимъ образомъ принятіе Константиномъ львовскаго братства подъ покровительство можетъ, по справедливости, почитаться одною изъ великихъ заслугъ сего благочестиваго князя въ пользу православія южно-русской церкви.

Такъ трудился благочестивый и богомудрый князь Острожскій Константинъ Константиновичъ въ пользу православія до начала бѣдственной уніи съ римскою церковію. Современники его вполнѣ постигали, какъ мы уже сказывали и прежде, цѣну великихъ его заслугъ, и прославляли Бога, даровавшаго имъ „такова свѣтильника церкви." Вотъ еще одинъ отзывъ ихъ о своемъ благодѣтелѣ: „Спасъ повелѣ," пишется въ предисловіи къ книгѣ о постничествѣ Василія Великаго, прежде вѣровати, потомъ же ветхаго человѣка отлагати, сирѣчь отъ злосѣчна грѣха исцелеватися узаконеваетъ еже нынѣ отъ благочестиваго княжати Костенътина Костенътиновича, нареченнаго въ св. крещеніи Василіа Острозского, воеводы Кіевскаго, маршалка земли волынское, старости владимерскаго и прочая, истино сбысться дѣломъ бо проиде Спасомъ узаконенное непощадѣ труду, не пощадѣ тщанія, не пощадѣ сокровищъ, но въ-весъ з любовію на заповѣди Спаса Христа и любити ближняго яко самъ себе вперися и еже искавъ, обрѣте, желалъ, получи. проси, пріемъ ему жъ мы что дароносимъ паче пріемшихъ отъ него? всяко равною мѣрою не возможно точію горѣ (стокроть сугубо обѣщавшагося воздаровати за нынѣшнее вѣчное) заплатъ ему равнодароносно, пачежъ излишне тамо всяко укажѣмъ да довлѣется симъ. вы же о православный Россійскій народе, съ благодареніемъ ее отъ онаго пріемше, елико кто изъобилуетъ дарова-

1) Памятники, изд. Врем. коммисс. т. III, отд. 1, стр. 90—92. Смотри списокъ замѣчательнѣйшихъ лицъ, вписавшихся въ книгу Львов. братства, также Лѣтоп. Львов. братства Зубрицкаго подъ 1595 годомъ.

ніемъ родоязычія хвалу. елицы простотою благодареніе. елицы внутрьными упражняющеся молитвы принесѣте. и отъ всѣхъ частей живота вашего даровавшаго намъ въ сія времена такова свѣтильника церкви благочестиваго князя, Бога похвалѣте, да о всемъ хвалится всесвѣтлое имя великаго Бога и спаса нашего Господа Іисуса Христа съ единосущнымъ Отцемъ и присно срасленнымъ святымъ Духомъ нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. Аминь."

Много трудился Константинъ II Острожскій для „утвержденія православной вѣры" между своими собратіями. Но усиленными дѣйствіями враговъ православія приготовлена была и приведена въ дѣйствіе гибельная для русскаго юга унія. Поэтому благочестивому князю Острожскому готовился новый родъ трудовъ и заботъ для охраненія православія; наступилъ вторый періодъ дѣятельности сего князя въ пользу православной южно-русской церкви.

2. Дѣйствія Константина II Острожскаго во время веденія Уніи.

Іезуиты, вѣрнѣйшія и надежнѣйшія орудія папской политики, много потрудились къ низверженію православія въ южной Руси, подготовляя умы православныхъ къ измѣнѣ св. православной вѣрѣ. Оставалось еще у нихъ желаніе имѣть на польскомъ престолѣ короля, преданнѣйшаго католичеству, чтобы торжественно пожать плоды своихъ трудовъ. Это желаніе скоро исполнилось: вступилъ (1587 г.) на престолъ Сигизмундъ III., котораго первѣйшею заботою, по словамъ польскихъ же историковъ, отъ вступленія его на престолъ и до конца жизни, было обращеніе къ костелу римскому различающихся въ вѣрѣ съ римско-католиками 1). Съ самаго начала своего царствованія Сигизмундъ III-й, совершенно ввѣрился своему духовенству, наиболѣе же іезуитамъ и придворнымъ льстецамъ. Его духовники Бернардъ Голынскій и Петръ Скарга назначали должности. Чего же могли ожидать для себя православные? Слѣпое усердіе римскаго духовенства къ обращенію въ римско-католическую вѣру начало нарушать спокойствіе въ ихъ семействахъ и преслѣдовать свободу ихъ совѣсти. Мало по малу начала угасать въ народѣ благоразумная умѣренность и вѣротер-

1) Dz. panow Zygm. III. Niemcewicza w Warszawie 1819 г. t. I, str. 333.

пимость. Не римско-католическія церкви въ Вильнѣ и Краковѣ были разрушены. Правда, король обѣщалъ наказать разрушителей храмовъ Божіихъ, но обѣщанія своего не исполнилъ. Не папистовъ не считали уже членами одного семейства, сынами одного отечества; для отличія называли ихъ диссидентами и, при всякомъ удобномъ случаѣ, отстраняли ихъ отъ занятія должностей и стѣсняли ихъ 1). Умы православныхъ начали колебаться. Литовскіе дворяне стали говорить о соединеніи церквей и благопріятствовать западной, имѣя въ виду свои личныя выгоды. Колебались также умы и высшихъ сановниковъ духовныхъ 2), ибо папа и Сигизмундъ III съ одной стороны предлагали имъ выгоды, честь и новые доходы, если они обратятся къ римско-католической церкви; а съ другой представляли имъ, что для нихъ же унизительно зависѣть отъ византійской церкви, которая сама находится подъ игомъ оттомановъ.

Когда такимъ образомъ, явилось желаніе и между многими православными соединиться съ римскою церковію для собственныхъ выгодъ; тогда благочестивый князь Острожскій Константинъ Константиновичъ, на котораго православные смотрѣли, какъ на „начальника своей вѣры,“ т. е. главнаго защитника, не могъ оставаться бездѣйственнымъ. Онъ хорошо понималъ бѣдственное состояніе роднаго ему края, и, желая доставить ему спокойствіе и благоденствіе, желалъ мира съ немиролюбивымъ Римомъ; и потому скоро началъ самъ стараться о примиреніи церквей. Но когда увидѣлъ, что таковое примиреніе не можетъ совершиться безъ вреда для православія; тогда возсталъ противъ введенія уніи и противъ ея нововведеній.

Нѣкоторые епископы, за свою жизнь, несообразную съ достоинствомъ священнаго сана, боясь строгаго суда восточной церкви, поспѣшили съ покорностію къ папѣ, въ надеждѣ не только не быть осужденными, но еще получить и выгоды. Дѣйствуя хитро и скрытно, они отправились къ Сигизмунду III-му съ подложнымъ, но по формѣ законнымъ, письменнымъ согласіемъ отъ всего южнорусскаго духовенства на принятіе, давно желанной папою и коро-

1) Этотъ взглядъ на царствованіе Сигизмунда III взятъ у польскаго же историка Бандтке. Ист. гос. польск. перев. С.-Пб. 1830 г. т. II, стр. 190—194.

2) Исторія гос. Росс. карамз. С.-Пб. 1834 г. т. X, стр. 265.

лемъ, уніи. Скрытныя дѣйствія Кирилла Терлецкаго и другихъ не укрылись однакожъ отъ бдительнаго ока благочестиваго князя. Извѣщенный 1) объ этомъ вѣрными св. православной церкви и сильно пораженный симъ, онъ для защиты и охраненія православія „мало не што день листы писалъ,“ по свидѣтельству одного современника 2). Немедленно онъ воззвалъ къ заблуждающимъ пастырямъ, увлекающимъ за собою и паству, воззвалъ голосомъ, убѣждающимъ ихъ оставить свои намѣренія и дѣйствія и возвратиться въ лоно православной церкви. Но заблуждающіе пастыри, сознавая его силу и боясь, чтобы онъ не остановилъ, къ сраму ихъ, начатаго уже ими дѣла, старались обмануть его, съ одной стороны убѣждая его въ томъ, что они вовсе не думали о введеніи въ русскій югъ уніи и даже не знаютъ о томъ, въ чемъ онъ обличалъ ихъ 3), съ другой стороны доказывая ему, что имъ и неприлично и невозможно совершать такое дѣло безъ согласія свѣтскихъ лицъ „братій равныхъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ, хотя и меньшихъ членовъ церкви,“ особенно же безъ воли и содѣйствія его 4). Писалъ онъ и къ прочимъ епископамъ, спрашивая ихъ, съ ихъ ли вѣдома совершается начатое дѣло уніи, и въ тоже время далъ знать о томъ и патріарху 5).

Наконецъ, получивъ вѣрныя свѣдѣнія о томъ, — что многіе епископы и не знали даже о задуманномъ и приводимомъ уже въ исполненіе дѣлѣ уніи нѣкоторыми только епископами отъ лица всѣхъ, равно и о самыхъ виновникахъ этого дѣла 6), Констан-

1) Акты зап. Росс. т. IV N. 149 стр. 212.

2) Тамъ же.

3) 1595 г. 17 Марта Ипатій Поцѣй писалъ о себѣ къ К. К. О., что онъ объ уніи и не слышалъ и что „даже“ о томъ ся намъ ани снило.“ Апокрив. стр. 19.

4) Письмо митр. Рогозы, писанное 12 Августа 1595 года къ К. К. К. О. (Прибавл. къ описан. соф. соб. N. 14,3) и Ипатія Поцѣя къ нему же, писанное 17 Марта 1595 г.

5) Акты зап. Росс. т. IV, N. 149 стр. 212.

6) О послѣднихъ онъ увѣрился частію и отъ нихъ же самихъ, — заключилъ изъ ихъ писемъ. См. письмо, писанное къ К. К. К. О. Поцѣемъ 1595 г. Іюня 16 (Акты зап. Росс. т. IV, N. 70), въ которомъ Поцѣй, сознавая себя участникомъ въ дѣлѣ уніи, говоритъ, что все дѣло состоитъ только въ принятіи календаря и убѣждаетъ князя содѣйствовать ему совершить начатое дѣло.

тинъ Константиновичъ (1595 г. 24 іюня) написалъ и разослалъ свое „окружное посланіе“ ко всѣмъ православнымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, находящимся въ Королевствѣ Польскомъ и Великомъ княжествѣ Литовскомъ 1). Напрасно отступники отъ православія усиливались примирить съ собою князя и склонить его на свою сторону. Отвѣтомъ его на ихъ убѣжденія было это окружное его посланіе. Въ немъ онъ, осуждая тогдашнее начальнѣйшее южно-русское духовенство въ измѣнѣ православію, съ равноапостольною ревностію, въ сильныхъ выраженіяхъ, убѣждаетъ всѣхъ и каждаго мужественно и непоколебимо стоять въ православной вѣрѣ и необольщаться новоизмышленною уніею. Въ то же время свой голосъ кроткой просьбы къ измѣнникамъ православія,— хищнымъ волкамъ, онъ измѣнилъ на голосъ законнаго требованія: онъ требовалъ составить соборъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, чтобы соборомъ отвратить введеніе уніи. „Надобно прежде,“ писалъ онъ Поцѣю, бывшему въ то время у короля, „поговорить объ условіяхъ, на какихъ соединяться съ римлянами, а не такъ слѣпо поддаваться папѣ“ 2). Но паписты отклонили соборъ и совѣтъ со свѣтскими, говоря, что „это де будетъ полютерански. Ибо де овцы должны слушать гласа пастырей, а не пастыри гласа овецъ“ 3). И Ипатій Поцѣй съ Кирилломъ Терлецкимъ отправились въ Римъ, гдѣ торжественно, у ногъ папы, засвидѣтельствовали отъ всѣхъ православныхъ согласіе на принятіе уніи съ римскою церковію. Но, повидимому, уже и оконченное дѣло не погасило въ Константинѣ Острожскомъ пламенной ревности по православной вѣрѣ.

Краснорѣчивое и убѣдительное окружное его посланіе (исполненное глубокимъ познаніемъ и слова Божія и догматовъ св. православной вѣры), какъ истинное выраженіе русской души, преданной св. православной восточной церкви, напитанной чистымъ ея ученіемъ и проникнутой истинною любовію къ ея святости, не могло не возбудить въ русскихъ сердцахъ сочувствія и участія въ дѣлѣ вѣры. Епископъ львовскій Гедеонъ Балабанъ, надѣясь на

1) Акты зап. Росс. т. IV. N. 71.

2) Письмо Еп. Поцѣя къ К. К. К. О., писанное 5 Августа 1595 г., помѣщенное въ прибавл. къ описанію Соф. Соб. N. 14, стр. 67 и примѣч. къ этой страницѣ.

3) Тамъ же, тоже примѣч.

покровительство сильнаго князя Острожскаго 1), (1 іюля 1596 года) обнародовалъ жалобу, что депутаты — отступники приняли во всемъ римскую вѣру, оставивъ только для вида греческіе обряды, что они безсовѣстнымъ подлогомъ позорятъ имя его и епископа Михаила, и что, безъ вѣдома и воли паствы, покорили паству папѣ. Народъ волновался. Тогда Константинъ Константиновичъ, къ довершенію своихъ подвиговъ, явился на варшавскомъ сеймѣ и записалъ (26 іюля 1596 г.) въ сеймовыя книги слѣдующую протестацію: „Я Константинъ Княжя Острозское воевода кіевскій... до суду короля его милости, и книгъ сейму варшавскаго нынѣшняго пришедши оповѣдамся. Ижъ два владыкове Іпатей володимерскій, а Кириллъ Терлецкій луцкій, безъ вѣдомости иншихъ духовныхъ и насъ всѣхъ релѣи греческой; такъ народу шляхетского, яко и человѣка посполитаго... приступили къ соединенію съ римскою церковію.“ „Ижъ владыкъ таковыхъ послове наши, такъ и мы сами и человѣкъ посполитый въ маетностяхъ нашихъ слухати, и ихъ за духовные наши мѣти, также и въ добрахъ нашихъ терпѣти нехочемо. И Юрздикціи имъ ростягати недопустимо. Такъ и теперь самъ отъ себѣ зособна втн ихъ слова втомъ всемъ яко выше помянено есть, противъ особамъ выше менованнымъ протестую и осведчаю, и при томъ осведченью моемъ, поки ми права ставати будетъ, стояти хочу и буду“ 2).

Труды и старанія князя Острожскаго не были безплодны. Едва отступники отъ православія, возвращаясь изъ Рима, вступили въ предѣлы Руси, какъ въ самомъ „митрополитѣ Рагозѣ замѣтили немного бдительности и заботы объ уніи, въ Константинѣ, князѣ Острожскомъ, и епископѣ Гедеонѣ Балабанѣ увидѣли сильное противудѣйствіе ей, въ народѣ же волненіе“ 3). Дѣло уніи, по старанію князя Острожскаго, было въ худомъ состояніи; ибо „руши-

1) Лѣт. Зубрицкій свидѣтельствуетъ, что К. К. К. О. „склонилъ“ сего, епископа сдѣлать это (Лѣтоп. Львов. братства подъ 1595 г.)

2) Апокрисисъ стр. 83 и 34.

3) См. біографію Поцѣя,—при изданіи его поученій, перевед. Львомъ Кишкою съ русс. на польск. языкъ, и напечат. въ супрасльскомъ базильянскомъ монастырѣ 1714 г.

лись всѣ надежды мировой сдѣлки“ 1). Но за отступниковъ отъ православія ревностно хлопоталъ король Сигизмундъ III-й, усердный слуга папы. Назначенъ былъ сеймъ въ Брестѣ. Явились отступники, съ повѣренными отъ короля; явились и православные, подъ защитою князя Острожскаго. Послѣ богословскихъ преній, дѣло наконецъ кончилось тѣмъ, что обѣ стороны взаимно одна другую предали анаѳемѣ. Октября 9 1596 г., соборъ уніатовъ собрался въ церкви св. Николая, гдѣ все дѣло началось и кончилось тѣмъ, что съ амвона прочтены были полоцкимъ архіепископомъ папская булла и актъ соединенія, подписанный еще 8 октября митрополитомъ и другими. Православные духовные и свѣтскіе оставили враговъ православія, составили отдѣльное засѣданіе и подписали приговоръ: а) не слушать ни въ чемъ митрополита и прочихъ отступниковъ епископовъ, а считать ихъ лишенными власти, б) не предпринимать ничего, въ отношеніи къ вѣрѣ, безъ константинопольскаго патріарха. Такъ совершилось окончательное раздѣленіе членовъ южно-русской церкви на православныхъ и уніатовъ.

Нѣтъ нужды подробно описывать дѣйствія богомудраго князя Острожскаго во время совершенія брестскаго собора, потому что это значило бы описывать, въ подробномъ видѣ, все дѣло самаго собора. Замѣтимъ только то, что особенная важность дѣйствій Константина II Острожскаго, во время введенія уніи, въ томъ именно и состоитъ, что онъ твердо сталъ тогда за православіе: если бы при тогдашнемъ состояніи самой южно-русской церкви и при тогдашнихъ дѣйствіяхъ враговъ православія не было Константина Острожскаго, а еще болѣе, если бы онъ былъ, но предался на сторону уніатовъ; то, несомнѣнно, унія съ римскою церковію была бы рѣшительно введена въ предѣлы русскаго юга съ полнымъ ея торжествомъ. Покажемъ это нѣсколько подробнѣе, а) онъ пользовался и имѣлъ полное право пользоваться вниманіемъ и довѣренностію православныхъ въ дѣлахъ вѣры. Онъ былъ мужъ благочестивѣйшій, и всю жизнь свою посвящалъ въ пользу православной вѣры, не щадя для этого ни собственныхъ силъ, ни маетностей. Самые враги православія отступники епископы признавали сего богомуд-

1) Upadły wszystkie ugody nadzieie. Dz. y praw kosc. polsk. Ostrowskiego t. III, str. 410.

раго мужа, то столпомъ и украшеніемъ церкви Божіей, 1) то бдительнымъ окомъ 2) православной церкви. Поэтому-то, когда начато дѣло уніи, вниманіе всѣхъ православныхъ обращено было на него; отъ него ожидали рѣшенія, на него полагали свою надежду и отъ него ожидали защиты. Его спѣшили извѣщать о дѣйствіяхъ отступниковъ отъ православія 3). Объ немъ и его дѣйствіяхъ православные всячески старались узнавать и извѣщать другихъ, члены одного семейства извѣщали прочихъ членовъ, братства извѣщали другія братства 4). И такъ, если бы онъ предался на сторону уніатовъ, то, и безъ всякихъ дѣйствій со стороны враговъ православія, примѣръ его увлекъ бы за собою весьма многихъ. Если же взять во вниманіе и усильныя старанія папистовъ и уніатовъ, пользовавшихся всѣми и законными и незаконными средствами, что бы только привлечь православныхъ къ уніи; и еще болѣе, если взять во вниманіе то, что Острожскій имѣлъ собственное княжество, занимавшее значительную часть нынѣшней Волынской и нѣкоторыя части Кіевской и Подольской губерніи, и заключавшее въ себѣ 35 городовъ и мѣстечекъ и 671 селеніе, исключая имѣнія духовныя 5), то обращеніе его на сторону уніатовъ, безъ всякаго сомнѣнія, увѣнчало бы труды и политику папы полнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что изъ ревности но благочестію, „слово, прикладъ и власть,“ которыя онъ употреблялъ для удержанія православныхъ въ нѣдрахъ восточной церкви 6), онъ употребилъ бы для привлеченія ихъ къ уніи.

б) Только онъ могъ возстать противъ введенія уніи, противъ ея нововведеній и нововводителей, и только подъ его защитою и

---

1) Письмо Поцѣя 5 Августа 1595 г. (Прибавл. къ описан. соф. соб. N. 14,7).

2) Письмо митр. Михаила Рогозы мѣсяца Марта 1595 года. (Тамъ же N. 14,2).

3) Акты зап. Росс. т. IV, N. 149 стр. 212. Это же видно и изъ писемъ митроп. Рогозы и Поцѣя къ К. К. К. О. (Приб. къ опис. соф. соб. N. 14).

4) См. вѣстовыя оттиски неизвѣстныхъ лицъ 1596 г. (Акты зап. Россіи, т. IV, N. 106); также посланіе Львов. Русина Юрія Рогатинца Виленскому православ. братству 1599 году. (Тамъ же N. 146).

5) Временникъ 1852 г. кн. 14, стр. 38.

6) Obr. Wiek. Zygm. III. Siarczinski t. II, str. 44.

при его пособіи могли возстать и другіе. Одинъ онъ, какъ вельможнѣйшій изъ князей, находившихся въ польской коронѣ, могъ противиться сильнымъ врагамъ православія, каковъ король Сигизмундъ III и всѣ уніаты, пользовавшіеся королевскимъ покровительствомъ. Ревнителями и защитниками православія во время введенія уніи особенно явились, изъ духовныхъ: епископы—Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Копыстынскій, епископъ перемышльскій, два экзарха константинопольскаго патріарха Іереміи, Никифоръ Протосинкелъ и александрійскаго Мелетія, архимандритъ Кириллъ Лукарь, и другіе; а изъ свѣтскихъ Ѳеодоръ Скуминъ новгородскій воевода и другіе. Не говоря о безсиліи другихъ лицъ въ глазахъ сильныхъ враговъ православія, нужно сознаться, что и упомянутыя лица явились ревностными поборниками православія только подъ покровительствомъ и при содѣйствіи князя Острожскаго: епископъ Гедеонъ Балабанъ былъ въ это время ревностнѣйшимъ изъ всѣхъ поборниковъ православія. Но, въ самомъ началѣ, православные не совсѣмъ довѣряли ему, какъ видно изъ лѣтописи Зубрицкаго (подъ 1596 годомъ). Предъ этимъ же временемъ онъ, за споръ съ львовскимъ братствомъ, былъ осужденъ духовнымъ судомъ, и значитъ не имѣлъ бы силы для враговъ православія; они имѣли даже предлогъ устранить его и заточить. Только изъ страха и уваженія къ Острожскому, митрополитъ Рагоза разрѣшилъ его отъ лежавшаго на немъ духовнаго суда, и только при посредствѣ князя Острожскаго, былъ прекращенъ споръ сего епископа съ львовскимъ братствомъ 2), этотъ споръ 3) не давалъ возможности, не только епископу, но и самому братству, съ успѣхомъ дѣйствовать противъ нововведеній уніи и ея нововводителей. И епископъ и братство, ослабляя себя этимъ споромъ взаимно, не могли дѣйствовать противъ враговъ совокупными силами, гдѣ требовалось взаимное миролюбивое согласіе, и тѣмъ давали врагамъ православія возможность дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ къ ниспроверженію православія. Между тѣмъ, въ слѣдствіе „мировой,“ заключенной съ обѣихъ сторонъ при посредствѣ князя Острожскаго, и епископъ и братство друже-

1) Письмо митр. Рогозы къ К. К. К. О. Марта 1595 г. (Приб. къ опис. соф. соб. N. 14,2).

2) Акты зап. Росс. томъ IV, N. 113.

3) Подробности этого замѣчательнаго спора. См. Лѣт. Львов. Брат. Зубр. съ 1588 до 1596 г.

любно и много потрудились въ пользу и на защиту православія, и оказали много успѣховъ. Были поборниками православія два экзарха. Но враги православія, для удобнѣйшаго привлеченія православныхъ, воспрещали сношенія въ востокомъ 1). Если же они и были на соборѣ брестскомъ, то единственно при пособіи Острожскаго. Онъ писалъ къ патріарху александрійскому, и присланъ былъ къ нему „вмѣстѣ съ нѣкоими писаньми Кириллъ Лукарь 2). Къ нему же прибылъ и Никифоръ Протосинкеллъ отъ константинопольскаго патріарха 3). У него же оба эти экзарха нашли себѣ пособіе и покровительство. И только подъ его покровительствомъ, они могли ревностно стоять за православіе 4). Изъ свѣтскихъ лицъ много значилъ для враговъ православія Θеодоръ Скуминъ Тишкевичъ, воевода новгородскій. Но, по свидѣтельству польскихъ историковъ, митрополитъ Михаилъ Рогоза много прилагалъ стараній, чтобы склонить его на сторону уніатовъ 5), и Скуминъ, не имѣя возможности могущественно возстать противъ введенія уніи, письмомъ просилъ Константина II Острожскаго предстательствовать предъ королемъ, чтобы дозволено было православному духовенству и дворянству имѣть съѣздъ для переговоровъ съ кіевскимъ митрополитомъ и литовско-русскими епископами, замыслившими предаться уніи 6). Остается еще упомянуть о великомъ поборникѣ православія, епископѣ Михаилѣ перемышльскомъ. Но что значилъ онъ въ глазахъ сильныхъ и несправедливыхъ враговъ? Съ силою, какъ малороссійскій гетманъ и какъ намѣстникъ королевскій, возсталъ противъ уніи Косинскій, но самымъ низкимъ и безчеловѣчнымъ образомъ былъ умерщвленъ 7). Тоже могло постигнуть и

---

1) Акты зап. Россіи т. IV, N. 113.

2) См. выше примѣч. 43.

3) Акты зап. Россіи т. IV, стр. 213.

4) Dz. y praw. kosc. pol. Ostrowskiego t. III, str. 408, 409, также слѣдств. дѣло Никифора Протосинкелла. Акты зап. Россіи IV N. 117.

5) Чтенія общ. истор. и древн. Росс. 1847 г. N. 8, отд. III, стр. 29, это подтверждаетъ и письмо митр. Рогозы къ Скумину. Акты зап. Росс. IV N. 74.

6) Акты зап. Росс. т. IV, N. 72.

7) Его звали въ Брестъ на совѣтъ, притворно соглашаясь съ нимъ. Едва онъ прибылъ туда, его взяли подъ стражу, судили римск. и русск. судомъ и умертвили, лишивъ его пащи, свѣта и

епископа Михаила; ибо его удобнѣе, чѣмъ гетмана и королевскаго намѣстника, враги могли лишить жизни. Только Константинъ Константиновичъ могъ не бояться и не боялся враговъ православія; потому и могъ возстать противъ введенія уніи. Только подъ его могущественнымъ покровительствомъ и другіе поборники православія имѣли силу въ глазахъ уніатовъ и папистовъ и могли безбоязненно противиться введенію ея 1). Онъ самъ сознавалъ свое значеніе, и, не щадя своихъ силъ и издержекъ, не обольщаясь льстивыми убѣжденіями и отступниковъ отъ православія уніатовъ, и самаго короля 2) и папы 3), съ большею силою началъ дѣйствовать въ защиту православія, и, при содѣйствіи главнымъ образомъ двухъ поборниковъ православія епископовъ Гедеона Балабана и Михаила перемышльскаго, отдалилъ унію отъ русскаго юга, по выраженію львовскаго лѣтописца Зубрицкаго, на цѣлое столѣтіе 4).

И такъ ревностно трудился Константинъ II Острожскій въ защиту православія южно-русской церкви во время введенія уніи. Но польскіе историки 5), а вслѣдъ за ними и другіе, впрочемъ неправославные, говорятъ, что князь Острожскій самъ желалъ уніи съ римскою церковію, но препятствовалъ введенію ея единственно потому, что было оскорблено его самолюбіе. Дѣйствительно, князь желалъ соединенія съ римскою церковію, какъ видно изъ его письма и „артыкуловъ," писанныхъ имъ еще до начала уніи къ Ипатію Поцѣю. „Всякій человѣкъ," говоритъ онъ въ письмѣ, „долженъ заботиться о томъ, чтобы могъ быть размножителемъ и

воздуха. Истор. Малороссіи Маркевича. Москва 1842 года т. 1, стр. 80 и 81.

1) Во всемъ этомъ сознаются польскіе историки. Они побудительною причиною всѣхъ твердыхъ въ православіи и недовольныхъ уніею и всѣхъ ихъ дѣйствій противъ нея считаютъ единственно К. К. К. О.

2) Письмо Сигизмунда III къ К. К. К. О. Акты зап. Россіи т. IV, N. 76.

3 И папа Климентъ VIII писалъ къ К. К. К. О., убѣждая его принять унію; но князь отвѣчалъ въ такомъ смыслѣ, что „отъ уніи онъ не прочь, но не прежде, какъ на соединеніе церквей согласятся патріархи." Лѣтоп. Львов. брат. Зубрицк. подъ 1600 г.

4) Тамъ же подъ 1602 годомъ.

5) Niesecki Korana Polska 1740 r. t. III, str. 516; Ostrowski Dz. y pr. Kosc. Pol. 1793 r. t. III, str. 382 и къ 401 стр. прим. (1); Siczczinsky Obr. Wiek. Zygm. III t. II, str. 43 и 44 и другіе.

любовникомъ хвалы Божее" или же, покрайней мѣрѣ, „пріобщителемъ или участникомъ ея." Съ давняго времени было и въ настоящее время не только не угасаетъ, но еще болѣе и болѣе распаляется и во мнѣ сильное желаніе, чтобы „при такомъ упадку, знищенью и опущенью матки нашое церкве святой соборной и апостольской восточной," найдти способъ, посредствомъ котораго святая православная церковь могла бы прійдти въ свое прежнее величественное положеніе и пребыть въ немъ навсегда. Почувствовавъ въ себѣ „залогъ письма святаго, говорящаго: *Сила Божія въ немощи совершаетъ* и: *отъ человѣкъ невозможная Богу возможна суть,*" и сѣтуя о „паденіи церкви Христовы" и о „наруганіяхъ" дѣлаемыхъ еретиками и самыми римлянами, я, вмѣстѣ„ съ своими старшими и презвитерами, дерзнулъ было" вступить съ Поссевиномъ, посломъ папы римскаго, въ разсужденіе „о нѣкоихъ нужныхъ рѣчахъ писанія святаго." Далѣе, въ этомъ же письмѣ его расказывается, что, въ слѣдствіе неисполнившагося желанія самому лично переговорить съ Поссевиномъ о дѣлахъ вѣры, просилъ высшихъ духовныхъ лицъ, — послѣ соборнаго совѣщанія, приступить къ примиренію церквей, предлагая имъ съ одной стороны и свою помощь, а съ другой рѣзко описывая имъ бѣдственное состояніе святой южно-русской церкви и напоминая имъ о долгѣ ихъ пастырскаго служенія 1). Поелику же при всеобщемъ почти направленіи умовъ православныхъ къ соединенію съ римскою церковію и при хитрыхъ дѣйствіяхъ іезуитовъ, самое соединеніе могло совершиться не иначе, какъ съ измѣною чистоты святой соборной Апостольской православной Восточной церкви: то нужно было раскрыть глаза желающимъ соединенія, чтобы они видѣли, съ какими условіями нужно приступать къ соединенію съ Римомъ. Острожскій сознавалъ это и въ тоже время написалъ и послалъ къ духовнымъ святителямъ пункты (артыкулы) о нѣкоторыхъ предметахъ, на которые нужно было обратить особеннѣйшее вниманіе, какъ на необходимые для охраненія вѣры отъ нововведеній. Пункты эти слѣдующіе:

1) Чтобы мы православные въ совершенной цѣлости „остались" при всѣхъ своихъ обрядахъ, какъ содержитъ восточная церковь.

1) Посланіе К. К. К. О. Ипатію Поцѣю еп. Владим. и Брест. Акты зап. Россіи т. IV, N. 45,1,

2) Чтобы господа римляне не обращали въ свои костелы церквей нашихъ и пожертвованныхъ имъ имѣній.

3) Чтобы послѣ заключенной „згоды“ (единомысленнаго согласія и взаимной любви), если бы кто изъ нашихъ потомъ и захотѣлъ предаться костелу римскому, не принимали, ни принуждали, особенно же при вступленіи въ бракъ, какъ это они привыкли дѣлать.

4) Чтобы духовные наши пользовались такимъ же уваженіемъ, какъ и ихъ, особенно же, чтобы митрополитъ и архіереи („владыкове“) въ „радѣйна сеймахъ“ имѣли мѣсто, хотя и не всѣ.

5) Нужно бы послать и къ патріархамъ, чтобы они согласились на згоду, чтобы мы единымъ сердцемъ и единымъ усты Господа Бога хвалили.

6) Нужно послать и къ московскому (т. е. царю) и къ Волохамъ, чтобы они на одно съ нами были согласны; мнѣ кажется болѣе надежнымъ употребить для этаго, е. м. отца епископа владимірскаго послать въ Москву, а отца епископа львовскаго къ Волохамъ.

7) Нужно также исправленіе „нѣкоторыхъ рѣчей въ церковныхъ книгахъ,“ особенно же „около вымысловъ людскихъ.“

8) О закладываніи школъ и наукъ вольныхъ тщательно нужно стараться, особенно для ученія духовнымъ, чтобы мы имѣли ученыхъ пресвитеровъ и хорошихъ проповѣдниковъ: ибо „великое грубіянство“ между нашими духовными отъ того, что нѣтъ наукъ 1).

Изъ этого видно, что благочестивый князь Острожскій а) дѣйсвительно желалъ мира, и единенія съ немиролюбивымъ Римомъ; б) желалъ уніи, но вовсе не той, какую готовилъ папа съ іезуитами и Сигизмундомъ III и какая постигла русскій югъ; в) желалъ уніи, но вовсе не думалъ вводить ее въ Русь такимъ образомъ, какъ она вводима была. Словомъ богомудрый князь Константинъ II желалъ уніи вселенской въ святой церкви Христовой, чтобы всѣ члены одного тѣла едиными усты и единымъ сердцемъ прославляли Господа Іисуса Христа, главу и основателя своего. Поелику же папа съ іезуитами и королемъ старались ввести въ Русь унію иную, нежели какой желалъ князь; то явно, что онъ

---

1) Эти артыкулы были отправлены К. К. К. О. еписк. Владимірскому Ипатію Поцѣю. Тамъ же N. 45,11.

долженъ былъ отказаться отъ сей уніи и охранять православіе своихъ соотечественниковъ.

Между тѣмъ, и при этихъ ясныхъ свидѣтельствахъ о справедливой нерасположенности князя къ бывшей въ русскомъ югѣ уніи, польскіе историки указываютъ совершенно другія причины, по которымъ онъ, будто бы, не принялъ уніи. Они говорятъ слѣдующее: Сначала князь Константинъ-Василій Константиновичъ Острожскій благопріятствовалъ намѣренію соединить Русь съ костеломъ римскимъ, и просилъ папу Григорія XIII прислать ему славянскую библію, объявляя свое согласіе принять желанное соединеніе; но раздосадованный тѣмъ, что въ дѣлѣ уніи и при посольствѣ въ Римѣ, мало обратили вниманія на него и не отправили его посломъ, а еще болѣе тѣмъ, что русскимъ епископамъ было отказано въ мѣстѣ въ сенатѣ, остался на сторонѣ отщепенцевъ (т. е. православныхъ). Это чистая клевета на благочестиваго князя: а) Константинъ Константиновичъ, дѣйствительно, просилъ Григорія XIII прислать ему списокъ славянской библіи. Но онъ обращался къ папѣ потому же, почему обращался и къ лицамъ другихъ странъ, прося присылки списки библіи, необходимые для напечатанія вѣрнѣйшей полной славянской библіи.

б) Даже польскіе историки говорятъ, что Константинъ Константиновичъ былъ преданнѣйшимъ сыномъ православной восточной церкви. Такъ Сярчинскій 1) пишетъ: „Князь Константинъ былъ самымъ пламеннымъ почитателемъ своей благочестивой вѣры и обрядовъ.“ Но, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ ученый, и человѣкъ, который такъ преданъ святой православной церкви, который самымъ ревностнымъ образомъ исповѣдуетъ свою вѣру, не можетъ быть способенъ на то, чтобы играть ею и мѣнять ее, какъ одежду. (См. „Начало Уніи Зубрицкаго).“ Изъ Короны польской Нѣсецкаго 2) видно, какъ много Константинъ Константиновичъ прилагалъ старанія, чтобы обратить къ православію сына

1) Obr. Wiek. Zygm. t. II, str. 44.

2) Т. III, стр. 518. Онъ пересказываетъ забавныя насилія, какія будто бы употреблялъ К. К. К. О. для обращенія Януша къ православной вѣрѣ предковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь преувеличено многое; но то покрайней мѣрѣ, является отсюда несомнѣннымъ, что К. К. К. О. дѣйствительно прилагалъ все стараніе къ обращенію сына своего Януша въ нѣдра святой православной церкви.

своего Януша, отступившаго отъ святой прарославной церкви къ костелу римскому. А дружелюбное (дек. 1 дн. 1592 г.) письмо 1) Константина II къ братству львовскому, въ которомъ онъ просилъ сіе братство имѣть попеченіе о сынѣ его Александрѣ, чтобы его не совратили іезуиты, свидѣтельствуетъ, какія старанія прилагалъ онъ, чтобы въ членахъ своего семейства видѣть не отступниковъ отъ православія къ католичеству, но вѣрныхъ чадъ святой православной церкви. Такимъ образомъ благочестивый и богомудрый князь Острожскій, еще до начала вводимой уніи, такъ ревностно старавшійся сохранить свое семейство въ святой православной вѣрѣ, естественно, не могъ благопріятствовать введенію въ русскій югъ той уніи, которая была такъ противна православной вѣрѣ и которая была такъ бѣдственна для православныхъ.

в) Оскорбленіе и досаду Константина Константиновича, будто бы произшедшую отъ того, что, въ дѣлѣ уніи и при посольствѣ въ Римъ, мало обратили на него вниманія и не отправили его посломъ, нельзя принять за причину ревностнаго сопротивленія его уніи. Никто изъ князей Острожскаго никогда не былъ посломъ; тѣмъ болѣе вельможнѣйшій изъ князей русскихъ Константинъ II не могъ желать себѣ чести — быть посломъ въ Римъ. Уже его могущество и знатность не соотвѣтствовали этому дѣлу. Князь Острожскій Константинъ II былъ вельможа, который жилъ, какъ царь, и былъ столько же могуществен (что не скрываютъ и польскіе историки). У него во владѣніяхъ было болѣе 600 церквей 2); одинъ изъ его сыновей былъ господиномъ половины Руси 3), и, по смерти своей, кромѣ серебра, драгоцѣнныхъ камней и жемчугу, однимъ угорскимъ золотомъ оставилъ 300,000 червонцевъ въ наличности; другой его сынъ Александръ, воевода волынскій, велѣлъ сорвать цѣпи, замыкавшія ворота королевскаго замка, чтобы свободнѣе въѣхать къ королю со всею своею многочисленною свитою; самъ онъ имѣлъ милліонъ двѣсти тысячь (тогдашнихъ злотыхъ польскихъ) ежегоднаго дохода 4); у него

1) Помѣщено въ Кіевлянинѣ кн. 2-я, 1841 г. стр. 48.
2) Obr. wiek. Zygm. III, Siarcz. t.II, str. 44.
3) Тамъ же стр. 42, (соединенной съ Польшею).
4) Тамъ же стр. 45. Korona Polska Niesieckiego t. III, str. 515. Въ исторіи царствованія Сигизмунда III, на стр. LXXXIII. Вступленія Нѣмцевичемъ помѣщена таблица, означающая цѣнность

сенаторъ, польскій воевода, былъ старшимъ слугою и маршалкомъ двора, получая 10,000 ежегоднаго жалованья единственно за то, какъ выражается одинъ польскій писатель, что два раза въ годъ долженъ был являться предъ лице князь 1); въ его замкѣ никогда не было меньше 1,000, весьма же часто простиралось до двухъ тысячь число придворныхъ его чиновъ 2); онъ справедливо былъ достойный потомокъ святаго Владиміра. Столь знаменитый князь, естественно, не могъ желать для себя унизительной чести—отправиться посломъ въ Римъ и, на колѣняхъ, отрекаться отъ святой православной вѣры, насажденной его предкомъ на святой Руси 3).

г) Еще менѣе истины въ томъ, будто бы отказъ русскимъ епископамъ въ сенаторскихъ мѣстахъ былъ причиною нерасположенности Константина Константиновича къ уніи. Правда, что онъ всѣми мѣрами старался возвысить русское духовенство и потому желалъ доставить представителямъ его мѣсто въ сенатѣ и на сеймахъ на равнѣ съ духовенствомъ римскимъ; но если бы унія была дѣломъ законнымъ, дѣломъ святымъ, вселенскимъ, какой и онъ желалъ: то отказъ въ сенаторскомъ мѣстѣ епископамъ, очевидно, не могъ быть причиною негодованія его на унію. Если же представить его честолюбцемъ, какъ хотятъ польскіе историки, то мысль о значеніи упомянутаго отказа оказывается еще болѣе странною. Константинъ Константиновичъ, засѣдая въ сенатѣ, своею особою замѣнялъ нѣсколькихъ епископовъ; кромѣ того, у него Кириллъ Лукарь, въ послѣдствіи патріархъ константинопольскій, былъ ректоромъ острожской академіи и получалъ жалованье. Добиваться, чтобы дали русскимъ епископамъ мѣсто въ сенатѣ, гдѣ и онъ засѣдалъ, значило бы стараться сдѣлать себѣ равными лица, которыя были въ зависимости отъ него. Очевидно, честолюбецъ никогда не позволитъ себѣ этаго.

И такъ, не иное что могло удержать благочестиваго и бого-

тогдашнихъ монетъ. По вычисленію, на основаніи сей таблицы, окажется, что 1,200,000 составляетъ 1,800,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рубл.

1) Kor. Polska Nieseck. t. III, str. 515.

2) Тамъ же и Obr. Wiek. Zygm. III, Siarcz. t. II, str. 45.

3) См. „Начало Уніи Зубрицкаго въ Чт. И. М. Общ. Истор. и проч. 1848 N. 7.

мудраго князя Острожскаго въ вѣрѣ отцевъ, какъ только глубокое убѣжденіе въ истинности и святости церкви православной восточной, и пламенная ревность по православію ея. И клевета, взводимая историками на Константина Константиновича или намѣренно измышлена врагами православія, или же ложно выведена изъ какихъ либо его словъ 1). Ибо въ это время сильно дѣйствовали ко вреду православія враги его и, по словамъ одного изъ современныхъ архипастырей „не щадили никакихъ красокъ,“ чтобы представить все православное въ самомъ черномъ видѣ..., такъ что и православныхъ современниковъ могли вводить въ заблужденіе о состояніи православной церкви, — что было между прочимъ и цѣлію враговъ 2). Извѣстно между прочимъ, что даже епископъ перемышльскій Михаилъ Копыстенскій, предъ введеніемъ уніи, былъ оклеветанъ въ томъ, что и онъ намѣренъ былъ приступить къ уніи 3), тогда, какъ этотъ поборникъ православія никогда о ней и не думалъ.

(Окончаніе будетъ).

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ЗАШТАТНАГО ГОРОДА ХМѢЛЬНИКА (ПОДОЛЬСК. ГУБ. ЛИТ. УѢЗДА).

*(Окончаніе *).*

Дальнѣйшій ходъ развитія внутренней жизни г. Хмѣльника тоже мало представляетъ утѣшительнаго: его стремленіе къ само-

---

1) Митрополитъ Евгеній подтверждаетъ послѣднее. Онъ пишетъ: „Князь Острожскій, видя со стороны короля сильное настояніе о введеніи уніи, хотѣлъ соборомъ отвратить оную и написалъ (къ Поцѣю).“ Вѣдь и мы свѣтскіе предпочитаемъ согласіе раздору; но надобно было прежде поговорить объ условіяхъ, на какихъ соединяться съ римлянами, а не такъ слѣпо поддаваться папѣ.“ Сіи—это слова отступники перетолковали и его яко бы склонностію къ уніи.“ Примѣч. къ 67 стр. Приб. къ Описанію Кіево-Софійскаго Собора 1825 г. Кіевъ.

2) Высокопреосвящ. Арсенія, архіеп. варшавскаго—въ замѣчаніяхъ его на сочиненіе „взглядъ на унію, бывшую въ юго-западной Россіи.“ 1882 г. Рукопись въ арх. Кіевской духовной академіи.

3) Лѣтоп. Львов. брат. Зубрицкаго подъ 1562 годомъ.

*) См. 7 кн. «Вѣстникъ Западной Россіи.»

бытному развитію своей внутренней жизни въ чисто русскомъ духѣ, какъ и доселѣ всегда встрѣчало препятствіе со стороны представителей польскаго элемента. Послѣ упомянутыхъ нами двухъ Струсей на старостве хмѣльникскомъ, мы встрѣчаемъ Луку Жолкевскаго, воеводу брацлавскаго, старосту калюсскаго, хмѣльницкаго 1), переяславскаго и проч. Человѣкъ этотъ былъ истинный полякъ и католикъ; характера крутаго и неуживчиваго, „съ казаками орѣхи грызъ“, по мѣткому выраженію лѣтописца 2). Эпитафія его свидѣтельствуетъ, что «онъ былъ истиннымъ гражданиномъ отечества, любимый королями, воевалъ въ Валахіи, содержался въ Турціи въ плѣну два года, знаменитѣйшій побѣдитель многихъ въ Пруссіи, побѣдившій вождей Густава подъ Гамерштейномъ (Hamerstein) и приведшій ихъ въ Польшу плѣнниками, сражавшійся съ честію въ Московіи 3)“. О характерѣ этого особняка—человѣка ясно говоритъ уже тотъ фактъ, что онъ былъ чрезвычайно близокъ съ іезуитами, учредилъ въ Переяславлѣ іезуитскій коллегіумъ, для распространенія католицизма между схизматиками, изъ ревности о славѣ католической религіи 4) Къ счастію недолго этотъ фанатикъ былъ на хмѣльникскомъ старостве: онъ умеръ въ 1636 году 5). Жолкевскому на хмѣльникскомъ старостве, кажется, наслѣдовалъ Николай Стогнѣвъ-Золчинскій 6) «wielki rycerz.» Этотъ „великій рыцарь“ всю жизнь свою, съ первыхъ почти дней своего юношества до преклонной старости, провелъ въ борьбѣ съ врагами Рѣчи Посполитой, за что пользо-

1) Львовск. Русск. лѣт. въ Русск. Истор. сборн. за 1839 г. Т. III, стр. 254.

2) Vol. leg. v. III, f. 833, p. 395, f. 908. p. 431.

3) Herbarz wielu domow korony...., Dunczewskiego, 1757. T. II, str. 5. онъ быль братъ знаменитаго гетмана Жолкевскаго.

4) «Ex optimo religionem catholicam zelo»-Vol. leg. v. III, f. 366, p. 458. Herbarz wielu domow korony Polskiey «Dunczenskiego. T. II, str. 5.

5) См. предыдущ. примѣч. Львов. Русс. Лѣт. въ Русск. Историч. сборн. за 1839 г. т. III, стр. 254.

6) Золчинскими Стогнѣвы назывались только въ воеводствѣ плоцкомъ. Herbarz, Dunczewskiego, T. II, str. 4. Онъ, кажется сдѣлался старостою только послѣ битвы при Скарицѣ въ 1838 году. Ibid.

вался особенною любовію и уваженіемъ у короля и у всего польскаго шляхетства 1). Годъ смерти его намъ неизввѣстенъ 2).

Непосредственнымъ преемникомъ Николаю Стогнѣеву-Золчинскому на хмѣльникскомъ старостве, кажется, былъ Юрій Любомирскій, графъ на Висничѣ, великій маршалъ и гетманъ коронный. Старостою хмѣльницкимъ онъ въ первый разъ называется въ 1647 году 3). Это былъ тоже великій рыцарь, прославившійся въ борьбѣ съ татарами и казаками, любимый королемъ и народомъ польскимъ, часто получавшій отъ Рѣчи Посполитой въ благодарность различныя награды и льготы за свои рыцарскіе подвиги 4). По характеру онъ былъ человѣкъ упрямый, настойчивый, такъ что самые польскіе историки приписываютъ ему „nieco zawzi̇ętości i progи" 5). Онъ умеръ въ 1667 году 6).

Жизнь города Хмѣльника во все время управленія трехъ вышеупомянутыхъ нами старостъ (1634—1667 гг.) была самая печальная. Староство было опустошено частыми набѣгами татаръ, такъ что жители Хмѣльнака и другихъ селъ, находившихся въ хмѣлникскомъ староствѣ оставили было свои жилища и разбѣжались по окрестностямъ 7). Народная промышленность и торговля была въ совершенномъ упадкѣ, такъ что люстрація Хмѣльника въ 1665 году ничего даже не упоминаетъ объ этомъ 8). Но мы думаемъ, что и теперь, какъ и прежде причиною совершеннаго опустошенія хмѣльникскихъ „добръ" были не олни татарскіе набѣги, но что самые намѣстники хмѣльникскаго староства равно

---

1) Jbid. 2) Jbid.

3) Vol. leg. v. IV, f. 105, p. 53. См. еще Vol. leg. v. IV, p. p. 79, 96, 102, 275, 278, 289, 291, 335, 355, 356, 369 и 408.

4) Życia sławnych polaków Joz. Konst. Bogusławskiego. Wilno. 1814 r. T. II. str. 224, i d. Niesiecki Herbarz Polski t. VI, str. 155 157. Для болѣе точной оцѣнки характера этой личности см. его письма и письма къ нему въ памятн. кіевск. III. 3, 18—19, IV. 3. 31. 32, 35, 44—46, 88, 180 и проч. Самъ король называетъ его «uprzyimie nam miły.» Тамъ же III, 3. 19 Vol. leg. v. IV, f. 592 и 625.

5) Życia sławn. pol. T. II. str. 224. Niesecki T. VI, str. 157.

6) Jbid. str. 224. По Несецкому онъ умеръ въ 1666 г. T. VI, str. 155 157.

7) и 8) Starożytna Polska, T. II, ks. 2 str. 1021.

какъ и ихъ начальники старосты также не щадили добръ хмѣльникскихъ 1).

Съ конца XVII вѣка жители г. Хмѣльника поднимаются на ноги: промышленность развивается, умножается населеніе города и вообще всѣ отрасли внутренней жизни Хмѣльника принимаютъ лучшій видъ, благодаря однакожъ терпѣнію и энергіи хмѣльникскихъ гражданъ, а не содѣйствію поляковъ старостъ. Въ этотъ-то періодъ внутренней жизни Хмѣльника на хмѣльникскомъ старотвѣ были Потоцкіе. Первый изъ нихъ намъ извѣстный былъ Доминикъ Потоцкій, подскарбій надворный коронный 2). Когда началось его староство мы не знаемъ: въ первый разъ онъ называется хмѣльникскимъ старостою въ 1674 году 3). Это былъ истинный католикъ со всѣми предразсудками и со всею польско-католическою непавистію къ русскому православію. Онъ и его дѣти славились особенною набожностію и особенно благотворили кляшторамъ и костеламъ г. Львова 4). Годъ смерти его намъ неизвѣстенъ. Непосредственнымъ ему преемникомъ на хмѣльникскомъ староствѣ былъ сынъ его Іаковъ Потоцкій, недолго правившій въ городѣ Хмѣльникѣ. Онъ умеръ бездѣтнымъ 5). И этотъ послѣдній по характеру былъ похожъ на своего предшественника. Съ его смертію староство хмѣльникское переходитъ въ руки другой фамиліи.

Рядъ хмѣльникскихъ старостъ оканчивается фамиліею Оссолинскихъ, очень хорошо памятною для жителей Хмѣльника. Изъ нихъ Францъ Максимиліанъ Оссолинскій, подскарбій великій коронный былъ непосредственнымъ преемникомъ Іакова Потоцкаго. Въ первый разъ онъ называется старостою хмѣльницкимъ только въ 1710 году 6), но несомнѣнно, что управленіе его въ Хмѣльникѣ нача-

1) Такъ тогда дѣлалось во всемъ брацлавскомъ воеводствѣ. Vol. leg. v. III, f. 194, v. IV f. 271, 592, 625.

2) Niesiecki T. VII, str. 455.

3) Vol. leg. r. f. 281. p. 147. Здѣсь онъ вообще только одинъ разъ и упоминается.

4) Niesiecki, T. VII, str. 455.

5) Ibid. Не о немъ ли упоминаетъ Маркевичъ подъ 1663 г. подъ именемъ старосты Подольскаго? Смотр. истор. Малорос. Т. II, стр. 94. Ригельманъ упоминаетъ о какомъ-то старостѣ Потоцкомъ подъ 1672 г. Лѣтоп. повѣств. о малорос. ч. II, стр. 134, «Dunczewski T. I, 310.

6) Vol. leg. v. VI, f. 205, p. 101.

лось гораздо раньше 1). Этотъ староста былъ въ особенномъ уваженіи у короля и Рѣчи Посполитой, часто получалъ награды за свои геройскіе подвиги въ борьбѣ съ казаками и татарами 2). Онъ умеръ около 1764 года 3). Ему наслѣдовалъ сынъ его Іосифъ Оссолинскій 4), воевода волынскій. Это былъ послѣдній хмѣльникскій староста, причинившій много зла жителямъ Хмѣльника.

Въ 1775 году староство хмѣльникское подарено было Рѣчью Посполитою королю польскому Станиславу Августу Понятовскому въ вѣчное вотчинное владѣніе, на томъ основаніи, что, со смертію тогдашнихъ владѣтелей обоего пола, владѣтельный родъ Оссолинскихъ прекращался и поэтому могъ быть значительный убытокъ королевскимъ привиллегіямъ отъ этихъ староствъ 5). Король подарилъ это староство брату своему Іосифу Понятовскому, который былъ его правою рукою, единственнымъ, близкимъ и защитникомъ и совѣтникомъ въ дѣлахъ умиравшей тогда Рѣчи Посполитой 6), оставивъ староство во владѣніи графа Оссолинскаго до конца его жизни (ad vitae tempora) 7). Принимая съ благодарностію отъ Рѣчи Посполитой четыре староства 8) въ томъ числѣ и хмѣль-

1) Ibid. v. VI, f. 102, p. 53, f. 177 p. 88. Онъ былъ старостою хмѣльницкимъ по крайней мѣрѣ съ 1703 г. Впрочемъ родъ Оссолинскихъ около 1697 г. уже занималъ должности въ Подоліи. ibid. v. V. f. 986 p. 462.

2) Vol. leg. v. VI, f. 449, p. 230 c. Wierne y życzliwie zasługi tak z godnych Antecossorów, jako też z własney osoby urodzonego Franciszka Maximiliana z Tęczyna Ossolinskiego Podskarbiego Nadwornego koronnego starosty Sandomirskiego y Chmielnickiego, nam Rspltey świadczone rekompensuiąc złotych polskich czterdziesty i sięcy w skarbie koronnym ad exolvendum naznaczamy. Vol. leg. v. VII, f. 334, p. 147.

3) Vol. leg. v. VII, f. 334, p. 247. Старостою Хмѣльницкимъ, кромѣ указанныхъ уже нами, онъ упоминается еще въ слѣд. мѣстахъ: Vol. leg. v. VI, f. 458, p- 234, f. 500, p. 253; v. VI, pp. 53, 88, 207, 210, 213, 231, 297,—въ послѣдній разъ подъ 1736 годомъ starożytna polska, T. II, ks. 2. str. 1021.

4 Vol. leg. v. II, p. 147, v. VIII, p. 181 253. Онъ былъ старостою съ 1765 года. См. Starożytna polska, T. II, ks. 2, str. 1021.

5) Ibid. v. VIII, p. 127. Staroż. polska, T. II, ks. 2, str. 1022.

6) Этотъ человѣкъ любимъ былъ даже русскими государственными людьми. См. руск. архивъ 1865 года. стр. 552.

7) Vol. leg. v. VIII, p. 127.

8) Именно староство бѣло-церковное, богуславское, каневское и хмѣльницкое. Vol. leg. v. VIII, f. 209.

никское въ свое вотчинное владѣніе, король обязывался владѣть ими совершенно на тѣхъ правахъ, на какихъ владѣли его предшественники въ этихъ староствахъ: мѣщанъ и сельскихъ жителей (хлоповъ) король обѣщалъ оставить при тѣхъ же правахъ и вольностяхъ, которыми они пользовались до этого времени и назначалъ для нихъ судъ, присвоенный добрамъ государственнымъ 1), выговаривая при этомъ, чтобы начатыя тяжбы съ тогдашними владѣльцами были совершенно окончены въ этихъ староствахъ, гдѣ таковыя начаты; члены Рѣчи Посполитой дали королю обѣщаніе уплатить ему долгъ, лежавшій на этихъ староствахъ на нѣсколько лѣтъ, въ количествѣ семи милліоновъ польскихъ злотыхъ, когда пріисканы будутъ для этого средства 2).

Какова была внутренняя жизнь Хмѣльника во время староства Потоцкихъ, мы не знаемъ; вѣроятно, и Потоцкіе были не лучше своихъ предшественниковъ 3). Жизнь Хмѣльника въ разсматриваемый нами періодъ развивалась, благодаря единственно энергіи виаждановъ и различнымъ льготамъ польскихъ королей, какъ Хмѣльгоку въ частности, такъ вообще всему брацлавскому и подольскому нвеводствамъ 4). Люстрація города Хмѣльника въ 1765 году вридѣтельствуетъ о значительномъ улучшеніи всѣхъ сторонъ внуспенней жизни этого города. Іосифъ Оссолинскій, только что вступившій на хмѣльникское староство 5), получалъ съ него чистаго дохода 96,208 злотыхъ польскихъ 6). Въ староствѣ было три

1) Vol. leg. v. III, f. 30, IV, f. 722. VIII, f. 650, 948, 883, v. VII, f. 81 i t. d.

2) Vol. leg. v. VIII, f. 209, Vid. subtit. Wdzięczność nayiasnieyczemu Krolowi. Starożytna polska, T. II, ks. 2, str. 1022.

3) Фамилія этихъ графовъ не пользовалась тогда уваженіемъ у жителей Волыни и Подоліи: въ одной изъ тогдашнихъ народныхъ пѣсень читаемъ такое благожеланіе одному изъ Потоцкихъ:

«Пріиде тотъ часъ, пріиде тая година
«Счезнешь, бисе проклятый, и твоя родина!»

Народн. пѣсни галицкой и угорской руси, собран: Головацкимъ ч. 1, стр. 27 и 25. (Въ чт. общ. истор. и древност. рос. 1863 г. кн. 3).

4) Vol. leg. v. VII, f. 61—62. 334, 471, 492, v. VIII, f. 209, 247—245, 131. Под. губ. вѣд. 1844 г. N. 22.

5) Vol. leg. v. VII, f. 334, p. 147. Staroż. polska, t. II, ks. 2, str. 1021.

6) Не забудемъ, что тогдашній червоный польскій злотый за-

поташныхъ майдана, селитренный майданъ и даже стеклянной заводъ 1). Относительно же самаго города эта люстрація сообщаетъ, что „облитый вокругъ водою, съ двумя мостами черезъ р. Бугъ, г. Хмѣльникъ имѣлъ въ себѣ даже католическій костелъ въ половину каменный, покрытый жестію, съ двумя башнями и столькими же куполами 2), четыре церкви,—двѣ въ городѣ и двѣ въ предмѣстьи. Замокъ обнесенъ былъ высокимъ заборомъ (palami obstawiony), вокругъ замка были три старинныя башни, имѣвшія помѣщенія подъ землею 3). Внутри замка помѣщалось деревянное строеніе для начальника о восьми комнатахъ съ заломъ (sic), флигель и проч.“ 4). Изъ этой люстраціи мы уже заключаемъ о значительномъ улучшеніи города: мы видимъ въ немъ довольно широкое развитіе промышленности и торговли, умноженіе народонаселенія, такъ что появилось даже городское предмѣстіе. Но, что особенно обращаетъ на себя наше вниманіе, это опять подвиги православнаго духовенства и народа въ борьбѣ съ усиливавшимся здѣсь католицизмомъ, который, какъ мы видѣли, только въ половинѣ XVIII вѣка, т. е. спустя почти четыреста лѣтъ послѣ завоеванія Подоліи поляками, основалъ для себя въ городѣ Хмѣльникѣ внѣшній центръ-костелъ, разумѣется, съ представителемъ католицизма при этомъ костелѣ, ксендзомъ. Изъ этой же люстраціи видимъ, что число церквей внутри города уменьшено, конечно, дѣйствіемъ польскихъ властей на половину, но за то, благодаря, конечно, заботамъ хмѣльникскаго духовенства и народа, въ недавно возникшемъ предмѣстьи появилось новыхъ двѣ церкви и такимъ образомъ прежнее число церквей возстановлено.

Касательно населенности города, какъ мы видѣли, нельзя ска-

ключалъ въ себѣ 16-ть простыхъ злотыхъ и 3 грош. Vol. leg. v. VII f. 449.

1) «Huta szklana!» Этотъ заводъ подъ названіемъ Новой гуты существуетъ и теперь съ своей стеклянною фабрикою въ 5-ти верстахъ отъ Хмѣльника къ югу.

2) Въ такомъ видѣ костелъ существовалъ до сороковыхъ годовъ XIX столѣтія, пока графиня Ивановская, куриловская помѣщица, не привела его въ лучшій видъ.

3) Множество этихъ подземныхъ укрѣпленій находится еще и и теперь подъ хмѣльникскимъ замкомъ. Народъ убѣжденъ, что тамъ сокрыты многочисленныя сокровища.

4) Starożytna polska, t. II, ks. 2, str. 1021.

зать ничего положительнаго въ этотъ разсматриваемый нами періодъ до самаго 1744 года. Знаемъ только, что это народонаселеніе часъ отъ часу увеличивалось 1). По люстраціи 1744 года въ Хмѣльникѣ было уже 496 домовъ 2); по свидѣтельству же люстраціи 1789 года населеніе Хмѣльника такъ уже было велико, что въ одномъ предмѣстьи было 150 домовъ христіанскихъ. Еврейскихъ домовъ было также около полутораста; но вотъ что замѣчательно: всѣ они почти занимали мѣста внутри города, на предмѣстьи было слишкомъ 20 домовъ еврейскихъ, православные же по преимуществу жили въ предмѣстьи 3). Мы позволимъ себѣ на время остановиться на этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ. Въ люстраціи города Хмѣльника въ 1570 году мы видѣли, что здѣсь было всего только семь жидовъ (не домовъ, а единицъ); это плодовитое израильсвое сѣмя, брошенное въ плодородную подольскую почву, росло очень быстро, такъ что чрезъ какихъ-нибудь двѣсти лѣтъ мы встрѣчаемъ его, какъ самое главное населеніе Хмѣльника. Чему приписать это усиленіе еврейскаго элемента? Ниже мы увидимъ изъ одного акта, что все это было дѣломъ польскаго правительства, которое выдвигало нарочно это израильское племя на борьбу съ православіемъ, возвышая права перваго и угнѣтая послѣднее 4). Это-то пронырливое племя, какъ увидимъ ниже, скоро захватило въ свои руки всю хмѣльникскую торговлю и отняло у православныхъ почти всѣ средства къ жизни.

По свидѣтельству разсматриваемой нами люстраціи 1882 года, при широкомъ развитіи промышленности въ Хмѣльникѣ, староста

---

1) Starożytna polska t. II, ks. 2, str. 1021.

2 Jbid. t. II, str. 1022.

3) Вотъ довольно подробныя свѣдѣнія о распредѣленіи тогдашняго населенія: «W starym mieście osiadłych chrześcian 60, w nowem 150, na przedmieściu uhrynowka 60 i 1 szlachty; żydzi w starem mieście: kupców i kramarzow 36, szynkarzy 32, rzemieślnicy: złotnik, szmuklerzy 2, introlegator, kotlarzy 2, cyrólników 3, krawcow 11, kusznierzy 4, szewc, chodaczników 5, rzeznik, białownik, kurnik, furmanów 3 *), grzebiennik, woskobojników 2, rabin, duchownych 3, kaznodzieja, szkolników 4, inspektor, targownik, wierników 3, służących i Iuznych 15; w nowem mieście zydów kramarzy 2, Szynkarzy 21, krawiec i kusznierzy 3.» Staroz. polsk. t. II, ks. 2, str. 1022.

*) Промыслъ этотъ теперь особенно развитъ въ Хмѣльникѣ.

4) См. напр. Vol. leg. v. I, t. 310—316, v. VII, f. 755, v. VIII, f. 147.

хмѣльникскій получалъ чистаго дохода съ города 27,915 злотыхъ польскихъ, а все хмѣльникское староство доставляло 141,583 злот. польск. Доходы эти получались по преимуществу съ 57 мельницъ, принадлежавшихъ хмѣльникскому староству на р. Бугѣ и Згарѣ и на 33-хъ прудахъ; къ добрамъ же хмѣльникскимъ принадлежалъ въ то время и огромный черный лѣсъ, извѣстный подъ именемъ Згара и простиравшійся на югъ отъ Хмѣльника на 4-ре мили 1). Поташныя фабрики, стеклянный и селитрянный заводы пользовались привиллегіями Станислава Августа только до 1784 года и поэтому промышленность ихъ съ этого времени начала упадать 2). Не смотря однакожъ на все это, жизнь города Хмѣльника въ разсматриваемый періодъ текла, по видимому, довольно широко. Но это только по видимому; въ сущности же это было время самаго крайнаго усиленія въ городѣ Хмѣльникѣ двухъ элементовъ, споривших между собою въ ненависти ко всему русскому и въ частности ко всему православному. Это были-евреи и поляки, которые, распространились тогда по всему хмѣльникскому и по другимъ сосѣднимъ съ нимъ староствамъ, жили на счетъ русскихъ православныхъ и окончательно заѣдали ихъ, не боясь ни Бога, ни совѣсти. Кожуховъ 3), Кумановцы 4), Маркуши и Торчинъ 5), Пултовцы малые великіе Крушлинцы 6), Чапла, Рожны, Лисогорка Свѣчна, Ивонинцы, Горбовцы 7), Бахвица и Пятничаны 8), Спичинцы 9), Молинцы 10), Литинка 11), Березна, Крутневъ 12), Головчинцы и Меджировская Слобода, Овсянники, Петраши и Лопатинцы 13), и.

---

1 и 2 Staroż. polsk. T. II, ks. 2. str. 1022.

3) Помѣщики Кожуховскіе въ безчисленномъ множествѣ и теперь наполняющіе село Кожуховъ (лит. уѣзда въ 10 верстахъ отъ Хмѣльника на югъ получили это село отъ Сигизмунда I-го въ 1527 году «Iure feudi» на краковскомъ генеральномъ сеймѣ. Vol. leg. v. VII, p. 47, v. VIII, p. 360.

4) Vol. Legum v. VII, p. 382, v. VIII, p. 372 (590—592).

5) Jbid v. VIII, p. 252, 181.

6) Jbid. v. VIII, p. 135.

7) Jbid. v. VIII, p. 138, 141, 273, 310.

8) Jbid. v. VIII, p. 139.

9) Jbid. v. VIII, p. 140.

10) Jbid. v. VIII, p. 369.

11) Jbid. v. VIII, p. 140.

12) Jbid. v. VIII, p. 138, 141, 202, 372, (391—392).

13) Jbid. v. VIII, p. 182.

Пилява 1), Снѣтовка 2), Чемерисы и Голодки 3), Сальникъ, Супруньковъ, Соколецъ, Сосонка и Дашковцы 4), Поповцы 5), Якушинцы 6), Черепашинцы 7), Семенки, Крапивна, Антоновка, Носовцы и косыновъ 8), Кушелева и Кушелевка 9), Борковъ и Почапинцы 10), м. Пиковъ 11), м. Яновъ 12), Бабинъ 13), Сенява 14), Серединцы 15), Ометинцы, Юрковцы Ситковцы, Лоевцы, Крипивна и Мельниковцы 16), Сосны 17), м. Браиловъ 18), Кошевата 19), Дьяковцы 20), Васютинцы и Галузинцы 21), Скуринцы 22), —все это наполнено было мелкою шляхтою, которая давила русскій православный народъ, выжимала изъ него послѣдній сокъ, постоянно спорила между собою о своихъ добрахъ, и сама

1) Под. губ. вѣд. 1843 г. ч. неоф. стр. 74—75 дневн. записки малорос. подскарбія, ч. 2 стр. 90.

2) Vol. leg. v. VIII, p. 193.

3) Jbid. v. VIII, p. 194.

4) Jbid. v. VIII, p. 196.

5) Jbid. v. VIII, p. 260—25.

6) Jbid. v. VIII, p. 273.

7) Записки малорос. Подскарбія т. II, стр. 66.

8) Vol. leg. v. VIII, p. 291.—9) Jbid. v. VIII, p. 307—308.

10) Jbid. v. VIII, p. 219, 310—311, 356, грам. вел. кн. лит. N 4.

11) Записки малорос. Подскарбія, ч. 2 стр. 66.

12) Vol. leg. v. VIII, p. 317—318.—13). Jbid. v. VIII, p. 324—325.

14) Зап. малорос. Подскар. ч. 2. стр. 67.—15) Vol. leg. v. VIII, p. 368.

16) Vol. leg. v. VIII, p. 387.

17) Jbid. v. VIII, p. 381.

18) Jbid. v. VIII, p. 273.

19) Jbid. v. VIII, p 384.

20) Herbarz wielu domow korony polskiey... Dunczewskiego t. l, str: 68. Это село еще въ 1442 году король польскій и венгерскій Владиславъ далъ «prawom dziedzicznym» Сеньку-Кослевскому (Seńko-Koślewski) Сигизмундъ въ 1530 году потвердилъ привилегію, данную Владиславомъ.

21) Vol. leg. v. VIII, p. 262.

22) Herbarz wielu domow korony polskiey T. II, str. 140. Это село существовало еще до 1578 года; въ этомъ году Стефанъ Баторій подтвердилъ это село за Гавріиломъ Стеблецкимъ, племянникомъ Ѳедора Стеблицкаго, судіи Брацлавскаго. О дальнѣйшей судьбѣ большей части этихъ селъ смотр. Под. губ. вѣд. 1838 г. N 48 и 47.

никогда не сидѣла спокойно и другимъ не давала покоя. Такъ было вокругъ Хмѣльника, но и самъ Хмѣльникъ не былъ свободенъ отъ этихъ несчастій: его честолюбивый староста, Іосифъ Оссолинскій постоянно спорилъ съ Новицкимъ и Іоанномъ Ильинскимъ старостою чудиновскимъ о своихъ добрахъ 1). Не забудемъ, что въ это время хмѣльникское староство переходило въ руки короля Станислава Августа, или вѣрнѣе въ руки брата его Іосифа Понятовскаго; на этомъ староствѣ лежали многочисленные долги въ казну королевскую, которые возрасли во время послѣднихъ неустройствъ въ Украйнѣ. Печально было положеніе города; за все должны были отвѣчать православные жители Хмѣльника. Народъ не выдержалъ подъ послѣднимъ сильнымъ натискомъ полонизма и еврейства: проснулась его нравственная сила, вспомнилъ онъ свою древнюю козацкую свободу и началъ послѣднюю ожесточенную борьбу съ своими вѣковыми притѣснителями. Мы приведемъ въ переводѣ съ польскаго одинъ отрывокъ изъ дѣла хмѣльникскихъ жителей, начатаго ими въ 1786 году съ своимъ старостою Іосифомъ Оссолинскимъ; отрывокъ этотъ такъ характеристиченъ, такъ рѣзко изображаетъ тогдашнее состояніе Хмѣльника, что мы не намѣрены выпускать изъ него ни одного слова. „Когда староста Іосифъ Оссолинскій, писали хмѣльникскіе жители, началъ отдавать въ аренду поссесорамъ предмѣстье (sic), а другіе приселки и городскія поля поотрѣзывалъ на ланы для поссесоровъ, мы завели дѣло въ 1786 году. Какъ будто для услуги поссесорамъ староста началъ обращать въ козацтво самихъ мѣщанъ, появилась дневная и ночная стража, увеличились общественныя повинности (szarwarki). Прежде бывало, мѣщане давали только три *гары* 2) съ волами и платили работникамъ, чтобы они поправляли мосты и плотины и чтобы были поставлены мостовничіе, которые бы наблюдали за работою; теперь же эти гары обращены въ пользу поссесоровъ, а мѣщане сами обязаны исполнять общественныя обязанности, даютъ воловъ для пашни этихъ гаръ и рабочимъ-ординарію, къ чему ихъ принуждаютъ палками, цѣпями и заключеніемъ

1) Vol. leg. v. VIII, p. 181, 252. (f. 431—432).

2) «3 gar» Польское слово gara значитъ тоже, значитъ тоже, что древне-славянское гаръ, это именно мѣсто въ лѣсу, выжженное для пашни или подъ посѣвъ хлѣба. «А тѣ, господине, дарища и гари были кочевинскіе и акт. горидич. И.

въ городскую башню. Въ тоже время, когда за долгъ его милости, папа Оссолинскаго, староства начали передавать въ другія руки (tradować), его милость, панъ Крассовскій, войскій червоногродскій пріобрѣлъ всѣ традиціи и производитъ неслыханные грабежи, угнѣтаетъ насъ, тиранитъ не столько для уменьшенія долга, сколько для обогащенія себя и для раззоренія города (zniszczenia). Въ 1787 году мы выпросили у короля охранительную грамоту (gleit), но и на нее не обращаютъ вниманія, а насъ совершенно уничтожаютъ. Поэтому просимъ покорнѣйше, чтобы намъ возвращено было управленіе по праву магдебургскому; чтобы мы были свободны отъ юрисдикціи старостъ, какъ имѣющіе своего войта; чтобы ремесленниковъ силою не гнали на работу къ замку и чтобы за работу платили; чтобы торговля мясомъ была свободна особенно мясомъ свинымъ; чтобы вольно было продавать хлѣбъ, соль, свѣчи и смолу, а то теперь жидки недопускаютъ насъ ни до какихъ промысловъ, даже пріѣзжимъ не позволяютъ торговать на ярмаркахъ и доходятъ до такого самоуправства, что разбрасываютъ и разсыпаютъ товары. Староста и войтъ позволили намъ строиться на пространствѣ, начиная отъ самой приходской церкви (?) до самой церкви покровской, какъ это было съ давнихъ временъ, но жиды никого не допускаютъ, а одного мѣщанина одинъ жидъ ударилъ за это въ лице (w gębę) (sic) и разбросалъ дерево, приготовленное для постройки. Мы такъ были очернены, что насъ сочли за гайдамакъ и бунтовщиковъ, преслѣдуютъ насъ, заковываютъ въ цѣпи, построили для насъ висѣлицы, навели на насъ войско, такъ что мы должны были ѣздить до его милости, пана Потоцкаго, генерала партіи украинской и съ просьбою: не чувствуя за собою ничего подобнаго, мы сами на себя навели коммиссію, чтобы очиститься отъ несправедливо возведеннаго на насъ обвиненія. Войска у насъ стоятъ постоянно, мы обязаны кормить ихъ и давать почту и вообще дѣлать для нихъ различныя выгоды, а жиды ничего не дѣлаютъ и не даютъ ни въ чемъ помощи. Предмѣстье Мазуровка отдѣлено отъ города, а подати за него долженъ выплачивать городъ; почему покорнѣйше просимъ, чтобы предмѣстье было приписано назадъ къ городу. Наконецъ чтобы весь судейскій урядъ (urząd radziecki) свободенъ былъ отъ старостинскихъ податей, какъ то: ландвойтъ, бурмистръ, два ратмана (radny), два присяжные, четыре лавника, два пахолка (pachołek), три

войта, ибо всѣ они имѣютъ ежедневно достаточно работы какъ въ разбирательствѣ справъ, такъ и удовлетвореніи различныхъ городскихъ и войсковыхъ нуждъ 1). Къ приведенному нами отрывку изъ жалобы хмѣльникскихъ мѣщанъ мы не считаемъ нужнымъ прибавлять отъ себя ни одного слова. Всякій пойметъ, что вѣковая борьба польскаго католицизма съ русскимъ православіемъ достигла въ концѣ XVIII вѣка въ Хмѣльникѣ do nec plus ultra 2).

Въ настоящей статьѣ мы видѣли, что эта борьба никогда не умирала даже при самомъ сильномъ натискѣ еврейства и полонизма, и, если Хмѣльникъ молчалъ когда нибудь, уступая превосходству враждебной силы, то это было только признакомъ того, что въ слѣдующее за тѣмъ время его ненависть къ Польшѣ пробудится съ новою силою и разомъ обрушится на голову безсовѣстныхъ притѣснителей. Но, и во время этого затаеннаго молчанія страдали ли ихъ притѣснители отъ нашестія безбожныхъ бесерменъ, падали ли ляхи, какъ снопы отъ сабель и пикъ козацкихъ, обагряя своею кровію поля хмѣльникскія,—они никогда не могли получить помощи отъ угнетеннаго и озлобленнаго хмѣльникскаго на-

1) Starożytna polska, T. II, ks. 2, str. 1022—1023.

2) Въ послѣднемъ отдѣлѣ настоящей статьи въ обозрѣніи внутренней жизни Хмѣльника мы сдѣлали значительный пропускъ въ порядкѣ хмѣльникскихъ старостъ: Мы не упомянули ни о Николаѣ Потоцкомъ, генералѣ подольскомъ, сынѣ Іакова Потоцкаго, маршала коронналго, умершаго въ 1572 году, (онъ былъ отецъ Доминика Потоцкаго, упомянутаго нами; вѣроятно, онъ былъ преемникомъ своего зятя Іакова Струся, умершаго въ 1590 году. Niesiecki, t. VII, str. 432. См. еще Jbid, str. 430 i d.) ни о Николаѣ Калиновскомъ, отцѣ Адама Калиновскаго великаго гетмана. Онъ кажется былъ преемникомъ Николаю Струсю. Годъ смерти его намъ неизвѣстенъ. Знаемъ только, что онъ убитъ татарами. См. Niesiecki, t. V, str. 14. При этомъ мы считаемъ необходимымъ еще разъ перечислить вкратцѣ хмѣльникскихъ старостъ, какъ они намъ извѣстны по порядку времени:

Предславъ Лонцкоронскій,
Іоаннъ Мѣлецкій,
Михаилъ Язловецкій,
Николай Мѣлецкій,
Іаковъ Страусь,
Николай Потоцкій (?)
Николай Струсь,
Лука Жолкевскій;
Николай Стогнѣвъ Золчинскій,
Юрій Любомирскій,
Николай Калиновскій (?)
Доминикъ Потоцкій,
Іаковъ Потоцкій,
Максиміліанъ Оссолинскій,
Іосифъ Оссолинскій.

селенія: оно замыкалось въ себя съ своими старинными русскими преданіями съ своею православною вѣрою и, молча, смотрѣло на гибель вѣковыхъ враговъ своихъ.

„...Посполъство на нолю стояло.
„Ратунку ляхамъ не давало"... 1).

Но изъ этой ожесточенной вѣковой борьбы Хмѣльникъ вышелъ съ честію побѣдителемъ: русскій и православный изначала-онъ остался таки русскимъ и православнымъ. Въ такомъ положеніи, съ такимъ же русскимъ православіемъ, хотя и раззоренный въ матеріальномъ отношеніи и обезсиленный въ борьбѣ съ поляками и жидами, Хмѣльникъ въ 1792 году вмѣстѣ съ воеводствомъ брацлавскимъ, къ которому онъ принадлежалъ, перешелъ во власть русскихъ.

Подъ державою императоровъ русскихъ жизнь г. Хмѣльника потекла тише и правильнѣе во всѣхъ отношеніяхъ: она такъ сказать, не по днямъ, а по часамъ росла, восходила отъ силы въ силу. Скажемъ кое что о развитіи этой жизни, на сколько она намъ извѣстна изъ мертвыхъ архивныхъ памятниковъ, преданія народнаго и собственнаго наблюденія.

Въ 1795 году, 22 мая, при устройствѣ брацлавской губерніи, казенное мѣстечко Хмѣльникъ, на основаніи учрежденій о губерніяхъ, назначено уѣзднымъ городомъ этой губерніи 2). 1796 г., 31 декабря, при изданіи штата вновь учрежденной Подольской губерніи, городъ Хмѣльникъ назначенъ и въ ней повѣтовымъ городомъ, которымъ онъ оставленъ, какъ при назначеніи границъ этой губерніи въ 1797 году 29-го августа, такъ и при изданіи новаго штата Подольской губерніи въ томъ же году 3).

Еще въ 1796 году, когда Хмѣльникъ сдѣланъ былъ повѣтовымъ городомъ Брацлавскаго намѣстничества, утвержденъ вмѣстѣ съ другими уѣздными городами этого намѣстничества гербъ города Хмѣльника. Въ описаніи этаго герба сказано: „около 1500 года, въ мѣстечкѣ Хмѣльникѣ, для защиты отъ набѣговъ татарскихъ,

1) Народн. пѣсни галицк. русск. N 28, стр. 34.

2) Первое полн. собраніе законовъ рос. имперія т. XXIII, NN 17, 334—17, 336.

4) Первое полное собраніе законовъ рос. имперіи, т. XXIV, №№ 17, 702; 18, 117, городскія населенія въ рос. имперіи, т. IV, стр. 2, С. П. Б. 1864 года.

достроенъ замокъ, въ достопамятность чего король польскій Зигмундъ III далъ *войску* (?) хмѣльникскому гербъ, знаменующій въ голубомъ полѣ башню, огражденную стѣною, серебромъ изображенную" 1).

Въ 1804 году 19-го іюня, при изданіи новаго штата Подольской губерніи повелѣно, „по обширности и многолюдству Подольской губерніи оставить въ ней 12-ть повѣтовъ" а города Хмѣльникъ и Баръ сдѣланы заштатными 2), которыми они остаются и до настоящаго времени.

Относительно управленія города Хмѣльника обращаютъ на себя вниманіе постановленія русскаго правительства о городскихъ приходахъ и расходахъ и по общественному управленію города Хмѣльника. Въ 1809 году Высочайше утвержденъ штатъ хмѣльникской городской полиціи, по которому на содержаніе полиціймейстера, квартальнаго надзирателя и канцелярскіе расходы назначено производить изъ городскихъ доходовъ 600 рублей въ годъ, въ томъ числѣ серебромъ на 180 рублей. При этомъ повелѣно: а, воинскую команду въ нужныхъ случаяхъ заимствовать изъ губернской роты и штатныхъ командъ, по распоряженію губернскаго начальства; б) сумму, потребную на пожарные инструменты, лошадей и освѣщеніе города и содержаніе ночныхъ и пожарныхъ служителей и вообще полиціи, ежегодно опредѣлять въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по общему положенію городовой ратуши и полиціймейстера, съ утвержденіемъ гражданскаго губернатора 3). Въ 1836 году 19-го мая для уравненія жалованья хмѣльникскаго полицемейстера также на содержаніе канцеляріи разрѣшено производить пособіе изъ казны по 1000 рублей ассигнаціями въ годъ 4).

Относительно общественнаго управленія въ 1838 году 17-го января повелѣно: „по городамъ Подольской губерніи: Проскурову, Литину, Брацлаву и заштатнымъ Хмѣльнику и Бару..., какъ представляющимъ, по сравненію съ многими городами великороссійскими, въ числѣ гражданъ и въ количествѣ доходовъ своихъ также до-

---

1) Тамъ же т. XXIII, № 17, 435. Под. губ. вѣд. 1844 года, № 22, ч. неоф.

2) Тамъ же, т. XXVIII, № 21,404.

3) Городск. поселенія въ рос. имперіи, т. IV, стр. 84—85.

4) Тамъ же стр. 85, второе полное собраніе законовъ рос. имп. т. XI, № 2,240-й.

статочныя средства къ сообразному съ ними управленію, учредивъ, согласно мнѣнію графа Гурьева (кіевск., подольск., и волынск., генералъ-губернатора) словесные суды и городовыхъ старостъ для возможнаго въ послѣдствіи времени открытія думъ, предназначить мѣстному губернскому начальству примѣрно двухъ-лѣтній срокъ 1).

Послѣ этихъ оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ различнымъ перемѣнамъ и усовершенствованіямъ въ управленіи города Хмѣльника, скажемъ нѣсколько словъ о развитіи внутренней жизни какъ самаго города, такъ и всего бывшаго хмѣльникскаго староства. Въ 1792 году, при переходѣ хмѣльникскаго староства подъ владычество русскихъ, всѣ земли, принадлежавшія къ этому староству, подарены были въ томъ же году императрицею Екатериною II дѣйствительному тайному совѣтнику князю Александру Андр. Безбородку, съ населеніемъ въ количествѣ 6070 душъ 2). Подъ управленіемъ этого великаго человѣка и при заботахъ русскаго правительства возвращенъ былъ миръ какъ самому Хмѣльнику, такъ и принадлежавшимъ къ нему прежде окрестностямъ. Промышленность городская поднялась на несравненно высшую степень развитія 3). Народонаселеніе города начало быстро увеличиваться 4). Въ окрестностяхъ Хмѣльника, принадлежавшихъ къ хмѣльникскому имѣнію князя Безбородко, начали заводиться различныя фабрики, по преимуществу свекло-сахарныя, дававшія дохода около 500000 рублей въ годъ 5). Въ самомъ Хмѣльникѣ и вообще во всемъ хмѣльникскомъ имѣніи заведены были прекрасные тутовые

---

1) Второе полное собраніе законовъ рос. имп. т. XIII, № 10, 892.

2) Под. губ. вѣд. 1838 г. № 48, ч. неоф. стр. 384. Руск. архивъ, 1815 года, стр. 843.

3) Въ 1864 году въ Хмѣльникѣ считалось уже 12 заводовъ, географическо-статистическій словарь рос. имперіи, Семенова, С. П. Б. 1865 г. т. III, стр. 61.

4) Въ 1864 г. число жителей г. Хмѣльника возвысилось до 7,794 душъ обоего пола, Городск. поселен. въ рос. имп. т. IV, стр. 86.

5) Багриновцы, Качановка, Войтовцы, Дубовая и Голодьки— вотъ селенія, въ которыхъ были упомянутыя фабрики. Послѣдній изъ нихъ хмѣльникско-голодьковскій рафинадный заводъ паровага устройства въ 1860 г. прорафинировалъ 26,000 пуд. сахара на 182,000 руб. сереб. См. труды вольн. экономич. общ. 1860 г. стр. 284.

сады, доставлявшіе въ свое время тоже многочисленные доходы 1). Съ давнихъ поръ городъ Хмѣльникъ и его староство славились пчеловодствомъ, которое процвѣтаетъ и въ настояще время 2). Въ послѣднее время пріобрѣла особенную славу хмѣльникская паровая мельница г. Дм. Петр. Дейнеки, бывшаго главноуправляющаго хмѣльникскимъ имѣніемъ графа Гр. Ал. Кушелева-Безбородки 3). Въ 1864 г. богатое хмѣльникское имѣніе продано извѣстному банкиру еврею Гинсбургу подъ именемъ полковника Канчена; послѣднимъ изъ управлявшихъ хмѣльникскимъ имѣніямъ Гр. Безбородко былъ подпоручикъ Эдмундъ Осиповичъ Пржесмыцкій.

О религіозной жизни г. Хмѣльника подъ управленіемъ русскихъ можно сказать много утѣшительнаго. Освободившись изъ подъ власти поляковъ католиковъ жители Хмѣльника окончательно восторжествовали надъ своими врагами; много лицъ изъ евреевъ и изъ католиковъ присоединено въ это время къ православію, особенно благодаря неусыпнымъ трудамъ бывшаго протоіерея соборной Рождество Богородицкой церкви Антонія Якова Колтуновскаго.

Въ послѣднее время въ г. Хмѣльникѣ устроено народное училище, въ которомъ образованіе народное съ честію движется впередъ, благодаря неусыпнымъ трудамъ достопочтеннаго законоучи-

---

1) Географ.-статистич. словарь рус. имп., Семенова, т. III, стр. 61, и т. I, стр. 178.

2) Тамъ же.

3) Сынъ графа Ильи Андр. Безбородко, меньшаго брата Александра Андр. Безбородко, не оставившаго послѣ себя потомства, умеръ тоже холостымъ. Дочери Ильи Андреевича вышли: старшая Любовь Ильининша (ум. 14 іюня 1809 г.) за вдовца адмирала графа Григорія Григорьевича Кушелева (ум. 1833 г.), а Клеопатра Ильинишина (ум. 1840 г.)—за князя Алекс. Яковлевича Лобанова Ростовска, б. командира россійскаго яхтъ-клуба. Отъ втораго изъ этихъ браковъ дѣтей не осталось. Но отъ перваго изъ этихъ браковъ родилось два сына: графъ Александръ [род. 1800 г. ум. 6 апр. 1855 г.] и графъ Григорій (ум. 16 февраля 1855 г.) Григоровичи. Второй изъ нихъ не имѣлъ дѣтей отъ брака своего съ Екатериною Дмитріевною Васильчиковою. Старшій же отъ брака съ княжною Александрою Николаевною Репниною-Волконскою (ум. 8 окт. 1836 г.) имѣлъ дѣтей. Ему передали потомственно указомъ 6 апр. 1816 года имя и гербъ участей фамиліи Безбородко. Старшій сынъ его, послѣдній владѣтель хмѣльникскаго имѣнія графъ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко. См. русс. архивъ, 1865 г. стр. 845, 846.

теля этого училища приходскаго священника села Мазуровки о. Михаила Кульчицкаго и бывшаго наставника въ этомъ училищѣ, особенно любимаго народомъ, г. Воробьева. По свидѣтельству очевидцевъ, воспитывающихся здѣсь, новое хмѣльникское поколѣніе подаетъ благія надежды: оно будетъ надежнымъ оплотомъ для русской народности и православія.

Итакъ г. Хмѣльникъ, поставленный судьбою какъ бы на стражѣ русской народности и русскаго православія, отстаивалъ всегда и отстоялъ съ честію свою задачу до послѣдняго времени 1). Дальнѣйшія судьбы его извѣстны только тому, кто владѣетъ царствами человѣческими. Мы съ своей стороны, пробѣгая мысленно всю многотрудную прошедшую жизнь Хмѣльника и православныхъ пастырей руководителей, и обращая вниманіе на настоящее поло-

---

1) Мы не можемъ здѣсь не упомянуть еще о послѣдней польской религіозной комедіи, совершавшейся въ 1826 году въ Подоліи, а въ частности и въ г. Хмѣльникѣ по поводу пятидесятилѣтняго юбилея, по предписанію папы Льва XII миссіонерскимъ обществомъ XX доминикановъ литовскихъ. Ихъ нарочно для этого юбилея вызвалъ въ Подольскую губернію каменецкій католическій епископъ Францъ III Боргіашъ Лука Махвицъ Мацкевичъ и губернаторъ Николай Грохольскій. Крестные ходы, совершавшіеся шумною толпою на такъ называемую Іосафатову долину и продолжавшіеся въ каждомъ деканатствѣ по цѣлымъ недѣлямъ, производились подъ начальствомъ самаго епископа вмѣстѣ съ многочисленнымъ духовенствомъ и упомянутыми XX доминиканами. Такіе ходы были совершены въ Каменцѣ, Дунаевцахъ, Винницѣ, Тульчинѣ, Балтѣ, Кунѣ, Могилевѣ, Барѣ, Хмѣльникѣ, Летичевѣ, Проскуровѣ и въ Грудкѣ при многолюдномъ стеченіи народа. Въ Хмѣльникѣ было болѣе 4,000 зѣвакъ, собравшихся изъ восьми окрестныхъ приходовъ. Намъ кажется, что это было благочестивое приготовленіе къ предпослѣднему польскому возстанію 30 года: почтенные патеры на исповѣди могли приготовлять народъ къ этому возстанію, любопытныя подробности объ этой комедіи можно читать въ книгѣ подъ заглавіемъ «Na Podolu w czasie wielkiego jubiliusza przez sześć miesięcy w roku 1826 odprawianego niektóre kazania przez XX dominikanów litewskich miewane. Wilno, 1826 г.» стр. 220, 259—267. Объ установленіи этого юбилея можно читать буллы папскія въ той же книгѣ, стр. 2—3. Также въ началѣ этой книги посвященіе епископу Мацкевичу и губернатору Грохольскому. О началѣ самаго общества XX доминикановъ-миссіонеровъ, можно читать въ «Dzieje Dobroczynności krajowey i zagraniczney.» г. 1820. Wilno, T. I, str. 169.

женіе города, въ которомъ силы польскаго-католическаго и еврейскаго элементовъ постоянно прибываютъ, благодаря географическому положенію города, не можемъ удержаться, чтобы не пожелать современнымъ его пастырямъ ревности, а главное единодушія въ постоянно готовой для нихъ нравственной борьбѣ съ инославными и антиправославными не русскими элементами 1).

Митрофанъ *Симашкевичъ.*

(Подоль. Еп. Вѣд.)

1) Не имѣя подъ руками клировыхъ вѣдомостей и вообще рукописныхъ источниковъ, мы, къ сожалѣнію, не можемъ сообщить историко-статистическихъ свѣдѣній о церквахъ города Хмѣльника. Оставляемъ это на долю священниковъ этихъ церквей. Пусть они въ своихъ описаніяхъ исправятъ наши ошибки и пополнятъ пробѣлы: мы сдѣлали то, что могли.

III.

ОТВѢТЪ ЧЕХА

НА ВЫХОДКИ РУССКОЙ ГАЗЕТЫ «ГОЛОСЪ» ПРОТИВЪ ЧЕШСКИХЪ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ.

Въ № 215-мъ «Голоса» помѣщена статья о чешскихъ дѣлахъ, исполненная выходокъ противъ чешскихъ предводителей, почему-то неравящихся органу г. Краевскаго. Слѣдуя пословицѣ «audiatur et altera pars», печатаемъ полученный нами съ чешской стороны отвѣтъ на эту статью.

Ред.

Еслибъ послѣдняя статья «Голоса» о чешскихъ дѣлахъ появилась у насъ на чешскомъ языкѣ, никто бы намъ не повѣрилъ, что такія вещи помѣщаются на столбцахъ органа, выдающаго себя за «братскаго», за «славянофильскаго», а напротивъ, всякій былъ бы увѣренъ въ томъ, что статья эта занята изъ «Debatte», «Fremdenblatt», или другаго какого-нибудь органа вѣнскаго цислейтанскаго министерства.

Тенденція этихъ, извѣстныхъ всему славянству, вѣнскихъ газетъ состоитъ относительно чеховъ въ слѣдующемъ: ограничить то громадное вліяніе, какимъ пользуются у чеховъ предводители ихъ Ригеръ и Палацкій; поддерживать и подстрекать всѣхъ, кто изъ честолюбія и корысти желаетъ устроить среди чеховъ новыя, совершенно ненужныя партіи. Это дѣлается съ цѣлію имѣть между чехами партію, которая относилась бы въ данномъ случаѣ къ нѣкоторымъ «предложеніямъ» иначе, нежели чешскій народъ,

дѣйствующій подъ предводительствомъ Ригера и Палацкаго, какъ одно сплошное цѣлое.

Тактика, употребляемая въ Вѣнѣ противъ чеховъ, заключается въ томъ, что ихъ называютъ *феодалами*, *клерикалами* и *ретроградами*, причемъ искажаются факты, распространяются невѣрныя свѣдѣнія и сочиняются клеветы.

Точно также, какъ эти органы вѣнскаго нѣмецкаго министерства, желающіе во что бы то ни стало удержать гегемоническое владычество одного народа надъ другимъ, нѣмцевъ надъ славянами, поступаетъ въ послѣднее время и «Голосъ».

Онъ постоянно бѣсится на чешскихъ предводителей, управляющихъ въ настоящее время дѣлами чешскаго народа, и желаетъ доказать, что будто бы необходимо поставить во главѣ чеховъ другихъ людей, болѣе нравящихся «Голосу».

Предводители чеховъ, сосредоточивающіе все вліяніе на народъ въ своихъ рукахъ, какъ извѣстно — Палацкій и Ригеръ, они управляютъ всѣмъ, безъ ихъ согласія ничто не рѣшается, а потому всѣ упреки и клеветы «Голоса» относятся прямо къ нимъ.

Ригеръ и Палацкій руководили чешскимъ народомъ въ послѣднія 20 лѣтъ и довели его до того, что теперь онъ можетъ и долженъ получить въ союзѣ австрійскихъ земель самостоятельность, необходимую ему для того, чтобъ пользоваться своими средствами и, быстро развиваясь, занять подобающее ему мѣсто въ ряду образованныхъ народовъ. Силъ, которыя должны возстановить чешское королевство «*въ современныхъ формахъ*», не надо искать, какъ это полагаетъ «Голосъ», онѣ, слава Богу, уже давно успѣшно дѣйствуютъ среди народа. Самъ «Голосъ» невольно пишетъ апологію чешскимъ предводителямъ, говоря: «Онъ (чешскій народъ) принесетъ прежде всего искреннѣйшую благодарность своимъ нынѣшнимъ предводителямъ». «Не одною, однако, политическою автономіей», продолжаетъ «Голосъ», «обусловливается народное благосостояніе: оно зависитъ въ равной, если не въ высшей степени, оттого, насколько просвѣщеніе проникло во всѣ его классы».

Въ этомъ мы вполнѣ согласны съ «Голосомъ» и прибавляемъ еще, какъ четвертый, равно необходимый пунктъ: благосостояніе народа въ экономическомъ отношеніи, т. е. освобожденіе крестьянъ и ремесленниковъ, нуждающихся въ денежной помощи, отъ еврейскихъ и не еврейскихъ спекуляторовъ, которые безпримѣрною лихвой выжимаютъ изъ народа лучшіе соки. Но въ такомъ выжиманіи феодалы и клерикалы нисколько не виноваты, потому что, потерявъ съ 1848 года всякое вліяніе на благостояніе народа, они въ практической жизни ничего болѣе не значатъ.

Чтобъ избавить задавленный народъ изъ-подъ ярма корыстныхъ спекуляторовъ-капиталистовъ, основано около 500 ссудныхъ, сберегательныхъ и закладныхъ банковъ и собраны свѣдѣнія по народной экономіи въ сочиненіяхъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Ригера. Этимъ путемъ достигли того, что крестьяне теперь на основахъ ассоціаціи выстроили уже многія фабрики и предпринимаютъ даже небольшія желѣзныя дороги. Чтобъ для народа сдѣлать доступнымъ просвѣщеніе, основаны многочисленныя читальни и библіотеки не только въ городахъ, но и по деревнямъ; учреждены издательскіе фонды, на средства которыхъ издаются въ тысячахъ экземпляровъ самыя дешевыя книги для народа, *несомнѣнно хорошаго воспитательнаго свойстви*, въ свободномъ духѣ, а потому дѣйствительно современныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ чешскіе предводители постарались, чтобъ интеллигенція слилась въ одно цѣлое съ народомъ и постоянно помогала ему вездѣ, гдѣ нужно, съ успѣхомъ пользоваться богатымъ и хорошимъ, предлагаемымъ ему, матеріаломъ. Это сдѣлано въ земляхъ чешскихъ для физическаго и нравственнаго благосостоянія народа тѣми же самыми чешскими предводителями, на которыхъ «Голосъ» постоянно нападаетъ — *старымъ* чехомъ Палацкимъ вмѣстѣ съ *молодымъ* чехомъ Ригеромъ, по большей части еще въ то время, когда «Голосъ» не зналъ ни чеховъ, ни чешскаго движенія.

А все-таки эти предводители, по словамъ «Голоса», феодалы и клерикалы, консерваторы и ретрограды, «старочехи», *опасные* для будущности народа люди. О чеш-

скомъ клирѣ и чешской аристократіи мы въ другой разъ поговоримъ подробнѣе, а здѣсь замѣтимъ только слѣдующее. «Голосъ» говоритъ: «чехи обыкновенно отвѣчаютъ, что первенствующее положеніе аристократіи въ Богеміи основано на историческомъ правѣ». Чехи не думаютъ признавать за кѣмъ бы то ни было какихъ то «первенствующихъ положеній», какихъ-то преимуществъ одного лица или сословія передъ другими. Самъ «Голосъ» подтверждаетъ это, говоря: «Въ лицѣ своихъ представителей потребовалъ чешскій народъ возстановленія исконной исторической связи теперешнихъ трехъ австрійскихъ провинцій: Чехіи, Моравіи и Силезіи, и образованія изъ нихъ союзнаго королевства съ центральнымъ законодательнымъ сеймомъ въ Прагѣ, созваннымъ на основаніи *демократическаго* и справедливаго избирательнаго закона, съ самостоятельнымъ чешскимъ министерствомъ, съ отдѣльнымъ бюджетомъ».

По этимъ словамъ видно, что чехи желаютъ, чтобъ законодательный сеймъ былъ созванъ на основаніи *демократическаго* и справедливаго избирательнаго закона. Какъ же могутъ чехи имѣть сеймъ, основанный на *демократическомъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ на *аристократическомъ* избирательномъ началѣ, съ цѣлію защищать интересы феодаловъ и ультрамонтановъ, какъ клевещетъ на нихъ «Голосъ»?

«Голосъ» рѣшилъ отстранить настоящихъ чешскихъ предводителей, какъ «опасныхъ» людей, и замѣнить какими-то другими лицами, которыхъ онъ называетъ «молодыми чехами» по вѣнской терминологіи и «прогресистами» по своей собственной.

Такъ какъ въ чешскомъ народѣ не одна только отдѣльная партія стремится къ прогрессу, а, напротивъ, весь народъ неутомимо домогается свободы и неустанно двигается впередъ по пути просвѣщенія, то «Голосъ» можетъ говорить лишь о ссорахъ, возникшихъ въ Прагѣ поповоду конкурренціи между двумя издательскими кружками.

Въ Прагѣ есть два брата Грегры, издающіе политическій дневникъ «Narodni Listy» и беллетристическую иллюстрированную газету «Kvety», и завѣдывающіе собственною

типографіей. Точно такъ есть два брата Скрейшовскіе, которые тоже издаютъ два политическихъ дневника «Pokrok» (прогрессъ) и «Politik», и беллетристическую иллюстрированную газету «Svetozor»; у нихъ есть тоже собственная типографія. Газету «Narodni Listy» основалъ Ригеръ на собственныя средства, но подъ именемъ Юлія Грегра, которому удалось получить дозволеніе издавать газету. Ригеру, зная достаточно его свободныя убѣжденія, крѣпкій характеръ и полнѣйшую независимость, вѣнское правительство ни за что не хотѣло дать это позволеніе. Вскорѣ началось польское возстаніе. Палацкій и Ригеръ высказались рѣшительно противъ этого дѣла, считая его несчастіемъ не только для поляковъ, но и для славянства вообще. Палацкій обнародовалъ тогда свою памятную брошюру, и оба чешскихъ предводителя всѣмъ своимъ вліяніемъ старались убѣдить, какъ своихъ соотечественниковъ, такъ и поляковъ, въ безцѣльности и пагубѣ предпринимаемаго возстанія. Грегры увидѣли тогда удобный случай, дающій имъ возможность осуществить свое желаніе и сдѣлаться безъ особенныхъ трудовъ громкими именами. Они, вмѣстѣ съ нѣкоторыми пріятелями, выступили противъ Палацкаго и Ригера, защищая польское возстаніе, выражая ему полнѣйшее сочувствіе и говоря, что «либеральныя» убѣжденія не позволяютъ имъ поступать иначе. Это направленіе они и стали проводить въ газетѣ «Narodni Listy». Ригеръ, чтобъ имѣть возможность выражать свои взгляды, былъ принужденъ открыть новую газету. Грегры скоро пошли дальше: они объявили, что представляютъ со своими друзьями «самостоятельную партію», которая, такъ какъ они моложе Палацкаго, есть «молодая», и, кромѣ того, «либеральная», потому то она, заступаясь за польское возстаніе, поддерживаетъ задавленную свободу, тогда какъ «старые» перестали быть либеральными, высказываясь въ возникшемъ бою за «правительство противъ народа». Необдуманно подстрекаемыя Греграми, сотни людей изъ чешской молодежи, не смотря на всѣ увѣщанія, бѣжали помогать своимъ братьямъ и погибли на польскихъ побоищахъ. Послѣ возстанія всѣ убѣдились, что Палацкій и

Ригеръ были правы и все пришло въ прежній порядокъ, исключая владѣтелей «Nar. Listy», которые, поставленные въ необходимость удержать свою дискредитированную газету, старались выдавать ее за органъ новой, будто бы необходимой, политической партіи. На этомъ основаніи они вели и всѣ свои контрмины въ конкурренціи съ другими чешскими издателями, именно братьями Скрейшовскими. Въ этомъ положеніи находятся дѣла и теперь. Вѣнское нѣмецкое правительство, для котораго уже одни имена Палацкаго и Ригера опасны, искренно желало бы, чтобъ на мѣсто ихъ другіе люди сдѣлались предводителями чеховъ; поэтому оно постоянно и внимательно наблюдало за пріемами Грегровцевъ, желая воспользоваться ими, какъ орудіемъ для достиженія своей цѣли — вытѣсненія Ригера и Палацкаго. Греграмъ и ихъ пріятелямъ сдѣланы были изъ Вѣны многократныя предложенія дѣйствовать противъ первыхъ чешскихъ предводителей приблизиться въ программѣ своей «самостоятельной партіи» къ программѣ вѣнскихъ министровъ, но Грегры на такія предложенія, сколько извѣстно, до-сихъ-поръ еще не согласились.

Кромѣ вѣнскихъ гегемоновъ-нѣмцевъ, теперь и «Голосъ» находитъ чешскихъ предводителей *опасными*. Этотъ «братъ чеховъ» добивается, вмѣстѣ съ вѣнскимъ министерствомъ, отстранить «старо-чешскихъ» предводителей и замѣнить ихъ какими-то другими личностями, которыя бы ему лучше нравились. Онъ выставляетъ Грегровъ единственною надеждой, спасеніемъ чеховъ; сколько разъ онъ на своихъ столбцахъ нападаетъ на старо-чеховъ (Палацкаго и Ригера), столько же разъ поетъ похвальные гимны Греграмъ.

Предположимъ на минуту невозможное, именно, что грегровцамъ дѣйствительно удалось бы захватить руль въ свои руки. Что же «Голосъ» отъ этого выиграетъ? Новые предводители, вчерашніе еще его друзья, непремѣнно сдѣлаются, потому что должны сдѣлаться, опять тѣми же самыми «*опасными*» для него людьми, какими представляются ему теперь «старочехи». Есть нѣкоторыя странныя, чтобъ не сказать больше, мысли, которымъ «Голосъ» открываетъ свои столбцы и которыя вызвали со стороны

чешскихъ газетъ основательные отвѣты и рѣшительныя отрицанія. Такимъ мыслямъ у чеховъ нѣтъ почвы, рѣшительно нѣтъ! Чтобъ распространять ихъ, «Голосъ» долженъ былъ гораздо раньше взяться за дѣло, прежде нежели чехи познакомились съ Николою Кромѣрижскимъ, Ѳомою Штитнымъ, Іоанномъ Гусомъ, Іеронимомъ пражскимъ и др. Теперь же, въ XIX вѣкѣ, «Голосъ» немножко опоздалъ— *онъ опоздалъ на половину тысячелѣтія.*

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о тактикѣ «Голоса». Въ этомъ онъ вполнѣ равняется своимъ вѣнскимъ собратамъ по журналистикѣ. Когда Палацкій и Ригеръ посѣтили московскую выставку, которая такимъ образомъ сдѣлалась полнымъ славянскимъ конгрессомъ, вѣнскіе нѣмцы поспѣшили чувствительно повредить ненавистнымъ имъ чешскимъ предводителямъ, сочинили мерзкіе доносы, распустили клеветы, будто бы чехи заключили съ правительствомъ «враждебнаго Австріи государства» тайный договоръ и тѣмъ совершили измѣну отечеству. Разстрѣлять! повѣсить! убить ихъ! кричали тогда вѣнскія газеты. Точно такъ теперь и «Голосъ», чтобъ унизить въ глазахъ русской публики ненавистныхъ ему чешскихъ предводителей, выставляетъ ихъ измѣнниками славянству, измѣнниками мысли о славянской солидарности, которую они сами создали. «Голосъ», не имѣя никакихъ доказательствъ, дошелъ дотого, что взвелъ на чеховъ обвиненіе, будто они хотятъ играть въ рукахъ Наполеона «ту самую роль по отношенію къ южно и ападно-славянскому міру, какую играли поляки по отношенію къ Россіи». Это, по словамъ «Голоса», «*новая политическая комбинація чешской консервативной партіи*». На чемъ основываетъ «Голосъ» это обвиненіе? На томъ ли, что есть чешскіе журналисты въ Парижѣ и французскіе—въ Прагѣ, въ чемъ «Голосъ» хочетъ видѣть какую-то солидарность. Чешскіе журналисты, редакторы чешскихъ газетъ, которые принуждены были, вслѣдствіе жестокаго преслѣдованія чешской журналистики вѣнскимъ «либеральнымъ» министерствомъ, бѣжать за границу, нашли убѣжище не только во Франціи, но даже въ Пруссіи, а преимущественно въ свободной

Швейцаріи; одинъ находится въ Англіи и одинъ путешествуетъ по Италіи. Всѣ они естественнымъ образомъ заступаются за честь чешскаго имени, когда имъ приходится встрѣчаться со статьями, помѣщенными въ заграничной печати на деньги вѣнскаго правительства, съ цѣлью очернить чешское движеніе. Кажется, и русскіе не будутъ иначе поступать, если увидятъ, что кто-нибудь распространяетъ невѣрныя свѣдѣнія о Россіи и топчетъ въ грязь русское имя. Фрарцузскій журналистъ Ригондо, недавно основавшій въ Прагѣ газету «Correspondence Slave», путешествуетъ, по примѣру профессора Леже, уже нѣсколько лѣтъ по славянскимъ землямъ. Онъ жилъ долго между южными славянами и старался постоянно распространять во французской журналистикѣ вѣрныя свѣдѣнія о славянствѣ; но чехи и не думали выписывать г. Ригондо изъ Парижа въ Прагу, какъ это заявлено въ «Голосѣ». Въ Прагу г. Ригондо прибылъ только тогда, когда мадъярское правительство прогнало его за славянолюбивую дѣятельность изъ Тріединаго королевства. «Голосъ» долженъ помнить, что еще недавно, при громкомъ заявленіи симпатіи со стороны хорватовъ, мадъярскіе жандармы удалили г. Ригондо изъ Загреба.

«Голосъ» называетъ газету его, «Correspondence Slave», органомъ «старочеховъ», но доказательства на это оставляетъ при себѣ. Мы, напротивъ, можемъ показать, что люди, сочувствующіе «Голосу» по поводу его постоянныхъ нападеній на чешскихъ предводителей, пишутъ съ выраженіемъ радости, что вновь появившаяся «Correspondence Slave» есть органъ Грегровъ, которымъ «Голосъ» вполнѣ сочувствуетъ. Мы съ своей стороны считаемъ «Correspondence Slave» тѣмъ, что она дѣйствительно есть— органъ г. Ригондо, который во все время своего пребыванія между славянами высказывалъ въ печати только свои личныя мнѣнія, не примыкая ни къ той, ни къ другой партіи. Кромѣ этой инсинуаціи, «Голосъ» помѣстилъ въ послѣдней своей статьѣ еще и слѣдующую клевету на чешскихъ предводителей:

«Клерикалы и феодалы могутъ, благодаря вліятельнымъ

связямъ при дворѣ, оказывать протекцію нѣкоторымъ членамъ *служащей* имъ старочешской партіи и *доставить имъ министерскіе портфели*».

«Голосъ» это говоритъ въ виду вопроса, который онъ, сочинивъ его, не берется дальше рѣшать, а коментируетъ его тѣмъ, что есть чешскіе консерваторы, которые имѣютъ больше въ виду собственные эгоистическіе разсчеты, но скрываютъ свои честолюбивые замыслы. Суть этого вопроса и его коментарія — явный намекъ на сомнѣніе въ чистотѣ убѣжденій чешскихъ предводителей. Мы уже сказали, что дѣла чешскаго народа не рѣшаются безъ согласія Палацкаго и Ригера. Силою «старочешской» партіи оказать кому-нибудь услугу могутъ только Ригеръ и Палацкій, а потому и намекъ, сдѣланный «Голосомъ», можетъ относиться только къ нимъ. Но Палацкому и Ригеру нѣсколько разъ уже предлагали министерскія кресла и правительство и самъ императоръ, но они всегда отказывались. Это должно бы быть извѣстно «Голосу». Зачѣмъ же онъ все-таки дѣлаетъ намекъ, котораго теперь стыдились бы уже и вѣнскія газеты? Оскорбляя столь любимыхъ предводителей, «Голосъ» оскорбляетъ весь чешскій народъ. Подъ впечатлѣніемъ такого оскорбленія мы во всемъ громадномъ словарѣ нашего Юнгмана не можемъ подобрать слова, достаточнаго для опредѣленія такого страннаго образа дѣйствій «братственнаго намъ» органа... *Чехъ.*

С.-Пет. Вѣд.

Ксендзъ Албертъ Рубша напечаталъ въ газетѣ «Голосъ» слѣдующее письмо:

10-го іюня получено мною по почтѣ безъимянное пасквильное письмо за то, что я осмѣлился отслужить, 4-го апрѣля, въ костелѣ благодарственное молебствіе о здравіи Государя Императора на русскомъ языкѣ; вотъ точный переводъ этого письма:

«Какое униженіе правдивой доброты и милосердія Божія, если Онъ настолько милосердъ, что подобныхъ мерзавцевъ не караетъ тяжкими муками при жизни. Правительство должно быть довольно, что нашло подобныхъ людей, и еще

между пастырями, которые способны брехать какъ хотятъ и что имъ велятъ; для чего же выпала очередь пастырю первому отслужить молебствіе 4-го апрѣля. Гадость, стыдъ и униженіе; для чего же святая религія опирается на подобныхъ священникахъ? Проси Бога, чтобъ тебя простилъ, хотя это и трудно, однако и разбойникъ возлѣ Спасителя на крестѣ получилъ прощеніе. Прости тебя Богъ, какъ изрекъ Спаситель въ слѣдующихъ святыхъ словахъ (не вѣдаютъ, что творятъ)».

«Убѣждаясь изъ адреса на конвертѣ и изъ наложенныхъ на немъ почтовыхъ штемпелей и разныхъ печатей, что пасквиль эта, прежде полученія ея мною, перешла чрезъ многія сочувственныя ей руки, я не могу оставить ее безъ заявленія пасквилянтамъ печатно (другаго способа не знаю), что отвѣчаю полнымъ презрѣніемъ и пренебреженіемъ къ безъименнымъ сочинителямъ, какъ змѣямъ съ вырваннымъ жаломъ, шипящимъ въ безсильной злобѣ и старающимся подземнымъ путемъ разливать накипающій у нихъ ядъ крамолы и противудѣйствія благимъ предначертаніямъ правительства и святотатственно развивающимъ убѣжденіе о преступности богослуженія на русскомъ языкѣ, могущемъ будто бы, поколебать догматы религіи, которой я навсегда непоколебимо вѣренъ и стараюсь укрѣплять и во ввѣренной мнѣ паствѣ.

«Желая отстранить отъ себя на будущее время полученіе подобныхъ пасквилей, независимо представленія подлиннаго письма для разслѣдованія по начальству, я печатно заявляю, что совершеніе католическаго богослуженія на какомъ бы то ни было языкѣ, а тѣмъ болѣе русскомъ, въ предѣлахъ Русской Имперіи, я нетолько не признаю противозаконнымъ, но даже считаю крайне необходимымъ, потому что, находясь постоянно въ ближайшемъ сношеніи съ крестьянскимъ католическимъ населеніемъ своего прихода, я убѣдился въ искренности чувствъ ихъ преданности и благодарности къ нашему Монарху освободителю и благодѣтелю и въ пламенномъ ихъ желаніи скорѣе и ближе ознакомиться съ русскимъ языкомъ и грамотностью. Раздѣляя съ ними вполнѣ эти чувства, я, какъ постав-

ленный Божьимъ произволомъ руководителемъ своей паствы, былъ обязанъ не таить въ душѣ, а выражать ихъ явно. Неподдѣльность же восторга крестьянъ при молитвѣ въ костелѣ, 4-го апрѣля, за русскаго Царя по русски, поощрила меня и на будущее время постоянно совершать переводимыя молитвы на отечественномъ языкѣ. *(Спб. Вѣд.)*

Двѣ польскія брошюры.

Виленскій корреспондентъ „Московск. Вѣдом.» пишетъ о появленіи двухъ брошюръ на границѣ Россіи, въ Тильзитѣ, назначенныхъ къ возбужденію католическаго народонаселенія противъ Россіи: *Предупрежденіе о святой вѣрѣ, въ особенности о церкви Іисуса Христа*, и *Изъ темноты ведетъ только дорога правды*. Первая брошюра почти вся состоитъ изъ описаній мнимыхъ преслѣдованій католицизма русскимъ правительствомъ, начиная со временемъ Екатерины II, и до послѣднихъ лѣтъ управленія графа Баранова.

Въ числѣ преслѣдованій значится между прочимъ распоряженіе о преподаваніи въ училищахъ по-русски. Авторъ брошюры видитъ угнетеніе католицизма также и въ томъ, что нѣкоторые безбожные органисты и пономары въ послѣдній мятежъ жаловались правительству на революціонныя затѣи ксендзовъ и жалобы эти принимались.

Брошюра совѣтуетъ крестьянамъ а) никогда не являться на праздники, даваемые русскимъ начальствомъ, напримѣръ при освященіи церквей, б) не ходить въ православныя церкви. Отставшіе отъ католицизма должны перестать ходить въ церковь, никакихъ тайнъ изъ рукъ попа не брать, а если начальство спроситъ кто отговорилъ, отвѣчать: «совѣсть мнѣ не даетъ покоя; она меня грызетъ и безпрестанно говоритъ: человѣче, погубилъ ты душу свою!» На подговоры же ксендзовъ ни въ какомъ случаѣ показывать не слѣдуетъ.

Другая брошюра также написана на тему спасенія католиковъ отъ православія. Дѣйствіе этой *новой повѣсти* происходитъ въ 1867 году; на Жмуди голодъ; толпы нищихъ бродятъ по дорогамъ, а начальство требуетъ отъ нихъ

письменныхъ видовъ, установленныхъ военнымъ положеніемъ (?); безъ денегъ видовъ не выдаютъ.

На Жмуди живетъ господарь (хозяинъ) Томашъ, женатый на дворянкѣ. Осенью, подъ вечеръ въ односельи Томаша заслышали звонъ колокольчика—видятъ: ѣдетъ повозка въ двѣ лошади, одна въ дугѣ съ двумя колокольчиками. «Это русскій!» Всѣ домашніе какъ куропатки, завидѣвшія коршуна, попрятались; хозяинъ не велѣлъ принимать проѣзжаго. Оказалось однако, что проѣзжалъ русскій ксендзъ съ деньщикомъ жмудиномъ. Благодаря последнему, попа приняли. Осушивъ доброе число рюмокъ, хозяинъ разговорился съ гостемъ, и русскій священникъ повѣдалъ Томашу всѣ заблужденія православной вѣры. Оказывается, что она изобрѣтена Петромъ Великимъ и даже потеряла связь съ христіанствомъ Востока. Это-де культъ царя. *Попъ* горько жалуется на притѣсненія, которыя терпитъ православное духовенство, и сознается, что если бы не нужда, жена и дѣти, онъ давно бы перешелъ-де назадъ въ унію или въ католицизмъ.

Авторъ повѣсти пользуется бѣдственнымъ положеніемъ русскихъ переселенцевъ, неимѣніемъ ими храмовъ и причтовъ, чтобы изобразить православіе какъ язычество. Въ концѣ же концовъ является протестъ противъ употребленія русскаго алфавита въ жмудскомъ языкѣ, противъ русскихъ школъ, и Жмудь выставлена какъ чужая страна для Россіи.

Едва нужно и доказывать всю нелѣпость содержанія двухъ вышеписанныхъ брошюръ. Эти вѣчныя жалобы на преслѣдованія католицизма въ Россіи, это желаніе уронить во чтобы то ни стало православіе, конечно, не введутъ въ заблужденіе ни одного благомыслящаго человѣка. Но въ средѣ населенія нашего западнаго края есть люди простые, довѣрчивые, которые могутъ принять на слово разсѣеваемыя врагами Россіи и православія клеветы, и вотъ въ чемъ заключается вредъ памфлетовъ, которые они желали бы щедрою рукою разсыпать по краю. Мы увѣрены, что одно гласное заявленіе о существованіи этихъ памфлетовъ удержитъ многихъ отъ увлеченія ихъ нелѣпымъ содержаніемъ.

(Сѣв. Лист.).

IV.

ЯГАЙЛО,

Историческій романъ въ 4-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ 2-я. ГЛАВА 6-я.

Поята въ рукахъ Гаштольда.

Лишь только смолкли звуки колоколовъ, сзывающихъ монахинь еввинскаго монастыря къ заутрени, какъ отворилась калитка этого монастыря, и изъ нея вышли двѣ человѣческія фигуры. — Обѣ были монахини, обѣ наши старыя знакомки,—одна Ригальуа, другая Поята. Первая вела за руку вторую.

— Куда ты меня ведешь, Ригальда? Спрашивала Поята, все еще находясь въ припадкѣ помѣшательства.

— Къ Ягайлѣ я веду тебя... Молчи, не шуми... Онъ ждетъ тебя, вонъ въ томъ оврагѣ, гдѣ ты давеча цвѣты сбирала,—отвѣчала змѣинымъ шопотомъ Ригальда.

— Посмотри, Ригальда, посмотри скорѣй на небо...

— А что?...

— Вонъ звѣздочка летитъ къ другой звѣздѣ... Гдѣ жъ мой Ягайло? Быстро перескочивъ съ одного предмета въ разговорѣ на другой, спросила Поята.

— Тамъ.... въ оврагѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ.... Онъ въ небѣ .... Это не звѣзда, а онъ летитъ ко мнѣ въ объятія .... Видишь — какой свѣтлой полосой обозначенъ путь его?! О милый Ягайло! лети скорѣй, я жду тебя.. Мнѣ не нужны ни камни самоцвѣтные, ни удѣлы княжескіе, мнѣ нужны твои ласки и любовь...

*) См. кн. 5 Вѣстн. Зап. Россіи.

— Полно останавливаться, Поята.... медлить нельзя, пожалуй въ монастырѣ хватятся тебя и ты никогда не увидишь своего милаго князя, уговаривала Ригальда, безумную, постоянно оглядываясь назадъ.

— Какъ никогда?... Онъ завтра обѣщался пріѣхать въ монастырь...

— Не пріѣдетъ.... Идемъ же скорѣй къ нему...

— Идемъ, повторила за ней Поята: постой, а это что бѣлѣетъ?..

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ.... мнѣ страшно, Ригальда....

— Да гдѣ бѣлѣетъ?...

— А вонъ... гдѣ небо сходится съ землею... Вонъ тамъ, гдѣ слышны звуки соловья....

— Это облако.... пойдемъ не бойся....

— О нѣтъ.... я не пойду, мнѣ страшно.... это бѣлѣетъ не облако, а покойница Анна Гавриловна...

...Ну такъ и есть она.... Ригальда! спрячь, защити меня отъ ея взоровъ,... она бѣжитъ за мной... Ай! воскрикнула Поята, прижимаясь къ Ригальдѣ.

— Господь съ тобою! Нестрашись ты никого, въ оврагѣ ждетъ Ягайло, онъ защититъ тебя....

— Ахъ, какой сердитый взоръ ея!... Она манитъ меня къ себѣ... зоветъ на судъ, на Божій судъ, мнѣ страшно, Ригальда...

— Да перестань... Пойдемъ, сказала Ригальда и силою потащила Пояту къ оврагу.

— Скорѣй, скорѣй бѣжимъ, Ригальда... За нами гонится красавица Анна, вонъ она... указываетъ мнѣ на сердце, гдѣ изъ раны струится кровь... Вѣдь это я ее убила. Ты помнишь, Ригальда, какъ я затрепетала, когда увидѣла кровь на жертвенномъ ножѣ?...

— Помню.... Пойдемъ, Клавдія, скорѣй, она бѣжитъ за нами, говорила Ригальда, желая скорѣе сдать свою жертву въ руки палача.

— Я Поята, а не Клавдія....

— Въ язычествѣ ты была Поятой, а теперь носишь имя христіанское—Клавдіи... Меня же зовутъ Маріей....

— Нѣтъ, не хочу я быть Клавдіей, меня Ягайло любить перестанетъ.... А ты, Ригальда, его все также любишь?

— Никого я не люблю, я монахиня....

— А помнишь, ты любила его, когда была вайделоткой... А гдѣ твой сынъ?

— Не знаю, я отреклась отъ него....

— Нѣтъ я не хочу быть Клавдіей....

— Ну какъ хочешь....

Въ это время, онѣ дошли до оврага и начали спускаться въ него.

А знаешь что, Поята, громко и торжественно начала говорить Ригальда, находясь на днѣ оврага: вотъ нѣсколько ночей сряду, во снѣ являлась мнѣ красавица Анна Гавриловна и, заклиная моей покойной матерью, приказала мнѣ въ сегодняшнюю ночь вывести тебя вотъ въ этотъ оврагъ и передать ея супругу, боярину Петру Гаштольду; обманомъ я тебя увела изъ монастыря для того, чтобы, исполнивъ желаніе покойницы, узнать, какъ вѣрны сны... Но мракъ и тишина кругомъ доказываютъ, какъ обманчивы сонныя грезы....

— Нѣтъ не обманчивы, супругъ Анны передъ тобой,—сказалъ бояринъ Гаштольдъ, подходя къ монахинямъ.

Ригальда притворно взвизгнула.

— Которая изъ васъ Поята? спросилъ онъ поспѣшно.

— Я, отвѣчала Поята.

— Берите ее, и на коней, сказалъ Гаштольдъ своимъ дружинникамъ. Въ тотъ же мигъ большая толпа людей бросилась на Пояту и, подхвативъ ее на руки, потащила въ конецъ оврага.

Ригальда бросилась назадъ, въ монастырь.

Прибѣжавъ къ воротамъ, она нашла калитку отпертою и тревожныя опасенія ея миновали сами собой. Заперевъ на ключъ калитку, она отправилась въ церковь, гдѣ продолжалась заутреня. Много она крестилась и клала земныхъ поклоновъ, но все это была одна маска. Мысль ея была занята послѣдствіями удавшагося мщенія, а сердце радостью, что мщеніе совершилось. Злоба утихла въ ней, мѣсто ея заняло довольство.

Не вытерпитъ Гаштольдъ, убьетъ Пояту, думала Ригальда: она безумная, но онъ сочтетъ это за притворство, а я сказала, чтобы онъ не щадилъ ее... А если онъ будетъ нерѣшителенъ, я другой разъ явлюсь тѣнью его жены, надъ ея могилой и настою на смерти Пояты...

Теперь читатель, конечно, догадался, кто исполнялъ должность призрака, надъ могилой Анны Гавриловны.

Боярыну Гаштольду и въ умъ не приходило усомниться въ действительности виденной тени своей покойной жены. Почему онъ могъ знать, что это дело соперницы Пояты, что Ригальда ценою безчестія купила ночлегъ въ монастыре Гаштольда для того, чтобы разыграть роль могильнаго призрака и открыть убежище Пояты. Если и въ настоящее время многіе верятъ еще въ виденія, призраки и т. п.—нелепости, то что же было тогда когда лица учавствующіе въ этомъ романе были жены?

Когда прибылъ Гаштольдъ обратно къ себе въ монастырскіе покои, то сейчасъ же послалъ за темъ монахомъ, который усомнился въ виденіи. Разсказавъ ему все, Гаштольдъ велелъ служителямъ принести связанную по рукамъ и ногамъ Пояту. Монахъ, выслушавъ разсказъ, развелъ руками.

— Все таки это не виденіе, а чудо, для прославленія нашей католической веры... твоя покойная супруга — святая мученица. Пусть вся земля узнаетъ объ этомъ...

— Нетъ, пусть это пока хранится въ тайне... утро уже наступаетъ, вонъ уже солнце выглянуло изъ за земли. Не успеетъ оно еще закатиться, какъ Поята,—будетъ заложена въ столбе, на веки вечные:... Такова воля моей покойной жены, говорилъ Гаштольдъ.

— Дозволь мне навещать ее, я буду стараться сделать ее усердной католичкой, — обратился монахъ къ настоятелю, т. е. къ Гаштольду.

— Нетъ, этого нельзя, потому что тень жены моей мне самому приказала обратить ее въ католичество...

— Ея воля должна быть священна...

Но вотъ слуги Гаштольда внесли въ покой на рукахъ Пояту и поставили передъ настоятелемъ.

— Уйдите все вонъ, приказалъ Гаштольдъ своимъ рабамъ.

— И мне тоже удалиться? спросилъ монахъ.

— Останься, и обратившись къ выходящимъ слугамъ, онъ прибавилъ: скажите всемъ моимъ монастырскимъ рабамъ, что бы все то, что делалось сегодняшнюю ночь у насъ, дальше стенъ монастырскихъ не выходило, а то всехъ до единаго въ Виліи перетоплю, если разболтаютъ что нибудь.

Служители низко поклонились и вышли вонъ.

Оставшись втроемъ, Гаштольдъ подошелъ къ Поятѣ, которая стояла неподвижно и задумчиво смотрѣла въ окно, изъ котораго пробивался лучь солнечный.

— Ты Поята? Спросилъ Гаштольдъ, развязывая ей руки.

Поята вздрогнула.

— Я, прошептала она.

— Ты убила мою жену Анну?

— Я, я... только я не убила... она не умирала, я съ ней вижусь каждый день, каждую ночь... Вонъ она... смотри, летитъ сюда съ неба... При этомъ Поята упала на колѣна.

— О, красавица Анна! не казни меня,—сказала Поята голосомъ полнымъ мольбы; ты опять на землѣ съ своимъ мужемъ.... не отнимай-же моего Ягайла, не разбивай моего счастія... не коси цвѣтокъ душистый...

— Что она говоритъ, да она не безумная ли? Обратился монахъ къ Гаштольду.

— Не безумная она, а хорошая притворщица, но меня не проведетъ, — сказалъ Гаштольдъ. За что ты убила мою жену? Продолжалъ спрашивать мужъ покойной Анны.

Поята поднялась на ноги и выпрямилась всѣмъ корпусомъ.

— За то, что она любила князя Ягайла, отвѣчала она.

— Это не правда, я зажму ротъ твой желѣзными клещами...

— Не правда? Да ты то кто такой?

— Я мужъ той несчастной, которую ты убила.

Поята вздрогнула.

— Ты мужъ красавицы Анны... А гдѣ она теперь?

— На небѣ.

— На небѣ, да, я видѣла ее тамъ... она гуляла по пышному цвѣтистому полю... На головѣ у ней былъ надѣтъ золотой вѣнокъ, ну точь вточь какъ въ монастырской церкви на одномъ ангелѣ; сіянье отъ лица такое же... Лицемъ бѣла, какъ лилія, по правую руку шла съ ней богиня Мильда... Ахъ, Гаштольдъ! твоя жена красивѣе Мильды... вокругъ нее все звѣзды, звѣзды, да такъ и блестятъ, такъ и горятъ...

— Она безумная, снова прошепталъ монахъ.

— Притворщица, снова перебилъ Гаштольдъ.

— А гдѣ мой Ягайло? Спросила Поята.

— Ты никогда болѣе не увидишь своего Ягайла.

— А гдѣ жъ Ригальда? Она вела меня къ нему, къ моему красавцу, къ моему сердечному, гдѣ же онъ? Дайте мнѣ его, мнѣ нужно говорить съ нимъ...

— Поята! не лукавь со мною, притворяться безумной не зачѣмъ тебѣ, твоя судьба рѣшена, посажу я тебѣ въ клѣтку каменную, на цѣулю жизнь, и будешь ты томиться въ заточеніи, пока не умрешь... Во всю жизнь свою ты кромѣ меня никого не увидишь, ни съкѣмъ не переговоришь одного слова... О Ягайло забудь и постарайся познать черезъ меня свѣтъ Христовъ, съ которымъ ты можешь достигнуть до царствія небеснаго... Признайся лучше во всемъ, я сдѣлаю тебя христіанкою и ты...

— Я уже христіанка, перебила его Поята.

— Молчи, несчатная прошепталъ монахъ: греческая вѣра не ведетъ въ царствіе Божіе, а прямо въ адъ, а тамъ муки такія, отъ которыхъ грохочетъ земля и небо.

— Я знаю христіанскаго Бога, я молюсь ему, а мнѣ больше нечего не нужно... Мнѣ игуменья говорила, что Христосъ одинъ у всѣхъ народовъ, и я молюсь ему, за что же мнѣ мучиться?

— Вотъ она разумнѣе теперь сдѣлалась, замѣтилъ Гаштольдъ монаху.

— И Богородица одна? Спросила Поята.

— Одна, поспѣшилъ монахъ: Богъ одинъ у всѣхъ народовъ, но только истинное ученіе его въ рукахъ однихъ римскихъ католиковъ,—продолжалъ монахъ.

— Ты хочешь быть тамъ, гдѣ моя жена Анна? Спросилъ Гаштольдъ Пояту.

— Хочу, проведи меня къ ней... пойдемъ скорѣе, мнѣ нужно говорить съ ней, я буду о прощеньи молить ее, говорила Поята.

— Не спѣши, Поята, тотъ путь далекъ: чтобы идти по немъ, нужно окрѣпнуть въ силѣ, замѣтилъ монахъ.

— А ты говорилъ игуменьѣ, что поведешь меня къ твоей женѣ? обратилась Поята къ Гаштольду. Послѣдній покачалъ головою.

Поята между тѣмъ быстро повернулась лицемъ къ окну.

— Ахъ какъ хорошо тамъ, гдѣ солнышко! вырвалось у ней тамъ вѣрно самъ Богъ... А вотъ и рѣка Вилія... вонъ и Ромновэ храмъ Перкунуса... Да развѣ въ Вильнѣ мы?

— Да, въ Вильнѣ: любуйся послѣдній разъ въ своей жизни

всѣмъ тѣмъ, что видишь ты изъ окна, заключилъ Гаштольдъ, не сводя своихъ пытливыхъ глазъ съ Поуты.

Но послѣдняя не слушала Гаштольда, долго она что то говорила про себя, часто поминая Ягайла, потомъ громко запѣла литовскую языческую пѣсню „Каунисъ.“ Въ этой миѳологической пѣсни дѣвица благодаритъ крылатаго божка Кауниса, литовскаго Амура,—сына богини любви Мильды за то, что онъ возвратилъ ей милаго юношу, котораго она любитъ, высказываетъ ему свои томлѣнія любви, скорбь во время разлуки и радость свиданія.

О! какъ хороша была эта пѣсня въ устахъ Поуты! Чистый и симпатичный ея голосъ звучалъ то нѣгой полной страсти, то печалью, отъ которой сжимались сердцѣ у слушателей и набѣгами слези, то снова слышалось блаженство. Въ каждомъ переходѣ отъ горя къ радости и наоборотъ она поражала какъ монаха, такъ и самого Гаштольда. Это было что то волшебное, не земное. Глаза ея разгорѣлись, блѣдное лицѐ покрылось легкимъ румянцемъ, черный костюмъ монашенки окончательно дѣлалъ ее красавицей. Къ концу пѣсни она очаровала и настоятеля и монаха.

Кончивъ пѣсню, она замолчала и опустилась на скамейку передъ окномъ.

Длилось довольно долгое молчаніе: ни Гаштольдъ, ни монахъ не знали что сказать.

— Она безумная, снова повторилъ монахъ.

— Безумная, процѣдилъ сквозь зубы Гаштольдъ, не сводя съ нея глазъ.

— О милый мой!... иди, иди скорѣй ко мнѣ, я жду тебя, сказала Поята въ задумчивомъ состояніи.

— Кого ты зовешь, Поята? спросилъ Гаштольдъ.

— Своего милого, князя Ягайла, отвѣчала она, выходя изъ задумчивости.

— Несчастная!... прошепталъ монахъ.

— Несчастная! повторилъ Гаштольдъ.

— А! ты пришелъ... Ну вотъ мой милый, мнѣ больше ничего не нужно... я только хочу видѣть тебя, цѣловать тебя и слушать твои рѣчи... говорила Поята, обращаясь къ пустому пространству.

— Кому это она говоритъ? Спросилъ монахъ Гаштольда.

— Все вѣрно князю, своему Ягайло, отвѣчалъ онъ.

— Ну да Ягайлѣ, повторила за нимъ Поята: вонъ онъ стоитъ

у двери, вотъ подходитъ ко мнѣ, вѣдь онъ любитъ меня... Ахъ! вскрикнула ужаснымъ голосомъ Поята и, вскочивъ со своею мѣста, побѣжала къ Гаштольду: спаси меня, спаси, вонъ она, пришла... сюда пришла... какой сердитый взоръ ея...

— Чей? Спросилъ изумленный Гаштольдъ.

— Анны... красавицы Анны... спаси меня, она за мной пришла, смерти моей хочетъ... спаси меня, прикажи ей удалиться, я не хочу умирать, я жить хочу, я люблю... слышишь ли ты? я люблю... торопливо говорила Поята, прижимаясь къ Гаштольду.

— Она дѣйствительно безумная, сказалъ утвердительно Гаштольдъ монаху, стараясь освободиться отъ Пояты, дыханье которой жгло его лице.

— Безумная, безумная, подтвердилъ монахъ.

— Если бы была тѣнь моей жены въ этомъ покоѣ, то и мы ее бы видѣли, стало быть тебѣ это только чудится, Поята, говорилъ Гаштольдъ, но не такъ уже сурово, а съ участіемъ.

— Нѣтъ не чудится... ходитъ она за мною, всегда, по пятамъ, не даетъ покою ни днемъ, ни ночью... спаси меня, спаси. При этомъ Поята еще плотнѣе прижалась къ Гаштольду, который начиналъ теряться.

— Ей нуженъ покой, сказалъ монахъ: дозволь я отведу ее куда ты прикажешь и поставлю дозорныхъ; пусть отдохнетъ, можетъ быть днемъ придетъ въ себя.

— Да ей нуженъ покой, повторилъ Гаштольдъ: только я тебѣ ее не довѣрю... У меня для нея на сегодняшній день мѣсто готово, въ томъ покоѣ, рядомъ со мной. Сказавъ это, Гаштольдъ указалъ на другую дверь, на которой висѣлъ замокъ.

— Но что скажутъ и подумаютъ братія, когда узнаютъ что рядомъ съ покоемъ настоятеля почиваетъ женщина? Не то лукаво, не то таинственно и внушительно, замѣтилъ монахъ.

— Пусть что хотятъ говорятъ и думаютъ... Я настоятель и господинъ въ моемъ монастырѣ, отвѣтъ даю только Богу, да своей покойной женѣ... Вотъ лучше помоги мнѣ отвести ее туда, да отопри дверь, ключь въ замкѣ. Монахъ отперъ дверь и оба они отвели Litoяту въ сосѣдній покой.

— Отдохни, Поята, днемъ мы съ тобой поговоримъ, а теперь прощай, сказалъ Гаштольдъ, выходя изъ комнаты Пояты.

Заперевъ на замокъ дверь, Гаштольдъ подалъ ключь монаху.

— Возьми ключь себѣ до тѣхъ поръ, пока не спрошу я его у тебя, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ мнѣ ключь?

— А затѣмъ, чтобъ и ты чего нибудь не подумалъ.

— Нѣтъ, я ключа не возьму, у меня и въ мысляхъ нѣтъ подозрѣнія.

— Но я настоятель монастыря приказываю тебѣ взять...

— Развѣ такъ...

Монахъ взялъ ключь и, простившись, пошелъ домой, а Гаштольдъ отправился на могилу своей жены; посѣдѣвъ тамъ нѣсколько минутъ,—чего никогда не бывало, онъ возвратился къ себѣ въ покой, гдѣ засталъ монаха, поспѣшно запирающаго замокъ на дверяхъ, ведущихъ въ покой, который служилъ новымъ заключеніемъ для Поэты.

— Зачѣмъ ты опять сюда пришелъ? Спросилъ удивленный Гаштольдъ.

Монахъ потерялся.

— Да, да... она... я... воды ей принесъ, страждущимъ нужно помогать... я думаю, что ты, по обыкновенію, долго просидишь на могилѣ святой мученицы, твоей покойной Анны, а болящая Поята, можетъ быть, пить захочетъ, такъ я и принесъ воды...

— Дай мнѣ ключь...

— Зачѣмъ?...

— А за тѣмъ, чтобы избавить тебя отъ мыслей, которыя навѣяны тебѣ сатаной.

Монахъ закрестился и заклялся.

— Ну, хорошо, ступай помолись лучше, да усни, и я спать хочу... А ключь подай, сказалъ Гаштольдъ. Монахъ повиновался и они разстались.

Оставшись одинъ, Гаштольдъ поспѣшно отперъ дверь и вошелъ въ покой къ Поятѣ. Она сидила у единственнаго очень узкаго окна и напѣвала какую то пѣсню.

— Здѣсь былъ тотъ монахъ, котораго ты видѣла въ моемъ покоѣ? Спросилъ онъ скоро.

— Былъ, а ты кто такой?, Отвѣтила въ свою очередь вопросомъ Поята, какъ то странно окидывая взглядомъ Гаштольда.

— Я Гаштольдъ... Что этотъ монахъ говорилъ тебѣ?

— Не знаю... его рѣчи я не поняла...

— Воды онъ тебѣ принесъ?

— Не знаю... я не хочу пить... посмотри Гаштольдъ, какъ въ углу играютъ пятнышки отъ солнца, ну точь вточь какъ глаза князя Ягайла... У князя Ягайла, когда онъ на меня смотритъ, глаза также бѣгаютъ...

— Отдохни, Поята, вонъ лежанка, ты нездорова... Прощай. Сказавъ это, Гаштольдъ вышелъ вонъ, и снова заперъ дверь на замокъ.

Раздѣвшись и помолившись Богу, онъ бросился на лежанку.

Онъ закрылъ глаза и хотѣлъ спать, но сонъ бѣжалъ отъ него. Какъ ни религіозенъ онъ былъ, какъ сильно ни любилъ свою покойницу жену, и какъ ни клялся онъ самому себѣ быть послушнымъ видѣнной имъ тѣни своей жены, относительно Пояты; но красота и симпатичность послѣдней сдѣлали свое дѣло, онъ началъ колебаться. Прикосновеніе ея къ нему, ея горячее дыханіе, ея звучный пріязный голосъ, ея очаровательное лицо и наконецъ болѣзнь заставили не то любить... говорю любить, потому что зачастую любовь, если только она есть, рождается не днями, не часами, а минутами и секундами, не то жалѣлъ ее, къ тому же онъ давно не видалъ и не говорилъ съ женщинами. Однимъ словомъ вспышка случилась, огонь, этотъ сердечный ядъ, начинаетъ разливаться все болѣе и болѣе по сердцу, которое въ этихъ случаяхъ служитъ отличной пищей для пламени. Отъ небольшой искорки бываютъ пожары, такъ, быть можетъ, и отъ прикосновенія Пояты къ Гаштольду отъ этого ничтожнаго случая, у послѣдняго родившееся чувство, называемое любовью, не потухнетъ при самомъ зарожденіи, а вспыхнетъ яркимъ заревомъ.

Посмотримъ, что изъ этоко выйдетъ? А теперь на время оставимъ Гаштольда, пусть его не спитъ, терзается, и борется съ собой; пусть ему въ одно ухо слышавшаяся пѣсня Пояты, полная мелодіи, а въ другое могильный шопотъ покойницы Анны. Кто изъ этихъ двухъ красавицъ останется побѣдительницею, живая или мертвая? Покажутъ слѣдующія главы.

Скорбь Ягайла.

Прошли двѣ недѣли въ напрасныхъ поискахъ за Поятой, искали ее: Ягайло, Витовтъ, —послѣднiй искалъ ради дружбы съ Ягайломъ,—Войдыйло и еще нѣсколько царедворцевъ, приближенныхъ къ нашему герою романа. Но всѣ поиски, которые, впрочемъ, ведены были въ глубокой тайнѣ,—не привели къ желаемому результату: пропала Поята безслѣдно.

Сначала думали, что ее похитили язычники, поэтому Витовтъ отправился къ Криве-Кривейту—узнать справедливыми подозрѣнія; послѣднiй, въ откровенномъ разговорѣ съ Витовтомъ, сообщилъ ему, что хотя онъ знаетъ, что Поята не умирала, а живетъ въ еввинскомъ монастырѣ, но о похищенiи ея изъ монастыря первый разъ слышитъ,—въ чемъ и поклялся, отцемъ Прамжу. Витовтъ передалъ Ягайлѣ увѣренiе, что криве-кривейто въ этомъ дѣлѣ не виноватъ. Ягайло не вѣрилъ этимъ увѣренiямъ, но дѣлать было нечего. Силою требовать выдачи Пояты отъ криве-кривейты—значило бы открыть передъ всѣми о мнимой смерти Поята.

Думалъ Ягайло на Ригальду, о пребыванiи которой въ еввинскомъ монастырѣ ему уже извѣстно было; но спросить ее не рѣшался, потому что боялся ея. Думалъ онъ и на Гаштольда, но его монашеская затворническая жизнь сбивала Ягайлу съ толку. Мысли его и предположенiя путались; наконецъ онъ началъ подозрѣвать въ похищенiи Пояты самого Витовта, и даже всѣхъ язычниковъ. Во всякомъ человѣкѣ онъ видѣлъ своего недруга, ему казалось, что весь свѣтъ вооружился противъ него. Онъ сдѣлся мрачно-молчаливъ, угрюмъ, капризенъ, раздражителенъ до мелочей, вялъ до крайности и подозрителенъ до глупости. Влiянiе на него матери его княгини Iулiянiи Александровны съ каждымъ днемъ уменьшалось. Ни ласки, ни мольбы, ни слезы ея не могли заставить Ягайлу быть веселѣе и открыть причину его скорби. На всѣ ласки и мольбы матери онъ отвѣчалъ: что ему нѣдужится и только. Былъ призванъ врачь великокняжескiй, который нашелъ, что князь Яковъ (Ягайло тожъ)—боленъ сильно, но чѣмъ именно онъ сообщить ничего положительнаго не можетъ, такъ какъ Ягайло отвѣчалъ на его вопросы отрывистыми фразами и бранью. Наконецъ мамки и няньки,—эти первыя повсесвѣтныя сплетницы, рѣшили, что князь Яковъ испорченъ зельемъ какимъ то; за этими

болтушками хоромъ повторили боярыни,—составляющіе свиту княгини; а за ними весь теремъ великокняжескій, наконецъ сама княгиня. Со всѣхъ концевъ начали сгонять разныхъ знахарей, гадальщицъ, колдуновъ и подобную имъ сволочь. Съ ранняго утра до поздняго вечера, вся эта чародѣйская армія приступала поочередно къ Ягайлѣ, съ распросами, гаданьями, заклинаніями и ворожбой. При всей ограниченности своего ума, Яковъ Ольгердовичь смекнулъ, что эта толпа знахарей ему можетъ быть полезна относительно Пояты, и вотъ онъ по цѣлымъ днямъ началъ гадать, гдѣ находится Поята, запрещая при этомъ знахарямъ разсказывать въ замкѣ. Всѣ колдуны и колдуньи, по своей прозорливости, старались другъ передъ дружкой говорить князю пріятное. Каждый какой нибудь намекъ, каждое двусмысленное слово и наконецъ совсѣмъ безсмысленное, но касающее Пояты, заставляли Ягайлу улыбаться; глаза его тогда бѣгали и лице оживлялось. Ему было весело въ этомъ сонмѣ чародѣевъ и знахарей, хотя послѣ ухода каждаго и каждой изъ нихъ онъ творилъ крестное знамя, крестилъ дверь, потолокъ, полъ, лежанку и всю комнату.

Наконецъ придворный духовникъ, архимандритъ Давидъ, воспретилъ подобныя гаданія, и приказалъ выгнать изъ замка всю эту чародѣйскую армію; въ противномъ случаѣ грозилъ отлученіемъ князя Янова, отъ церкви. Въ этомъ случаѣ Давиду помогъ самъ Ольгердъ, которому и прежде не по сердцу приходились разныя капризы своего *пряничника*, какъ называлъ онъ Ягайлу,—теперь же Ольгердъ съ радостію приказалъ тіуну очистить замокъ отъ всякихъ знахарей и знахарокъ. Воля Ольгерда была исполнена буквально. Это еще болѣе раздражило Ягайлу, онъ еще болѣе началъ горевать и капризничать. Съ архимандритомъ Давидомъ, своимъ учителемъ и духовникомъ, онъ избѣгалъ бесѣдъ. Отъ ученья грамотѣ (которая ему недавалась) онъ отказывался, ссылаясь на болѣзнь. Да и сама княгиня Іуліянія Александровна просила не мучить ея любимаго сына Якова грамотой.

— Пусть его лучше чаще молится Господу Богу, о своемъ выздоровленіи, а когда молитвами угодниковъ святыхъ, недугъ его пройдетъ, тогда и грамотой заняться можно будетъ. Теперь же, не къ чему.... Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: ищите прежде всего царствія Божія и сія вся приложатся вамъ говаривала

княгиня Іуліанія Александровна своему духовнику архимандриту Давиду.

Послѣдній, послѣ такого аргумента, не только не возражалъ, но даже отдалъ приказаніе ко всѣмъ виленскимъ церквамъ, служить ежедневно молебны о скоромъ выздоровленіи князя Якова Ольгердовича.

Но и молитвы не помогали нашему герою, онъ очень похудѣлъ, въ лицѣ перемѣнился. Прежде Ягайло любилъ поспать и понѣжаться долго, также сладко и много покушать, а теперь, какъ первое такъ и второе было чуждо ему.

Няньки, мамки и сама княгиня то и дѣло что носили нашему герою разныя сладости и пряности, отъ которыхъ онъ не отказывался, но и не дотрогивался, а отдавалъ все это своему конюху Войдыйлѣ.

По изгнаніи всѣхъ знахарей и знахарокъ изъ замка, княгиня Іуліанія Александровна, зачастую ходила со всей своей свитой въ покой къ нашему герою, гдѣ дѣвицы изъ ея терема пѣли пѣсни и заводили игры, единственно для развлеченія князя Якова. Но послѣдній не слушалъ пѣсней, и не смотрѣлъ на игры,—а только при матери притворялся, будто слушаетъ и любуется. Но когда уходила мать, онъ или ложился на лежанку, укутавъ голову, или грубо выпроваживалъ вслѣдъ за нею всю свиту ея и запирался на замокъ. Даже Войдыйлу, своего любимца тогда не оставлялъ въ комнатѣ; такъ много онъ жаждалъ уединенія.

Оставаясь одинъ въ комнатѣ, онъ то передавался думѣ, то начиналъ слезно молиться, то по цѣлымъ часамъ безсмысленно смотрѣлъ въ окно.

Когда, наконецъ, такое положеніе ему надоѣдало, онъ лѣниво отворялъ дверь и звалъ Войдыйлу, которого при этомъ всегда спрашивалъ: не узналъ ли онъ чего нибудь о Поятѣ? На что получалъ отвѣтъ всегда отрицательный.

Навѣщалъ также нашего героя великокняжескій шутъ, Ѳомка, но Яковъ Андреевичъ (Ягайло Ольгердовичъ) не любилъ его, за двусмысленныя шуточки; Ѳомка, какъ не глупый человѣкъ, понималъ это, и скоро уходилъ отъ молодаго князя.

— Погоди, Ѳомка, повесели сперва князя то, говаривалъ Войдыйло вслѣдъ шуту.

— Чего гадить то? Князь-то Яковъ лучше насъ съ тобой

знаетъ, что въ одной берлогѣ два медвѣдя не живутъ,—отвѣчаетъ шутя, выхода вонъ.

Только въ одномъ случаѣ нашъ герой романа забывалъ на нѣсколько минутъ свое горе, а именно—тогда, когда бывалъ въ банѣ. Яковъ Андреевичъ любилъ париться долго, причемъ слушалъ сказки и разныя небывальщины отъ Войдныллы или другихъ служителей. Въ особенности же ему нравились анекдоты о женщинахъ нескромнаго поведенія.

Но будемъ продолжать нашъ романъ.

Сглазили князя Якова! говорила нянька Ягайлы, сглазили жужжали всѣ царедворцы обоего пола хоромъ, въ замкѣ великокняжескомъ; сглазили, испортили, заколдовали князя Якова, повторяла за ними вся Вильна христіанская и языческая.

И дѣйствительно сглазили, только не знахари, а сглазила Поята, своей красотой и безграничной любовью.

Скучно ему и тяжко безъ нея, весь свѣтъ опостылъ безъ Пояты, она ему теперь стала дороже его собственной жизни. Ни на одинъ мигъ она не оставляетъ его памяти, какъ будто бы невидимый призракъ носится постоянно надъ нимъ и нашептываетъ ему ища меня, вѣдь я люблю тебя

Но искать — искали, да не нашли, продолжать розыски значило бы во пёрвыхъ толочь воду, а во вторыхъ рисковать открытіемъ тайны о мнимой смерти Пояты,—осталось князю грустить и скорбѣть безмолвно. И вотъ нѣсколько дней и ночей проходятъ для Ягайла въ страшныхъ сердечныхъ мукахъ.

Однажды подъ вечеръ когда Ягайло сидѣлъ пригорюнившись у окна въ своемъ покоѣ, кто то громко постучалъ въ двери.

— Кто тамъ? Сонливо спросилъ Ягайло, не вставая съ мѣста.

— Отвори, князь, дѣло есть, громко сказалъ за дверью Войдыйло.

Лѣниво всталъ съ своего мѣста Ягайло и не спѣша отперъ дверь.

Въ покой вошелъ Войдыйло.

— Князю Якову, многая лѣта! радостно закричалъ онъ.

— Что ты... чему радъ?.. Ревешь какъ быкъ, спросилъ Ягайло.

— Какъ же, князь, не радоватся то?—Да вѣдь на слѣдъ напали...

— На какой?..

— Извѣстно на какой, на тотъ слѣдъ, по которому шла Поята...
— Кто напалъ?..
— Все я же...
— Да гдѣ она?..
— Постой, князь, не торопись, дай вымолвить, какъ было дѣло...
— Да ты скажи мнѣ сперва: жива она или нѣтъ?
— Жива то жива, да только бѣдная томится въ тяжкой неволѣ.
— Гдѣ, говори?..
— Да видишь, князь, вчерась я пошелъ на Лысую гору, когда твоя милость заперся одинъ въ покоѣ, вотъ пришелъ и сѣлъ, тихо такъ было, привольно; только ручеекъ твоего дѣдушки Гедимина журчитъ, точно говоритъ что то... Потомъ слышу пѣсню и гусли, оглядываюсь назадъ, смотрю, въ котловингу входитъ гусляръ и поетъ пѣсню... ну вотъ спознались мы съ нимъ, отъ него то я и вывѣдалъ все, а что вывѣдалъ, то онъ тебѣ самъ скажетъ. Дозволь позвать его къ тебѣ...
— Зови, зови!...
— Ты только, князь, не сразу начинай распрашивать его о Поятѣ, а прикажи сперва пѣсеньку спѣть, а потомъ и спроси: что ты, молъ, вчерась и нынѣ говорилъ моему конюшему Войдыйлѣ?—Ну онъ и разскажетъ тебѣ все, что знаетъ. Такъ звать?
— Зови...

Войдыйло бросился къ двери, а Ягайло сѣлъ на лавку у Кіота. Сердце его сильно забилось отъ радостной вѣсти.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ гусляръ, а за нимъ Войдыйло.

Гусляръ былъ не кто иной, какъ переодѣтый войделотъ, посыльный кривейта Гонтвида.

Множество лентъ разноцвѣтныхъ, спуксавшихся съ колпака, какой носили гусляры — измѣнили его физіономію, а коротенькій костюмъ нисколько не изобличалъ въ немъ духовною лица, языческой іерархіи.

Гусляръ, войдя, поклонился Ягайлѣ.

— Князю Якову многи лѣта,—произнесъ онъ по русски привѣтствіе.

— Спасибо... ты гусляръ? Спросилъ князь Ягайло.

— Какъ видишь, великій князь, и гусли — мысли подъ полой,—отвѣчалъ гусляръ, показывая гусли.

— Изъ какихъ странъ? продолжалъ Ягайло.

— Изъ града Кіева родомъ, а живу подъ яснымъ небомъ, солнышко меня грѣетъ, земля отдыхъ даетъ, а зеленая дубравушка пѣсни мои по бѣлу свѣту разноситъ, да меня буйную головушку убаюкиваетъ...

— Какъ прозвище твое?

— Вихремъ величаютъ...

— Умѣешь пѣсни пѣть?

— Князь милостивый, если бы я не умѣлъ пѣсни пѣть, такъ и гусляромъ бы не назывался.

Какую затянуть прикажешь: веселую, грустную, аль сердечную? „закобушка ты“ молъ „моя, засушила молодца.“

— Спой какую хочешь?

— Ну слушай, князь, сказалъ гусляръ, настраивая гусли,—и запѣлъ:

„Изъ за лѣсу,—лѣсу темнаго
Тученьки бѣгутъ,
А въ лѣсу мою красавицу
Крѣпко стерегутъ.
Въ злой тяжкой неволѣ
Жизнь ея идетъ,
А милой не знаетъ
Гдѣ она живетъ.
А живетъ вѣдь подъ бокомъ
Лишь рукой подать
И съ гусляромъ вѣсточку
Можно ей послать,
Чтобъ она готовилась
Убѣжать съ дружкомъ
. . . .
. . . .

— Постой.... не ладно что то.... довольно пѣть эту пѣсню... она за сердце меня хватаетъ,—перебилъ Ягайло гусляра.

— Воля твоя, княже, переставъ пѣть, сказалъ гусляръ, убирая подъ полу гусли.

— Разскажи мнѣ лучше... какую нибудь сказку,—приказалъ Ягайло.

— Разскажи князю такую, какую мнѣ ты вчерась и нынче говорилъ, замѣтилъ гусляру Войдыйлю, выходя вонъ изъ покоя.

— Куда ты Войдыйло? Спросилъ его Ягайло.

— Вонъ изъ твоего покоя, гусляръ этотъ не простой, онъ сказки разсказываетъ, только съ глазу на глазъ,—отвѣчалъ Войдыйло, затворяя за собой дверь.

Ягайло и гусляръ остались одни.

— Ну разскажи мнѣ ту сказку, которую ты говорилъ моему конюху...

— А что мнѣ за это будетъ?

— Проси чего хочешь...

— Отдай мнѣ твоего сына...

Ягайло вздрогнулъ.

— Какого сына? Спросилъ онъ поблѣднѣвъ.

— А отъ Ригальды... который отданъ ею колдуньѣ въ мертвомъ оврагѣ, возлѣ Трокъ; у меня ему будетъ спокойнѣе...

— Зачѣмъ онъ тебѣ? спросилъ Ягайло, послѣ некотораго молчанія и раздумья.

— Я гусляромъ его сдѣлаю, будемъ ходить по бѣлу свѣту, да пѣсни пѣть и играть... житье веселое, а воля то воля какая! такой нигдѣ не сыщешь...

— Возьми, пожалуй, сказалъ машинально Ягайло.

— Смотри, князь, у насъ въ Кіевѣ есть клятва: „кто слову своему измѣнитъ, тому дабудетъ стыдно.“

— Ну, говори, говори скорѣй, скажу...

— Слушай, князь, да не перебивай и не сердись: Въ нѣкоторомъ царствѣ былъ да жилъ молодой князь, по христіански Яковомъ его называли, а по Кривичански Ягайломъ. Вотъ этотъ самый князь Яковъ приглянулся войделоткѣ Поятѣ, а она ему: спознали они другъ друга и полюбили. Только когда этотъ князь былъ въ Москвѣ, Пояту научили убить боярыню Анну Гаштольдъ, она и убила ее, а послѣ попала въ башню верхняго замка; изъ башни, молодой князь Яковъ со своимъ конюхомъ ее выручилъ, и повезъ въ еввинской дѣвичій монастырь, рагутисница за Пояту сошла...

Ягайло при этомъ всталъ съ лавки и хотѣлъ перебить разсказщика, но гусляръ остановилъ его.

— Князь! просилъ я тебя не перебивать...

— Говори...

— Изъ монастыря Пояту увезъ Гаштольдъ, а узналъ онъ о

Поятѣ черезъ Ригальду, она тоже теперь въ монастырѣ еввинскомъ. Ригальда въ одну теплую ночь вывела полоумную Пояту изъ монастыря и отдала ее на руки Гаштольду. Теперь Поята сидитъ за двѣнадцатью замками, стерегутъ ее крѣпкимъ карауломъ. Гаштольду, она по сердцу пришлась, забылъ онъ теперь о своей женѣ покойницѣ, забылъ, что Поята убила ее и во чтобы то не стало хочетъ Пояту сдѣлать своей любовницей...

— Я убью его, закричалъ неистовымъ голосомъ Ягайло.

— Князь! не горячись, со смертью Гаштольда ты не покончишь несчастія Пояты... Узнаетъ объ этомъ обманѣ твой отецъ и ты погибнешь вмѣстѣ съ Поятой... Лучше послушай моего совѣта, худаго я тебѣ не пожелаю.

— Говори...

— Только послѣ, князь, когда ты возсядешь на дѣдовскій престолъ, не забудь меня, сказалъ гусляръ низко кланяясь: а въ этомъ дѣлѣ я тебѣ помогу.

— Не забуду... говори...

— Пояту можно выручить...

— Какъ?...

— Твой отецъ, великій князь Ольгердъ, скоро уйдетъ въ ратный походъ...

— Да уйдетъ...

— Иди и ты съ нимъ, а здѣсь оставь своего конюха Войдыйлу, да еще одного дружинника.

— Какого?

— Лисицу. Онъ одинъ за десятерыхъ сдѣлаетъ все, не даромъ лисицей прозывается... А чтобы не думали что нибудь въ замкѣ, зачѣмъ де они остались?—Прикажи имъ нарочно захворать...

— Ладно...

— Когда рать уйдетъ, тогда пусть встанутъ, они мнѣ нужны будутъ, но только во всемъ прикажи мнѣ слушаться и Поята будетъ твоя...

— Если ты это сдѣлаешь, то знай, что для тебя я ничего не пожалѣю... Когда вокняжусь, то тебѣ угодье подарю...

— На милости твоей, князь, спасибо. Но лучше задобри своего конюшаго Войдыйлу, на такое дѣло, на которое я поведу его, онъ, пожалуй, не согласится, а ты задобри его...

— Чѣмъ задобрить?

— Князь! Гнѣвись, не гнѣвись, а правду тебѣ молвлю. Твоему конюшему по сердцу пришлась твоя сестра княгиня Марія, обѣщай выдать ее за него, когда вокняжишься...

— За конюха та?...

— Да ты только обѣщай ему, а въ твоей волѣ сдержать свое обѣщаніе, а за эту милость онъ жизнь готовъ отдать...

— Ладно... обѣщаю... Какъ же ты выручишь Пояту? Спросилъ Ягайло оживленно.

— Да ужъ выручу, не бойся, мнѣ въ этомъ татары помогутъ, въ лѣсу за лидскимъ замкомъ цѣлый отрядъ ихъ есть: когда твой отецъ князь Ольгердъ уйдетъ въ походъ, мы съ нимъ сперва снюхаемся, а потомъ ночью нападемъ на монастырь Гаштольда, выручимъ Пояту и пустимъ въ монастырскія кельи краснаго пѣтуха...

— А какъ узнаетъ князь батюшка тогда то что? Съ ужасомъ спросилъ Ягайло.

— Никто и ничего не узнаетъ, татары за насъ отвѣтятъ. Положись князь на меня.

Ну согласенъ ли ты, князь? спросилъ гусляръ.

— Не знаю какъ сказать, нерѣшительно отвѣчалъ Ягайло.

— Что же, князь, неужели ты хочешь, чтобы твоя прекрасная Поята была любовницей Гаштольда?...

— Не хочу, не хочу... видитъ Богъ не хочу! закричалъ Ягайло, махая руками.

— Такъ соглашайся...

— Боюсь...

— Ну какъ знаешь, князь, твоя воля, я тебѣ добра желаю... Ты, князь, мнѣ по душѣ пришелся... Подумай хорошенько и дай мнѣ отвѣтъ завтра въ полдень, на могильномъ курганѣ твоего дѣда великаго князя Гедимина; тамъ я буду ждать тебя, а теперь прощай... сказалъ гусляръ.

— Постой, погоди...

— Нельзя мнѣ ждать... я долженъ сегодня еще быть въ монастырѣ Гаштольда...

— Ну такъ завтра я приду на курганъ поговорить съ тобой...

— Только смотри, князь, объ этой тайнѣ ни кому говорить не изволь. Узнаютъ злые люди и меня погубятъ, а тебѣ пользы не сдѣлаютъ. Прощай, князь Яковъ, сказалъ гусляръ, поклонился и вышелъ вонъ.

По уходѣ его явился Войдыйло.

— Ну что, князь, порадовалъ ли тебя этотъ гусляръ своими пѣснями? спросилъ онъ.

— Нѣтъ... пѣсни онъ не пѣлъ, заключилъ Ягайло съ улыбкою.

— Хорошо, князь, повторилъ за нимъ Войдыйло.

— Поята жива и не далеко отсюда...

— Да только въ костяхъ у льва, а изъ львиныхъ костей трудно вырвать добычу.

— Вырвемъ... ты вырвешь...

— Я!? спросилъ Войдыйло изумленный и отрицательно покачалъ головою. Гдѣ мнѣ щенку безсильному со львомъ тягаться, по косточкамъ раздеретъ меня...

— Ну а какъ за эту послугу я тебѣ отдамъ замужъ сестру свою Марію, когда вокняжусь на дѣдовскомъ престолѣ...

Войдыйло ни какъ не ожидалъ такого оборота рѣчи. У него сперлось дыханіе, глаза разгорѣлись и изъ устъ понеслись какіе то неясные звуки.

— Отдамъ сестру, только услужи... повторилъ Ягайло.

— Эхъ, князь! не пристало тебѣ шутить такими дѣлами съ твоимъ холопомъ, говорилъ Войдыйло, не смѣя взглянуть на князя.

— Я не шучу...

— Князь Яковъ! Ты часто въ рѣчахъ остановливаешь меня и говоришь: слово вылетаетъ во обьемъ, а возвращается воломъ. Смотри, князь, не кайся послѣ... Сказавъ это, Войдыйло повалился въ ноги князю.

— Я сдержу свое слово, только сдѣлай для меня послугу, выручи Пояту...

— Да какъ ее выручить-то?

— Тебя научитъ, этотъ гусляръ, а на подмогу себѣ возьми дружинника Лисицу, продолжалъ Ягайло.

— Вотъ этотъ такъ выручитъ, закричалъ Войдыйло: Лисица боецъ славный, его ни мечь, ни стрѣла не берутъ; кольчуга заколдована, да и самъ изворотливъ...

— Ты завтра позови его ко мнѣ...

— Позову князь...

— Что бы гусляръ тебѣ и Лисицѣ ни приказывалъ, все исполняйте и дѣлайте. Ты и Лисица останетесь въ Вильнѣ, а я въ ратный походъ пойду съ отцомъ...

— Лисицу великій князь Ольгердъ не оставитъ здѣсь, сложа руки сидѣть...

— Пусть захвораетъ и ты захворай, а когда мы уйдемъ, тогда справляйтесь съ Гаштольдомъ...

— Боязно, князь...

— Войдыйло! крикнулъ грозно Ягайло: я хочу этого и ты долженъ мнѣ повиноваться...

— Ладно, промычалъ Войдыйло.

— Этого гусляра я первый разъ вижу, сказалъ Ягайло.

— Да и я тоже, повторилъ за нимъ Войдыйло.

Въ это время въ покой вошла княгиня Іуліянія Александровна, въ сопровожденіи няньки Ягайлы.

— Ну что мой свѣтикъ ясный, мой цвѣтокъ лазоревый, моя надежа,—лучше ли тебѣ? Спросила она, нѣжно смотря на сына и цѣлуя его въ голову.

— Теперь мнѣ сдается, что недугъ мой спалъ съ меня... мнѣ лучше теперь, матушка княгиня, отвѣчалъ весело Ягайло.

— Ну вотъ и слава Богу. Сказала княгиня, осѣнивъ себя и сына крестнымъ знаменіемъ: пойдемъ соколикъ мой ко мнѣ въ теремъ, давно ты не бывалъ въ немъ. Новогородскіе купцы сегодня на поклонъ мнѣ принесли много сладкихъ яствъ, ступай желанный мой, отвѣдай ихъ. Да кстати посмотришь ферязь парчевую, которую дѣвицы шьютъ для тебя...

— Да и поѣсть ему чай хочется; вишь какъ исхудалъ голубчикъ, замѣтила нянька, съ любовію смотря на Якова Андреевича...

— Ничего.. я поѣмъ сладкой похлебки... И вправду ѣсть захотѣлось...

— Поѣшь на доброе здоровье, мой королевичъ писанный, сказала Іульянія Александровна: пойдемъ, пойдемъ... тише, не оступись...

— Не оступлюсь, матушка княгиня, замѣтилъ Ягайло, слѣдуя за матерью къ двери.

— Ахъ ты мой ландышъ душистый, да развѣ забылъ ты, что нужно сдѣлать передъ выходомъ-то изъ покоя? Дернувъ за руку, остановила его нянька.

— Забылъ сказалъ Яковъ Андреевичъ, отходя въ передній уголъ, гдѣ былъ положенъ небольшой пучокъ соломы. Вынувъ одно перышко, онъ снова подошелъ къ двери и переломивъ соло-

менку на три равныя части, бросалъ ихъ поочередно за себя, потомъ, повернувшись на одной ногѣ, три раза сказалъ: ну вотъ я и сдѣлалъ...

— Никогда не забывай этого дѣлать и недужиться не будешь, продолжала нянька, слѣдуя за своимъ пѣстуномъ.

Не удивляйся читатель этому и не считай за вымыселъ, это историческій фактъ: подобныхъ предразсудковъ у нашего героя было многое множество.

Утопленница.

На лѣвомъ берегу рѣки Двины, не подалеку отъ нынѣшняго уѣзднаго горя Дисны, во времена Ольгерда, находился дѣвичій православный монастырь, называвшійся Маріинскимъ. Основательницей этого монастыря, какъ говоритъ преданіе, была супруга полоцкаго князя Генвила Марія, дочь тверскаго князя Бориса. Марія Борисовна была ревностной разсадницей въ этомъ краѣ христіанства, сѣмена котораго были занесены сюда еще св. Владиміромъ. Стараніями княгини Маріи и самъ супругъ ея Генвилъ оставилъ язычество и принялъ христіанство по греческому обряду подъ именемъ Юрія. Отъ этого брака родился сынъ Борисъ, который, вкняжившись, воздвигнулъ много православныхъ церквей, какъ въ самомъ Полоцкѣ такъ и въ окрестностяхъ его. Не забывалъ онъ и Маріинскаго монастыря: не проходило и одного мѣсяца, въ которой онъ не посѣтилъ бы его. Однажды лѣтомъ, переправляясь изъ монастыря на легкой ладьѣ — черезъ Двину, опрокинулась отъ вѣтра ладья, гребецъ утонулъ, а князь Борисъ хотѣлъ схватиться за перевернутый челнокъ, но послѣдній волна далеко отнесла отъ него. Пришлось князю плыть собственными средствами до берега. Какъ ни ловокъ былъ князь въ плаваніи и какъ ни могучъ, но быстрое теченіе рѣки не допускало его къ берегу, а несло по теченію далѣе. Силы его начали оставлять и онъ началъ тонуть. Вдругъ онъ видитъ, что теченіе несетъ его на большой камень, высунувшійся изъ воды. Собравъ всѣ свои силы, онъ хватается за камень и взлѣзаетъ на него. На немъ онъ поблагодарилъ Бога за свое спасеніе, отдохнулъ и дождался пока изъ монастыря дружинники его подали большую лодку, на которой онъ перебрался на берегъ.

Въ память своего спасенія, князь Борисъ приказалъ на лицевой сторонѣ камня высѣчь греческій крестъ и сдѣлать слѣдующую надпись: „Вспоможи, Господи, Раба своего Бориса, сына Генвиллова.“ Это приказаніе было буквально исполнено, надпись на камнѣ, а также и греческій крестъ до сихъ поръ цѣлы *).

Вокругъ этого Маріинскаго монастыря расположились передовые полки Ольгерда, которыми командовали Ягайло Ольгердовичъ и Витовтъ Кейстутьевичъ.

Въ ожиданіи приказаній отъ своего отца и дяди изъ главной рати: что дѣлать передовой дружинѣ?—переходить ли рѣку Двину, идти ли въ другое мѣсто, или ждать сосредоточія всѣхъ силъ? Наши князья—воеводы простояли передъ монастыремъ уже 4 дня, но вѣстей еще не было.

Въ первый день прибытія ихъ къ Маріинскому монастырю,—Ягайло Ольгердовичъ пошелъ съ нѣсколькими боярами въ монастырь, и попросилъ отслужить ему молебенъ.

Въ воротахъ монастыря онъ былъ встрѣченъ настоятельницею монастыря со многими монахинями и священникомъ. Послѣ молебна князю Якову пропѣли многая лѣта.

На другой день Ягайло пошелъ въ монастырь къ обѣдни, а Витовтъ отправился на охоту.

Придя въ церковь, Ягайло сталъ позади праваго клироса, съ котораго неслась протяжная херувимская пѣснь; ее пѣли монахини.

Положивъ нѣсколько поклоновъ, Яковъ Андреевичъ взглянулъ на лѣвой клиросъ и вздрогнулъ отъ неожиданности. Возлѣ сѣверныхъ вратъ въ ожиданіи большого выхода съ чашей, стояла Ригальда съ зажженной свѣчей.

Ягайло думалъ сначала когда лице Ригальды видѣлъ въ профиль, что это не она, а только похожая на нее женщина, но когда она прошла мимо амвона передъ священникомъ,—Ягайло окончательно убѣдился, что это дѣйствительно Ригальда.

Какъ она сюда попала?, мысленно спросилъ онъ себя.

Послѣ обѣдни настоятельница монастыря пригласила къ себѣ князя Якова на скудную трапезу. Но Ягайло хотя и зашелъ

---

*) Этотъ камень находится, въ 8 верстахъ отъ Дисны, вблизи имѣнія Повянуты. Славянская надпись и крестъ до сегодня видны. Маріинскій же монастырь не оставилъ ни какихъ слѣдовъ по себѣ.
[Авторъ].

въ келію игумены, а отъ трапезы отказался; ссылаясь на то, что сытъ.

Между тѣмъ истинная цѣль отказа состояла въ слѣдующемъ: Ригальда тутъ въ монастырѣ, она на меня зла, чего добраго отравить можетъ, думалъ онъ. Поэтому онъ отвѣдалъ только просфоры и, простившись съ игуменьей, пошелъ къ своей дружинѣ.

Вечеромъ въ этотъ день пріѣхалъ Андрей Ольгердовичъ изъ Полоцка, повидаться съ братьями, а ночью всѣ князя Ягайло, Андрей Ольгердовичи и Витовтъ - Кейстутовичъ отправились на охоту, въ лѣсъ, на зубра.

Ихъ сопровождала большая свита, въ особенности же князя Якова.

Началась охота, звѣрь былъ отысканъ, за нимъ бросились всѣ, за исключеніемъ Ягайлы. Нашъ герой струсилъ и, повернувъ лошадь въ противуположную сторону, выѣхалъ на опушку лѣса. Сзади его въ лѣсу слышались крики охотниковъ и конскій топотъ; впереди, изъ видѣвшагося лагеря, неслись звуки пѣсень; тамъ и сямъ пылали грудки; Маріинскій монастырь тонулъ въ полумракѣ; Двина свѣтлой полосой виднѣлась во многихъ мѣстахъ то теряясь въ извилистыхъ берегахъ, то снова раскидываясь голубою лентою на темномъ фонѣ.

Шумъ и крики охотниковъ замерли гдѣ то далеко въ лѣсу. Вѣрно звѣрь заманилъ ихъ въ самую глушь непроходную.

Ягайло погрузился въ раздумье, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него что то хруснуло, какъ будто кто то наступилъ на сухія сучья.

Нашъ герой вздрогнулъ и, обратившись въ ту сторону, замеръ отъ ужаса. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, по опушкѣ лѣса двигалась черная человѣческая фигура. Ягайлѣ показалось, что это звѣрь за которымъ охотятся; онъ хотѣлъ ударить коня, но не могъ, руки не повиновались, онъ раскрылъ ротъ и хотѣлъ кричать, но голосу не оказалось. Виски и сердце его страшно бились, у него потемнѣло въ глазахъ. Только конь какъ будто бы чувствуя безсильное желаніе своего сѣдока сдѣлалъ нѣсколько тихихъ шаговъ по направленію къ лагерю. Яковъ Андреевичъ зашатался на сѣдлѣ.

— Князь Яковъ, здравствуй! сказала черная человѣческая фигура.

Ягайло, услышавъ свое имя и женскій знакомый голосъ, немного оправился и съ смущеніемъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Въ двухъ шагахъ отъ него стояла монахиня. За темнотою ночи нельзя было узнать лица ея, но какой то невѣдомый голосъ шепнулъ князю, что передъ нимъ Ригальда.

— Кто ты такая? Спросилъ князь Яковъ голосомъ полнымъ волненія.

— Монахиня, развѣ не видишъ? Отвѣчало оно.

— Твое имя?

— Ригальдой въ язычествѣ звалась... Помнишь, князь, когда вѣнки тебѣ изъ васильковъ бросала?!...

— Помню... помню... прошепталъ князь, обрадовавшись что видитъ передъ собою не звѣря, а человѣка.

— Загубилъ ты меня, князь; Богъ тебѣ судья, заплакавъ, сказала Ригальда.

— Чѣмъ я тебѣ загубилъ?... Спросилъ онъ неувѣренно.

— Охъ, не поминай, князь о прошломъ!... Что было того ворогить нельзя, такъ и жалѣть о немъ нечего... я сама виновата много передъ тобой, больше чѣмъ ты передомною, стало быть корить другъ дружбу не за что...

— Зачѣмъ ты перешла сюда изъ евинског) монастыря? спросилъ Яковъ Андреевичъ.

— Не перешла, а убѣжала.. тошно мнѣ стало жить тамъ, каждый уголокъ стѣны, каждый камень, каждый кустикъ монастырскіе напоминали мнѣ мою дьявольскую измѣну... Ахъ, князь! ты не знаешь, что я одна виновата въ пропажѣ Пояты. Своими руками отдала ее я боярину Гаштольду... Что дѣлала не знала, хотя и помнила, что мстила... мстила Поятѣ и тебѣ... Да мщеніе мое все какъ то не удавалось ни прежде, ни теперь. Задушить бы мнѣ слѣдовало ее, а не Гаштольду отдавать...

— За что же бѣдную, безумную душить? Перебилъ ее вопросомъ Ягайло. Въ тонѣ голоса слышался упрекъ.

— Какъ за что? Какъ за что?!? Да развѣ мало мнѣ она сдѣлала горя? Изъ Ромнове я убѣжала, изъ еввинскою монастыря тоже, все изъ за нее... Ты помнишь, князъ, курганъ на трокскомъ полѣ?

Ягайло утвердительно качнулъ головой.

— Какой уговоръ былъ у насъ съ тобою, а какъ ты исполнилъ его. Такъ развѣ мнѣ легко было, смотрѣть на счастливую Пояту,

послѣ того дня, въ который я узнала, что ты любилъ ее... Не забудь, князь, что я мать, твой сынъ и до сихъ поръ находится въ мертвомъ оврагѣ, возлѣ Трокъ, у колдуньи...

Въ это время въ отдаленіи послышался охотничій рогъ.

— Это меня хватились, сказалъ Ягайло, какъ будто бы самому себѣ: прощай, Ригальда... я долженъ дать отвѣтъ на этотъ призывъ, а на звукъ моего рога съѣдутся охотники... тебя увидятъ со мной, что подумаютъ?..

— Князь! въ послѣдній разъ прошу тебя, не откажи мнѣ въ жертвѣ, которую я у тебя потребую сейчасъ...

— Какая жертва?...

— Дай мнѣ одинъ только часъ побыть съ тобой и поговорить. Съ твоими дружинниками и охотниками ты еще увидишься, а со мной никогда...

— Отъ чего?...

— Да такъ, сказала Ригальда какъ то болѣзненно: наскучила мнѣ такая жизнь, хочу съ ней распроститься, проглянетъ послѣ ночи красное солнушко и для меня наступитъ иная жизнь... Дай же мнѣ проститься съ тобой, вѣдь ты самъ знаешь, что я раба твоя, ты дорогъ мнѣ, ты жизнь и счастье мое, безъ тебя мнѣ нѣтъ счастья, ну вотъ и потѣшь глупую рабу твою, побалуй ее хоть часикъ то, твоихъ ласкъ и поцѣлуевъ довольно еще останется для Поятьі, для меня же онѣ съ восходомъ солнца не нужны будутъ...

— Непонятныя рѣчи говоришь ты Ригальда, сказалъ Ягайло.

— Князь! тебѣ ихъ и понимать незачѣмъ. Что я задумала то сдѣлаю... Или вотъ что, князь, приласкай меня сперва, а потомъ убей; какъ легко умру я тогда...

— Богъ съ тобой, Ригальда! за что мнѣ убивать тебя? Спросилъ удивленный Ягайло.

— Не хочешь убивать, жалѣешь видно... ну не убивай, а приголубь на часикъ... Вѣдь я изъ этого монастыря тоже убѣжала, хотѣла видѣть тебя и проститься, ну вотъ, слава Богу, увидала... Простимся же хорошенько. При этомъ Ригальда прильнула къ рукѣ нашего героя.

Ягайло Ольгердовичъ сидѣлъ на сѣдлѣ точно на иголкахъ. Изъ лѣсу послышались звуки соловья и легкій ветерокъ донесъ тончайшій ароматъ отъ полевыхъ цвѣтовъ.

— Ну давай поцѣлуемся... вотъ и прощанье, сказалъ Ягайло, наклоняя голову къ Ригальдѣ.

Послѣдняя съ быстротою молніи обвила его шею своими руками и, слившись въ долгомъ продолжительномъ поцѣлуѣ буквально повисла на Ягайлѣ.

— Да ты сойди съ коня, князь... сказала Ригальда такимъ шепотомъ, отъ котораго у Ягайлы прибѣжала дрожь по всѣмъ жиламъ. Онъ не противился и съ помощію Ригальды соскочилъ съ коня.

— Прощай! снова сказалъ онъ, вторично обнимая Ригальду.

— Пойдемъ, шепнула она.

— Куда? Спросилъ тоже шепотомъ Ягайло.

— Въ лѣсъ, покровъ намъ даетъ земный дубъ, а сидѣнье земля матушка... Поцѣлую я тебя моего красавца такъ сладко и крѣпко, что съ дуба зеленые жолуди повалятся...

— Въ лѣсу много звѣрей и ядовитыхъ змѣй, замѣтилъ онъ.

— Насъ съ тобой не тронутъ, сказала Ригальда: звѣри и змѣи добрѣе людей... Они не мѣшаютъ и не завидуютъ ласкамъ людскимъ...

— А лошадь то куда же...?

— Поставимъ возлѣ дуба, привяжемъ ее за дерево, а сами какъ птички передъ грозою спрячемся подъ вѣточку...

Ягайло былъ весь въ огнѣ.

— Ну идемъ, шепнула Ригальда и, взявъ одной рукою коня, а другою Ягайлу, направилась къ лѣсу.

Черезъ минуту ночная мгла и лѣсная чаща сокрыла Ягайлу и Ригальду.

Пріютъ дѣйствительно нашли они себѣ роскошный, подъ громаднымъ дубомъ, вѣтьви котораго были до того длинны и густы, что въ ясный знойний день черезъ нихъ не проникалъ лучь солнечный.

Вотъ тамъ то, подъ этимъ вѣковымъ зеленымъ исполиномъ, Ягайло и Ригальда, забыли весь свѣтъ; вкушая напитокъ Мильды. Дубъ шумѣлъ, а подъ нимъ, выражаясь словами нашего знаменитаго поэта Лермонтова:

„Сплетались горячія руки,
„Уста прилипали къ устамъ,
„И странные, дикіе звуки
„Всю ночь раздавалися тамъ."

Ночь прошла; Ригальда плакала, а Ягайло зѣвалъ втихомолку.

— Пора мнѣ, Ригальда, сказалъ сонливо Ягайло: скоро наступитъ день... посмотри какъ ужъ свѣтло стало...

— Ахъ зачѣмъ такъ коротка ночь?! Пусть бы она была вѣчной... говорила Ригальда мелодично-грустнымъ голосомъ.

— Меня хватятся, Ригальда... искать будутъ... повторилъ Ягайло.

— Постой, князь, постой; вѣдь это въ послѣдній разъ, дай же мнѣ хорошенько насмотрѣться на тебя, мой ненаглядный, мой желанный, упрашивала Ригальда.

— Смотри сколько хочешь, глупо и ласково отвѣчалъ на это Ягайло, подставляя ей. свою физіономію.

Ригальда впилась взглядомъ своимъ въ лицо своего милого, долго она смотрѣла на него, потомъ закрыла глаза и склонила голову свою на грудь его.

Черезъ нѣсколько минутъ послышались рыданія.

— О чемъ ты плачешь, Ригальда? Спрашиваетъ Ягайло, скорѣе для того что бы отдѣлатся отъ нея, нежели изъ участія.

— Объ этой ночи, отвѣчаетъ она.

— Такъ что же плакать-то? Приходи завтра сюда... я тоже выйду...

— Нѣтъ, эта ночь не повторится никогда, задумчиво сказала она.

— Никогда? Спросилъ какъ-то жалобно Ягайло.

Съ лица Ригальды исчезла задумчивость, вмѣсто ея явилась рѣшимость.

Окинувъ взоромъ Ягайлу, она освободилась отъ его объятій и встала на ноги.

— Никогда, повторила она громко и увѣрѣнно.

Въ отдалѣніи снова послышались звуки роговъ.

— Ну я буду трубить? Спросилъ у Ригальды Ягайло.

— Труби, отвѣчала она: мнѣ теперь больше ничего не нужно.

Ягайло подошелъ къ лошади и взявъ рожокъ, затрубилъ. Ему начали отвѣчать, онъ тоже. Звуки усиливались, по мѣрѣ приближенія наконецъ послышался шумъ и конскій топотъ.

— Ну прощай Ригальда, поспѣшно сказалъ Ягайло, кивнувъ ей головой и, подойдя къ лошади началъ съ трудомъ усаживаться на нее:

Ригальда, молча, подошла къ нему.

— Милый мой, не проклинай меня, за то что я любила тебя... Не забывай, какъ любила тебя Ригальда. Если я виновата была передъ тобою въ чемъ, прости меня, вини мою любовь къ тебѣ, когда воротишься въ Вильну съѣзди въ Троки, въ мертвой оврагъ къ колдуньѣ и передай мое благословѣніе и поклонъ нашему сыну, онъ весь въ тебя... Увидишь Пояту, попроси ее простить меня, скажи ей все и то, что меня уже нѣтъ на свѣтѣ, а на мертвыхъ не гнѣваются... Скажи ей, что на землѣ нѣтъ счастья. Говоря это, Ригальда снова притянула рукою къ себѣ Ягайлу и крѣпко поцѣловала.

— Ну поѣзжай съ Богомъ... прощай! сказала она, и въ голосѣ ея, звучали безграничная любовь, нѣжность и довольство,

„И было такъ нѣжно прощанье,
„Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
„Какъ—будто восторги свиданья
„И ласки любви обѣщалъ."

Ягайло, кивнувъ головою, удержалъ коня и черезъ нѣсколько мгновѣній скрылся изъ глазъ Ригальды.

— Прощай! повторила она шепотомъ, послѣ нѣкотораго раздумья, прости... все прости... весь міръ, всѣ люди, продолжала она, погружаясь въ забытье.

Вокругъ нея, по лѣсу раздавались звуки охотничьихъ рожковъ, конскій топотъ, шумъ и крики отъ полета проснувшихся птицъ, но ничто это не могло вывести Ригальду изъ задумчивости. Вотъ наконецъ сполохъ, произведенный въ лѣсу охотниками, кончился. Утихло все, только вершины деревъ шелестѣли листьями, какъ будто шепотомъ совѣщаясь съ собою, да цѣлый легіонъ проснувшихся пернатыхъ пѣвчихъ щебеталъ и высвистывалъ на разныя тоны хвалебный гимнъ создателю міра.

Солнце уже отдѣлилось отъ горизонта, а Ригальда все еще стоитъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ оставилъ ее Ягайло. Она словно приросла къ землѣ. Ни одинъ мускулъ не пошевельнулся. Она превратилась, казалось, въ статую. Умъ ея тонулъ въ хаосѣ безобразныхъ видѣній и неясныхъ мыслей; онѣ летѣли, какъ облака по небу, безъ цѣли и безъ связи, она и не ловила ихъ.

Сквозь зеленый лѣсной покровъ, въ одномъ мѣстѣ виднѣлось

голубое небо; на этомъ лазурномъ клочкѣ Ригальда остановила свой неподвижный, леденѣющій взоръ. Казалось, что она мысленно неслась въ эту голубую лазурь и, отрѣшившись отъ земныхъ заботъ, отдыхала на небѣ. Но такое заключеніе будетъ ошибкой; Ригальда ни о чемъ не думала, ей невозможно было думать. Жизнь ея разбита, счастье потеряно, возврата нѣтъ къ нему. Монастырь для нея таже могила, а молодое сердце ея хочетъ жизни, со всѣми ея послѣдствіями. Ни вайделоткой, ни монахиней она не была счастлива и спокойна. Изъ еввинскаго монастыря она убѣжала изъ страха: ей извѣстно сдѣлалось, что заключеніе Поятты открыто; въ маріинскій же монастырь она зашла только для отдыха, а между тѣмъ цѣль бѣгства былъ Псковъ или Новгородъ, тамъ она надѣялась снова найдти себѣ счастіе, но, когда она увидала въ маріинскомъ монастырѣ Ягайлу, всѣ предположенія и надежды на лучшее будущее были забыты, она рѣшилась; во что бы то нестало, сперва видѣть его, а потомъ покончить съ жизнію.

Долго она смотрѣла на голубую лазурь, безъ мысли, безъ цѣли и движенія, наконецъ колокольный звонъ въ маріинскомъ монастырѣ пробудилъ ее изъ забытья.

Она вздрогнула и, осмотрѣвшись кругомъ, сорвала зеленую вѣтку съ сучка и, сдѣлавъ изъ нея вѣнокъ, положила его у корня дуба.

— Придетъ милый сюда, меня не найдетъ, такъ мой вѣночикъ возьметъ, сказала она грустно и нѣжно.

Обойдя дубъ нѣсколько разъ, она поклонилась ему, и пошла въ чащу лѣса, по направленію къ Двинѣ. Миновавъ лѣсъ, она очутилась на крутомъ берегу рѣки. Утро было очаровательное. Солнце свѣтило на безоблачномъ небѣ. Легкій ветерокъ чуть-чуть рябилъ поверхность Двины. Надъ рѣкой и берегами летали ласточки, чайки и кулики. Въ высокой травѣ цѣлый рой насѣкомыхъ, страшной возней, заявлялъ о своемъ существованіи. Изъ осоки выплывали длинной вереницей дикія утки съ цѣлымъ стадомъ утятъ. Подъ ногами Ригальды у самаго берега сновали рѣчные бобры. Ригальда спустилась къ самой водѣ, бобры юркнули въ воду, одинъ только детенышъ по милости отсутствія матери своей остался на берегу. Ригальда подошла къ нему и взяла бобрика на руки; сопротивлѣніе его было ничтожно.

— Забыли тебя отецъ и мать, бросили бѣдного одного. Вотъ

и я безпутная также бросила своего сына, говорила Ригальда, лаская бобрика и снова подымаясь на берегъ.

Едва только она поднялась на береговую луговину, какъ позади ея раздался не то пискъ, не то плачь, не то стонъ. Ригальда обернулась и увидѣла что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея плетется за ней большой бобръ, издавая какіе то плаксивые звуки; въ нихъ слышалась мольба и скорбь. Ригальда нарочно сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и, обернувшись назадъ, остановилась. Большой бобръ не отставалъ отъ нея; приблизившись къ ней, онъ продолжалъ жалобно визжать, съ покорностью смотря на Ригальду. Изъ глазъ бобра струились слезы. Въ этомъ жалобномъ визгѣ бобра будто слышалось: отдай дѣтеныша моего, не разлучай меня съ нимъ. По крайней мѣрѣ Ригальда такъ поняла этотъ стонъ.

— Возьми, сказала она, отдавая бобрика дѣтеныша отцу или быть можетъ, матери. Черезъ нѣсколько мгновеній большой бобръ, усадивъ на своемъ хвостѣ дѣтеныша, поспѣшно скрылся съ нимъ въ воду.

Ригальда задумалась надъ этимъ явленіемъ: родительская любовь и привязанность бобра поразили ее.

— И звѣри любятъ не бросаютъ своихъ дѣтей, а я.... я.... бросила , забыла своего!... Кромѣ зла людямъ ничего не сдѣлала я въ жизни... Будь же я проклята! сказала она въ какомъ то иступленіи и побѣжала вдоль берега. Остановившись на крутомъ обрывѣ, она обернулась лицемъ къ лѣсу. Губы ея дрожали, по лицу бороздили судороги, глаза блуждали безсмысленно и страшно по разнымъ направленіямъ.

— Милый мой, желанный мой! прощай! закричала она въ иступлѣніи такъ громко, что слова ея раскатились эхомъ по лѣсу.

Въ это время въ маріинскомъ монастырѣ снова ударили въ колоколъ.

— Ай!! вскрикнула Ригальда и, закрывъ глаза, обратилась лицемъ къ Двинѣ и бросилась въ воду.

Черезъ два дня послѣ этого происшествія, в. к. Андрей Ольгердовичъ захотѣлъ показать братьямъ своимъ Ягайлѣ Ольгердовичу и Витольду Кейстутьевичу большой камень на Двинѣ съ надписью, тотъ самый, о которомъ я говорилъ въ началѣ настоящей

главы. Для этого была снаряжена ладья, въ которой усѣлись князья и нѣсколько гребцовъ.

Объѣхавъ камень кругомъ, князья захотѣли прочитать надпись. Андрей Ольгердовичъ началъ читать вслухъ, а Витовтъ Кейстутьевичъ остановилъ его.

— Постой, братъ, пусть нашъ грамотѣй читаетъ, сказалъ онъ, указывая на Ягайлу: читай Яша, а мы послушаемъ, добавилъ онъ съ иронической улыбкой.

Но увы! нашъ герой въ насмѣшку обозвалъ Витовтомъ грамотѣемъ, князь Яковъ едва разбиралъ буквы.

— Читай ты, братъ Андрей, сказалъ Ягайло, не смотря на Витовта: мнѣ не прочесть...

— *„Вспоможи Господи Раба своего Бориса, сына Гинвиллово,“* прочиталъ въ слухъ Андрей Ольгердовичъ.

Въ это время одинъ изъ гребцовъ закричалъ: утопленица, утопленица, къ камню подписываетъ...

— Монашинка, кажись? сказалъ Андрей Ольгердовичъ, смотря на утопленицу, которую теченіемъ воды сперва прибило къ лодкѣ, а потомъ къ камню. Всѣ бросились разсматривать лицо ея.

— Святые Боги! Да вѣдь это Ригальда? сказалъ Витовтъ, обращаясь къ Ягайлѣ.

— Да... Ригальда, чуть слышно прошепталъ князь Яковъ, узнавъ Ригальду, и стараясь подавить свое волненіе.

— Моя крестница!?! закричалъ Андрей Ольгердовичъ, смотря на утопленицу.

— Она, она, повторилъ Витовтъ.

— Точно живая... замѣтилъ одинъ изъ гребцовъ.

— Ну не чаялъ, голубка моя, съ тобой встрѣтиться здѣсь, сказалъ Андрей Ольгердовичъ; да какъ она сюда попала? обратился онъ съ вопросомъ къ Ягайлѣ.

— А Богъ ее вѣдаетъ, отвѣчалъ смущенный Ягайло.

— Экая безталанная, горемычная!... Что ужъ, втащимъ ее на лодку и отвеземъ въ монастырь. Пусть отпоютъ ее по христіански, какъ слѣдуетъ... Можетъ она бѣдная не виновата въ своей смерти, можетъ злой человѣкъ полубилъ ее, всякихъ вѣдь бываетъ... Лиходѣевъ много развелось у насъ, продолжалъ Андрей Ольгердовичъ.

У Ягайлы отъ этихъ словъ сжалось сердце и закружилась голова.

Ригальду втащили на лодку.

— Яша! какъ твой поясъ попалъ на Ригальду? спросилъ Витовтъ, шепотомъ Ягайла Ольгердовича, указывая на поясъ утопленницы.

— Не знаю... прошепталъ Ягайло, узнавъ свой поясъ, тотъ самый, который Ригальда нашла на ступенькахъ алтаря Перкунуса въ Вильнѣ и по которому узнала что къ Поятѣ приходилъ Ягайло.

По настоянію в. к. Андрея Ольгердовича, Ригальду отнѣли и похоронили въ маріинскомъ монастырѣ не какъ утоплѣнницу, а какъ мученицу за вѣру. Князю полоцкому казалось, что крестницу его утопили язычники, давно искавшіе смерти ея, за принятіе христіанства.

Послѣ похоронъ Ригальды, для героя нашего романа начались безсонныя ночи и мучительные дни: утоплѣнница не выходила изъ его головы ни на одну минуту; имъ овладѣла боязнь; суевѣрной его натурѣ казалось, что Ригальда ходитъ по пятамъ его и зоветъ къ себѣ въ царство смерти.

С. Камгинъ.

(Продолжсніе будетъ).

ХРОНИКА ГОРОДА МИНСКА,

Вл. Сырокомли 1),

Перевелъ А. Чернышевъ.

Историческій очеркъ города Минска.

Періодъ первый.

Господство Руси и Литвы.

Между Нѣманомъ, Припетью, Двиною и далеко за Двину, до самаго г. Изборска простиралась въ IX вѣкѣ прекрасная, но дикая необозримая равнина, населенная тремя славянскими племенами: дреговичами, кривичами и полачанами. Нѣсколько незначительныхъ городовъ, разбросанныхъ какъ возы по безмѣрной пу-

---

1) Т. е. Кондратовича извѣстнаго польскаго поэта.

стинѣ, и во главѣ ихъ Полоцкъ, связывали нѣкоторымъ образомъ, разбросанное по лѣсамъ и рѣчнымъ берегамъ кочевое народонаселеніе, начинавшее уже осѣдлую жизнь, разработывая маленькія поляны среди лѣсовъ.

Надъ этимъ необозримымъ пространствомъ господствовалъ около 980 года нѣкто Рогвольдъ, пришелецъ изъ норманов, или варяговъ, которые за сто слишкомъ лѣтъ предъ тѣмъ прибыли властвовать надъ разрозненными частями Руси. Богатыри норманны скоро и легко подчинили своей власти мирныя туземныя племена. Но ихъ господство тихо утекало для исторіи. Только Гнѣзно, Новгородъ Великій и Кіевъ на всемъ пространствѣ славянщины закипѣли движеніемъ, связывающихся въ политическія звѣнья государствъ. Эта политическая жизнь началась колонизаціею внутри и завоеваніями внѣ своихъ владѣній.

Ярополкъ, а потомъ Владиміръ Святой, еще будучи язычниками, силою побѣдоноснаго оружія, овладѣли многими сосѣдними областями. Владѣнія Рогвольда, столицею которыхъ былъ Полоцкъ, занимали, какъ мы сказали, слишкомъ широкое пространство, чтобы не обратить на себя вниманія властолюбиваго Владиміра. У Рогвольда была прекрасная дочь, по имени Рогнѣда; ее-то и захотѣлъ Владиміръ имѣть себѣ женою. Но Рогнѣда, обрученная уже съ кѣмъ то другимъ, съ презрѣніемъ отвергла предложеніе кіевскаго властелина. „Не хочу, сказала она, изути робичича,“ намѣкая этимъ на простонародное происхожденіе Владиміра, который былъ сынъ Святослава отъ простой его жены, дочери Малка Любчанина. Этотъ презрительный отказъ былъ для Владиміра достаточнымъ поводомъ къ нападенію на Рогвольдову область: онъ взялъ Полоцкъ, умертвилъ Рогвольда и двухъ его сыновей, земли ихъ присоединилъ къ своимъ, а Рогнѣду насильно взялъ себѣ въ жену.

Плодомъ этого супружества былъ Изяславъ, старшій изъ 12 сыновей Владиміра отъ нѣсколькихъ его женъ.

Прелести Рогнѣды не долго восхищали непостояннаго Владиміра. Горюя по отцѣ и братьяхъ, оставленная мужемъ, жила несчастная Рогнѣда въ уединенномъ уголку близъ Кіева, называя себя Гореславою, въ знакъ горя, выпавшаго на ея долю. Однажды непостоянный Владиміръ посѣтилъ ее въ ея уединеніи и крѣпко уснулъ. Увлеченная отчаяніемъ Рогнѣда рѣшилась погубить его.

Въ моментъ, когда она готова уже была поразить его, князь проснулся и обезоружилъ ее. Смерть ждала несчастную. Въ свѣтлой горницѣ, убранная какъ къ брачному вѣнцу, ждала несчастная своихъ палачей. Но вотъ явился обиженный и разгнѣванный мужъ и собрались судьи; смертный приговоръ готовъ уже былъ сорваться съ устъ Владиміра, какъ вдругъ подбѣгаетъ къ нему маленькій сынъ его Изяславъ и, подавая ему мечь, говоритъ: „Неужели ты только самъ хочешъ жить? Не думаешь ли, что ты безсмертенъ? Возьми этотъ мечь и вонзи его въ мою грудь, и да не увижу смерти моей матери.“ Растроганный Владиміръ, бросивъ оружіе, сказалъ: „Ктожъ могъ знать, что ты здѣсь.“ 1). Удалившись, онъ собралъ бояръ и спросилъ: „что мнѣ дѣлать?“ „Княже, отвѣчали они, „прости виновную, ради этаго дитяти и возврати имъ удѣлъ Рогнѣдова отца.“ Владиміръ послушалъ ихъ совѣта, построилъ городъ, назвалъ его Изяславомъ и поселилъ тамъ мать съ ея сыномъ.

Мы упомянули здѣсь объ этомъ лѣтописномъ извѣстіи потому, что оно имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ нашему предмету. Городъ Изяславъ, находящійся въ четырехъ миляхъ отъ Минска и называющійся нынѣ Заславомъ литовскимъ, сдѣлался первою столицею князей полоцкихъ. Кромѣ того Изяславъ получилъ отъ отца и Полоцкъ, и такимъ образомъ онъ владѣлъ цѣлымъ удѣломъ дѣда своего Рогвольда. Минска тогда еще не было, или же онъ былъ незначительнымъ, вниманія лѣтописцевъ не заслуживавшимъ селомъ, быть можетъ, какимъ либо торговымъ пунктомъ, куда стекались славяне для мѣны своихъ произведеній, что кажется и дало городу названіе Минска или Мѣнска, ибо такъ онъ называется во всѣхъ древнихъ лѣтописяхъ.

Изяславъ, сынъ Владиміра, умеръ въ 1001 году; ему наслѣдовалъ въ княжествѣ Полоцкомъ и удѣлѣ Заславскомъ Брячиславъ, или, какъ названъ онъ у норвежскихъ лѣтописцевъ, Вротиславъ. Объ этомъ князѣ полоцкомъ извѣстно изъ лѣтописей только то, что онъ въ 1021 году воевалъ съ своимъ дядею Ярославомъ, княземъ кіевскимъ, но разбитый на голову, принужденъ былъ примириться съ нимъ и возвратиться въ Полоцкъ, гдѣ и умеръ въ 1044 году.

1) *Ист. Гос. Р. К. Т. 1, прим. 421, изд. Эйнерлинга.*
2) *Несторъ въ Никоновской лѣтописи.*

Всеславъ, сынъ Вротислава болѣе ознаменовалъ себя въ исторіи. Кровожадный и властолюбивый, не довольствуясь своимъ княжествомъ Полоцкимъ и припомнивъ, что его дѣдъ Изяславъ былъ старшимъ сыномъ Владиміра, задумалъ выгнать младшую линію (т. е. Изяслава, сына Ярославова) изъ столицы В. К. Кіевскаго. Съ этою цѣлью, зимою 1067 г., онъ осадилъ Псковъ, завладѣлъ новымъ городомъ, плѣнилъ тамошнихъ жителей и ограбилъ церкви. Сыновья Ярослава, пораженные вѣстью объ этихъ грабежахъ, забывъ взаимныя свои несогласія, неминуемый плодъ пагубной удѣльной системы, подали другъ другу руки и отправились опустошать владѣнія Всеслава. Несмотря на суровость зимы, они осадили Минскъ, бывшій частью княжества Полоцкаго.

При такихъ то неблагопріятныхъ условіяхъ впервые выступаетъ на историческое поприще городъ, хронику котораго мы беремся писать. И въ самомъ дѣлѣ, ужасное было его положеніе! Малое, деревянное, по берегамъ Свислочи расположенное мѣстечко, не могло устоять противъ войскъ Изяслава и его братьевъ. Всеслава не было на мѣстѣ для его защиты, а тогдашніе побѣдители не умѣли умѣренно пользоваться своею побѣдою: они жгли дома, умерщвляли безоружныхъ и невинныхъ жителей, безчестили женщинъ, а дѣтей, какъ выражается Несторъ, поднимали на щиты, т. е. отдавали на волю разъяренному войску 1).

Всеславъ, по выраженію пѣсни о полку Игоревѣ, волчьимъ скокомъ поспѣшилъ для освобожденія своего города отъ осады. Побѣдитель, заливъ его кровью и засыпавъ пепломъ, началъ было уже отступать отъ него, какъ вдругъ подоспѣло войско Всеславово. За Минскомъ, на рѣкѣ Немигѣ, сошлись два врага и въ послѣднихъ числахъ февраля 1067 года произошла между ними кровавая битва. „Головы падали, какъ снопы подъ ударами цѣповъ на гумнѣ; души вылетали изъ тѣлъ, какъ зерна изъ колосьевъ; человѣческія кости засѣвали берега Немиги, какъ сѣмена брошенныя на пашню“ 2). Всеславъ, разбитый на голову, отступилъ съ остатками своего войска; но онъ не пошелъ домой, а направилъ путь свой на Кіевъ: онъ сильно желалъ завладѣть столицею тогдашней Руси. Изяславъ, испуганный этимъ движеніемъ, вступилъ

1) Ист. Гос. Р. К. Т. II, стр. 43 изд. Эйнерлинга.

2) Игорь кн. Сѣверскій, поэма, перев. Гербеля, стр. 98.

съ нимъ въ переговоры и, обезпечивъ его присягою и честнымъ словомъ, просилъ къ себѣ. Это происходило подъ Смоленскомъ. Легковѣрный Всеславъ повѣрилъ Изяславу и въ лодкѣ переправился къ нему черезъ Днѣпръ. Но едва только онъ вошелъ къ нему въ палатку, какъ было внезапно схваченъ и отвезенъ въ Кіевъ, гдѣ заточенный ждалъ онъ вѣрной смерти. Но благосклонная судьба благопріятствовала ему. Кіевляне, раздраженные противъ своихъ князей за проигранную ими битву съ половцами, взбунтовались. Изяславъ принужденъ былъ искать себѣ убѣжища въ Польшѣ; а Всеславъ князь минскій, освобожденный отъ заточенія, провозглашенъ былъ В. К. всея Руси.

Бѣгство Изяслава въ Польшу не осталось безъ послѣдствій. Доблестный Болеславъ Кривоустый благосклонно принялъ изгнанника, оказалъ ему помощь и самъ немедленно отправился къ Кіеву, взявъ съ собою сильные отряды. Крамольные кіевляне, предводительствуемые Всеславомъ, съ оружіемъ вышли къ нему на встрѣчу до самаго Бѣлгородка; но Всеславъ, испугавшись польскаго оружія, отступился отъ своихъ новыхъ подданныхъ и убѣжалъ въ Полоцкъ. Кіевляне снова приняли Изяслава. Болеславъ, приглашенный съ войскомъ погостить въ Кіевѣ, обновилъ на его воротахъ рубецъ сдѣланный на нихъ Болеславомъ храбрымъ 1), и подобно ему очарованный гостепріимствомъ Изяслава и прелестями кіевлянокъ, цѣлую зиму прогостилъ въ столицѣ Руси 2). Всеславъ послѣ кратковременнаго, почти только семимѣсячнаго ношенія титула князя цѣлой Руси, снова вступилъ въ борьбу съ Ярополкомъ, братомъ князя кіевскаго, и на силу удержался въ своемъ Полоцкомъ и Минскомъ удѣлѣ.

Спустя семнадцать лѣтъ послѣ того. Всеславъ снова накликалъ бѣду на Минскъ, вторую столицу своего Полоцкаго княжества. Гордый и браннолюбивый, не въ состояніи будучи забыть своего происхожденія отъ старшаго сына Владиміра Великаго, онъ постоянно смотрѣлъ на князей младшей линіи, какъ на похитителей. Смоленскъ и Новгородъ снова испытали силу его меча и пламени. Въ Кіевѣ въ то время княжилъ спокойный Всеволодъ, но молодой сынъ его Владиміръ, прозванный въ послѣдствіи Мономахомъ, слиш-

1) Marcin Gallus, str. 71.

2) Kromer. De orig. et rebus gestis Polonorum. Colonia, 1859,— str. 57.

комъ горѣлъ страстью къ военной славѣ, и потому не могъ равнодушно смотрѣть на обиды и расширеніе власти Всеслава. Вотъ какъ на старости лѣтъ, хвалясь дѣлами своей молодости, говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи о бѣдствіяхъ, нанесенныхъ имъ владѣніямъ Всеслава и Минску: „Тою же дорогою за Всеславомъ я опустошилъ пламенемъ его владѣнія и воевалъ до Лукомля (Могилевской губерніи), Логойска (Минской губерніи) и Друцка... И въ ту же осень (1084 г.), имѣя съ собою черниговцевъ, половцевъ и четеіозичевъ, я напалъ на Минскъ, и такъ разорилъ его, что не осталось въ немъ ни дитяти, ни животины“ 1).

Наконецъ Всеславъ, послѣ 50 лѣтняго своего княженія въ Полоцкѣ и Минскѣ, умеръ въ 1101 году, сытый славою отъ конца до конца Руси. Рѣдко однакоже свободенъ былъ онъ отъ скорбей, несмотря на то, что богатырскую его душу часто согрѣвала пѣснь знаменитаго поэта. Этимъ поэтомъ Всеслава былъ Баянъ, великій пѣвецъ древней славянщины.

Со смертью Всеслава не прекратились бѣдствія для здѣшнихъ городовъ и областей. На отцовскомъ престолѣ сѣлъ сынъ Всеслава, Глѣбъ.

Какъ будто еще не довольно было борьбы, которую полоцкіе князья вели съ линіею, господствовавшею въ Кіевѣ; пагубная удѣльная система снова вооружила брата на брата. Давидъ, братъ Глѣба, какъ слѣдуетъ предположить, считая себя обиженнымъ въ раздѣлѣ Всеславовыхъ владѣній, искалъ въ Кіевѣ покровительства. Только того и нужно было войнолюбивымъ князьямъ кіевскимъ. Многочисленныя ихъ полчища выступили въ мартѣ 1104 г. для осажденія г. Минска; но на этотъ разъ они были отбиты. Городъ, должно быть, получилъ уже оборонительный видъ, когда въ состояніи былъ сопротивляться непріятелю, а спустя нѣсколько лѣтъ заставилъ даже и Владиміра Мономаха довольно потрудиться, когда онъ въ третій разъ пришелъ воевать его.

Глѣбъ, слѣдуя по стопамъ своего отца, питалъ также непріязнь къ князьямъ кіевскимъ. Въ 1115 году, онъ отказался отъ повиновенія Мономаху, сжегъ Слуцкъ, а жившихъ между Припетью и Двиною забралъ въ неволю. Мономахъ, желая наказать Глѣба за подобные поступки, послалъ сына своего, Ярополка, для опустоше-

---

1) См. завѣщаніе Владиміра Мономаха.

нія Друцка, принадлежавшаго къ Глѣбову удѣлу, а самъ отправился осаждать его въ самомъ Минскѣ. „Онъ началъ, говоритъ лѣтописецъ, воздвигать укрѣпленія напротивъ города, а Глѣбъ, видя это, крайнѣ испугался и началъ молить о пощадѣ. Владиміръ сжалился надъ нимъ и, не желая проливать кровь во дни великаго поста, оставилъ его въ покоѣ. Глѣбъ съ дѣтьми и съ своей дружиною вышелъ изъ города для выраженія покорности Владиміру, который, припомнивъ ему все, оставилъ его при управленіи Минскомъ.“ 1). Другой историкъ пишетъ, что Владиміръ простилъ его по просьбѣ остальныхъ князей, и, по древнему обычаю, устроилъ для него и его семейства богатый пиръ.

Но не здѣсь конецъ братоубійственнымъ войнамъ, жертвою коихъ дѣлались земли и города. Спустя два года, Глѣбъ снова возсталъ противъ Мономаха; велико-княжескія войска снова появились предъ Минскомъ и снова завладѣли имъ. Пойманный Глѣбъ, какъ плѣнникъ, отвезенъ былъ въ Кіевъ, гдѣ онъ и скончался 13 сентября 1119 г. Въ Кіевѣ остались его дѣти: Всеволодъ, Владиміръ и Ростиславъ, которые надѣялись современемъ добиться своихъ правъ.

Вскорѣ умеръ и Владиміръ Мономахъ; уплывали годы за годами, смѣнялись времена, но ненависть двухъ родовъ съ года на годъ все болѣе и болѣе возрастала. Братья Глѣба раздѣлили между собою владѣнія обширнаго Полоцко-Минскаго княжества. Кромѣ Минска, коимъ владѣлъ Мономахъ, а потомъ сынъ его Мстиславъ, въ другихъ удѣлахъ того же княжества, какъ то: въ Борисовѣ, Логойскѣ, Заславѣ и Полоцкѣ, властвовали потомки Верслава, которые чувствовали свою независимость и, какъ пишетъ Карамзинъ, отдѣленные отъ Россіи, считали себя далекими отъ подчиненія власти кіевскимъ князьямъ. Мстиславъ, сынъ Мономаха, рѣшился положить конецъ ихъ грозному существованію.

Съ этою цѣлью онъ сдѣлалъ воззваніе къ князьямъ цѣлой Руси, и такимъ образомъ объявилъ въ своемъ родѣ крестовый походъ противъ князей полоцкихъ.

День 4 августа 1127 г. назначенъ былъ днемъ всеобщаго паденія правнуковъ Рогнѣды. Въ этотъ день отдѣльные отряды соединенныхъ силъ Мстислава должны были ударить, каждый на одну

---

1) Ист. Рос. Соловьева Т. II, стр. 79.

изъ столицъ разрозненныхъ полоцкихъ удѣловъ. Воля кіевскаго властелина вооружила князей на князей, братьевъ на братьевъ. Пробилъ часъ. Всеволодъ Ольговичь напалъ на Борисовъ, Изяславъ, сынъ Мстислава, овладѣлъ Логойскомъ; другіе, вопреки данному жителямъ слову, превратили въ пухъ и прахъ Заславль. Пять полоцкихъ князей съ женами и дѣтьми были взяты въ пленъ и заточены въ Кіевѣ, а въ 1129 г. они были отправлены на трехъ ладьяхъ въ Константинополь, гдѣ зять Мстислава, Іоаннъ, императоръ греческій, даровалъ изгнанникамъ гостепріимный кровъ. Такъ палъ на нѣкоторое время, родъ полоцко-минскихъ князей, около полутора вѣка господствовавшій надъ наслѣдіемъ матери. Потомки стараго Рогвольда пошли на чужбину, подъ знаменами греческихъ государей, воевать съ арабами, гдѣ по свидѣтельству историковъ, они покрыли себя бранною славою. Только сыновья Глѣба: Всеволодъ, Владиміръ и Ростиславъ, лишенные своихъ родовыхъ удѣловъ, остались въ своемъ отечествѣ по милости Мстислава.

А Минскъ? Со времени перваго лѣтописнаго о немъ извѣстія и до той поры, когда онъ потерялъ законныхъ своихъ властителей, онъ едва-едва прожилъ 60 лѣтъ, и въ продолженіе этого краткаго времени шесть разъ дѣлался жертвою непріятельскихъ опустошеній. Сколько разъ обезлюдненный до послѣдняго ребенка, онъ, по всей вѣроятности, былъ въ самомъ плачевномъ состояніи въ то время, когда Мстиславъ выгналъ за море всѣхъ старыхъ его владѣтелей, и отдалъ ихъ наслѣдіе сыну своему Изяславу.

Обширны были владѣнія сего послѣдняго въ этой странѣ. Кромѣ Полоцка и Минска, отданныхъ ему отцомъ, Изяславъ въ 1133 г. получилъ еще отъ дяди своего, Ярополка, въ замѣнъ уступленнаго имъ кому-то другому Переяславля, Пинскъ и Туровъ. Но размноженіе господствовавшихъ на Руси удѣльныхъ князей и раздѣленіе между ними раздробленныхъ удѣловъ, было неизсякаемымъ источникомъ безпрерывной вражды между родами. Изяславъ, лишенный Турова, то съ В. К. Новгородскимъ, то вмѣстѣ съ братьями поднималъ оружіе на дядю своего, то мирился съ нимъ, то договаривался, и въ силу этихъ договоровъ, получилъ возлѣ Полоцкаго удѣла городъ Владиміръ. То снова принужденъ былъ бороться за Туровъ и Владиміръ съ Всеволодомъ, который послѣ Ярополка вступилъ на кіевскій престолъ (ибо тамъ, гдѣ мечъ и

взаимныя интриги предписывали очередь наслѣдованія трона, княжащіе смѣнялись часто), то соединился съ нимъ посредствомъ заключенія между двумя фамиліями брачныхъ союзовъ. Наконецъ счастіе ему улыбнулось. Въ 1146 г. сдѣлалось въ Кіевѣ возстаніе, Игорь Ольговичъ былъ свергнутъ съ престола, и Изяславъ сдѣлался великимъ княземъ всей восточной Руси.

Но надъ княжествомъ кривичей онъ чувствовалъ себя властителемъ не по праву, а по силѣ оружія. Права прежнихъ владѣтелей этой земли, мечемъ обращенныхъ въ данниковъ, по всей вѣроятности, были уважены, потому что послѣ вступленія Изяслава на кіевскій престолъ, въ Минскѣ снова господствуютъ потомки Рогнѣды: Ростиславъ, Володарь и Всеславъ, прозванный лѣтописцемъ „Вятскимъ.“ Даже уважаемо было въ нѣкоторомъ отношеніи и избирательное право народа; ибо въ 1151 году, когда полочане свергнули съ престола присланнаго имъ изъ рода кіевскихъ князей Рогвольда и выслали его, какъ бы въ изгнаніе, въ Минскъ, пригласивъ на его мѣсто минскаго князя Ростислава, Изяславъ не спѣшилъ помочь своему зятю, отказываясь отъ владѣтельныхъ правъ надъ этою землею 1).

Но Ростиславъ едва только послѣ семи лѣтъ спокойно могъ господствовать надъ полочанами. Народъ, а особенно города тогдашней Руси, не разъ простирали до своеволія свою любовь къ свободѣ и до вѣромства свои избирательныя права. Ростиславъ скоро имъ опротивѣлъ; въ 1158 году они снова призвали Рогвольда. Ростиславъ съ преданною ему дружиною оставилъ Полоцкъ и, опустошивъ его окрестности, пошелъ искать союза и защиты у брата своего Володаря, который, по его призваніи на престолъ полоцкій, княжилъ въ Минскѣ. Рогвольдъ преслѣдовалъ его, занялъ Заславъ, гдѣ управлялъ третій братъ, Віяцко, и осадивъ въ Минскѣ сыновей Глѣбовыхъ, предписалъ имъ условія мира.

(Продолженіе будетъ).

(Мин. Губ. Вѣд.)

---

1) См. Карамз. и Кіевскую лѣтопись подъ этимъ годомъ.

СКАЗАНІЕ О МЕЖИГОРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ древнее время, до нашествія татарскаго, былъ монастырь *Спаса Бѣлаго* надъ Днѣпромъ, между Вышгородомъ и Межигорьемъ. Начало его отнесено мѣстнымъ преданіемъ ко временамъ Владиміровымъ, также какъ и начало монастырей михайловскаго-золотоверхаго и михайловскаго-выдубицкаго. Основателями Спасскаго монастыря за Вышгородомъ полагаются греческіе монахи, пришедшіе съ первымъ кіевскимъ митрополитомъ Михаиломъ, 988 года. Древнему лѣтописанію нашему не пришлось ни разу помянуть объ этомъ монастырѣ, какъ и о нѣкоторыхъ другихъ, бывшихъ тогда въ предѣлахъ южнорусскихъ. Изъ кіевской лѣтописи подъ 1161 годомъ видна за Вышгородомъ только надднѣпровская *божница*. Къ этому же 1161 году давніе межигорцы относили построеніе своего древняго монастыря княземъ Андреемъ Боголюбскимъ, котораго поминали они какъ *создателя* или *ктитора* ихъ монастыря 1).

Отношеніе Андрея Боголюбскаго къ Вышгороду извѣстно: въ

---

1) Такъ означено въ межигорскомъ синодикѣ, описанномъ 1625 года, повелѣніемъ игумена Коментарія (см. на 199 листѣ). Кіевляне прошлаго столѣтія построеніе каменной церкви княземъ Андреемъ, вмѣсто прежней деревянной, относили къ 1164 году. Такъ въ „Краткомъ описаніи Кіево-Печерской Лавры", которое издавалось съ 1791 года (составлено митрополитомъ Самуиломъ Миславскимъ), — въ „Кіевскомъ Мѣсяцословѣ на лѣто 1799", изданномъ Иринеемъ Фальковскимъ.

Весьма можно положить, что 1161 годъ относится къ заложенію той церкви, а 1164-й къ ея совершенію и освященію.

Что касается до преданія о началѣ монастыря при св. Владимірѣ, то оно извѣстно изъ записки объ этомъ монастырѣ, составленной во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Если историки приняли таковое *преданіе*, довольствуясь этою запиской; то они должны принять и *преданіе* о началѣ выдубицкаго монастыря— на основаніи равносильномъ, на *запискѣ*, составленной въ этомъ монастырѣ, тоже въ прошломъ столѣтіи. Кромѣ того, еще въ третьемъ изданіи Кіевскаго Синопсиса (1680 года), въ той главѣ, гдѣ идетъ рѣчь о церквахъ, поставленныхъ вслѣдъ за крещеніемъ Руси св. Владиміромъ, исключено преданіе *старыхъ людей*, между прочимъ и о построеніи михайловской церкви въ Выдубичахъ— въ митрополитство Михаила.

1155 году былъ онъ посаженъ здѣсь на княженіе отцомъ своимъ, Юріемъ Владиміровичемъ; но поспѣшилъ того же года уйдти въ свой родимый и любимый Суздаль. Туда взялъ онъ изъ Вышгорода древнюю икону Богоматери, названную тамъ *Владимірскою*. И вотъ онъ возблагодарилъ за сію святыню покинутый имъ градъ Ольгинъ—построеніемъ возлѣ него каменной монастырской церкви *Спаса Благо*. Такъ назывался этотъ монастырь, конечно, въ отличіе отъ *Спаса на Берестовѣ*, находившагося по другую сторону Кіева, возлѣ печерской лавры, при каменной церкви, поставленной еще св. Владиміромъ. Тотъ монастырь существовалъ со второй половины XI-го вѣка и не одинъ разъ поминается въ древнемъ лѣтописаніи 1).

Въ нашествіе Батыя на Кіевъ разрушены были татарами и борисоглѣбская церковь въ Вышгородѣ, и монастырь Спаса Бѣлаго. Отъ вышегородской церкви, сооруженной 1115 года Владиміромъ Мономахомъ и Святославичами, уцѣлѣло каменное основаніе, на которомъ столько разъ уже возобновлялась она деревяннымъ строеніемъ, и не одинъ разъ собирался при ней въ давніе годы монастырь Вышегородскій. Но отъ Спаса Бѣлаго осталось только нагорное урочище съ именемъ *Спащины*. Монахи этого монастыря, при грозѣ Батыевой, укрылись въ сосѣднихъ лѣсахъ Межигорья и въ пещерѣ тамъ ископанной.

Въ тѣ поры кіевскій князь Михаилъ Всеволодовичъ, воротясь изъ своего скитанія по чужимъ землямъ, жилъ „подъ Кіевомъ—во островѣ“; а въ 1248 году 20 сентября принялъ въ Ордѣ вѣнецъ мученика. У межигорцевъ онъ поминался тоже въ числѣ *ктиторовъ* ихъ монастыря 2). По преданію, онъ постро-

1) Изъ игуменовъ спасо-берестовскаго монастыря извѣстны по лѣтописямъ четыре: Германъ (1072 г.), Савва (1115 г.), *Лука* (1185 г.), Петръ Акеровичъ (1230 г.).

Напрасно два первые игумена присвоены спасскому межигорскому монастырю—въ „Историческомъ Свѣдѣніи“ объ этомъ монастырѣ, которое издано въ Кіевѣ 1836 года, тогдашнимъ межигорскимъ священникомъ Симеономъ Лободовскимъ. Тамъ означено еще пять игуменовъ: *Антоній*, упоминаемый 1499 года, и прочіе. Не знаю гдѣ упоминается *Антоній*: не одно-ли это лицо съ *Автономомъ?*

2) Въ вышепомянутомъ синодикѣ 1625 года, хранящемся въ библіотекѣ кіево-софійской, князь Михаилъ—названъ Мономахомъ.

илъ для здѣшней братіи деревянную церковь во имя св. *Николая*, при которой и оставался нѣкоторое время монастырь, названный по его новому мѣсту—*Межигорскимъ*. Участіе князя Михаила въ здѣшней обители наводитъ на мысль, что онъ жилъ тогда на томъ *островѣ*, возлѣ Вышгорода, на которомъ 1146 года провелъ свои послѣдніе дни заболѣвшій великій князь Всеволодъ Ольговичъ, и на которомъ былъ, какъ видно, загородный дворъ княжескій.

Спустя восемьдесятъ лѣтъ послѣ нашествія Батыя на Кіевъ, вся приднѣпровская Украина или земля кіево-переяславская перешла изъ-подъ власти татарской во власть литовскую, присоединенная Гедиминомъ къ его великому княжеству. Тогда начался новый рядъ удѣльныхъ князей кіевскихъ, продолжавшійся полтораста лѣтъ, до кончины князя Симеона Александровича или Олельковича. Съ этимъ благочестивымъ правнукомъ Ольгерда Гедиминовича окончилось кіевское *княжество*: въ 1471 году оно обращено было въ *воеводство* — Ольгердовымъ внукомъ Казиміромъ Ягелловичемъ, великимъ княземъ литовскимъ. Что касается до кіевской митрополіи, которая въ послѣ-татарское время перешла въ Москву, то еще въ 1415 году она возстановилась отдѣльною митрополіею отъ московской, для всей западной Руси, по настоянію великаго князя Витовта.

Тогдашнее бытіе межигорскаго монастыря, какъ и многихъ другихъ, продолжалось незамѣтно для исторіи. По отрывочнымъ извѣстіямъ мы знаемъ только, что онъ существовалъ и въ тѣ времена, заложенный по прежнему во имя св. *Спаса*, и что при главномъ его храмѣ были придѣлы св. *Николая* и св. апостолъ *Петра* и *Павла*. Отъ князей кіевскихъ былъ надѣленъ этотъ монастырь прилежащею къ нему землею на правомъ берегу Днѣпра и соотвѣтственнымъ ей лѣвымъ берегомъ съ рыболовными озерами Божатинымъ, Заподьемъ и другими 1). Назначена была ему и медовая дань съ Вышгорода, Петровца, Козаровичь и другихъ вотчинъ.

Татарскія нападенія на Кіевъ, бывшія въ княженіе Витовта отъ Тамерлана и Эдигея, конечно, не обходились безъ ущерба и

---

1) Изъ грамоты 1523 года, напечатанной въ *Актахъ Зап. Рос.* Т. II. № 121.

Межигорью. Но самый тяжкій и опустошительный для Кіева былъ набѣгъ крымскаго хана Менгли-Гирея, осенью 1482 года. Тогда и межигорскій спасскій монастырь постигло совершенное разореніе.

Менглигиреевы татаре долго не переставали рыскать въ окружности Кіева, не давая оправиться здѣшней сторонѣ, и Межигорье оставалось въ запустѣніи. Но монастырь не прекращался: онъ продолжалъ бытіе свое въ сосѣднемъ селѣ Петровцахъ, при церкви „святого Николы Межигорского;" а сельская церковь была тамъ во имя св. Спаса. Изъ тогдашнихъ игуменовъ извѣстны только по имени: *Нифонтій* (въ позднѣйшихъ писаніяхъ *Вонифонтій*), *Автономъ* и *Сильвестръ*; а изъ благотворителей монастыря извѣстенъ одинъ слуцкій князь Юрій Семеновичъ, отъ котораго было здѣсь напрестольное евангеліе, данное въ генварѣ 1500 года.

Къ возобновленію Межигорья приступлено было не ранѣе, какъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ набѣга Менглигиреева, когда Кіеву стало защитнѣе отъ татаръ, при усилившемся козачествѣ черкасскомъ, котораго подвижникомъ тогда былъ черкасскій и каневскій староста, Евстаѳій Дашковичъ. По грамотѣ Жигимонта Казиміровича, данной 1523 года 12 марта, на имя кіевскаго воеводы Андрея Немировича, предоставлено было кіевскому іеромонаху *Мисаилу Щербинѣ* право на запустѣлый межигорскій монастырь св. Спаса, съ землями и со всѣмъ, какъ было въ немъ издавна. „А къ тому (сказано въ грамотѣ) игуменъ того монастыря межигорского отъ своего збожья, которое себѣ на живность откольколвекъ будетъ провадити, мыта не маетъ городового, а ни объетки давати; которого-жъ монастыря ты, пане воевода, а ни митрополитъ, а нихто съ подданныхъ нашихъ не маетъ подавати, а нашимъ ся въ него не вступовати: бо мы беремъ то на насъ господаря. А какъ онъ (Мисайло) тотъ монастырь справитъ и общину установитъ, ино маютъ братія того монастыря, по его смерти, игумена межи собою обираючи установливати и за насъ Бога просити." Грамоту сію правилъ достопамятный князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Но не смотря на принятіе Межигорья подъ непосредственную власть господарскую, оно возобновлялось медленно. Чтобы видѣть тогдашнее убожество монастыря, взгляните на небольшое писанное въ четвертку евангеліе, положенное сюда въ 1546 году Андреемъ Полозомъ (фамилія извѣстная въ числѣ кіевскихъ пановъ и землянъ того вѣка). Это евангеліе—старѣйшій изъ дошедшихъ до нашего

времени межигорскихъ вкладовъ, сохранившійся въ библіотекѣ кіево-софійской. По листамъ его читается слѣдующая надпись: „Въ лѣто 7054 марта 8 дня индикта 4-го положилъ есми сіе святое евангеліе *въ монастырь* межигорскій на престоле святого Миколы рабъ Божій Андрей Полозъ: хто бы мелъ сіе евангеліе съ манастыря святого взяти, тотъ розсудится на томъ свете.“

Въ этомъ-же евангеліи есть замѣтка тогдашняго игумена *Адріана* о медовой дани съ разныхъ вотчинъ, списанная изъ прежняго изветшалаго евангелія, о которомъ упомянуто выше 1). Есть и другая приписка, изъ которой мы узнаемъ, что совершеніе межигорскаго храма св. *Спаса*, съ храмами св. *Николая* и св. апостолъ *Петра* и *Павла*,—сталось 1555 года, и что межигорскимъ игуменомъ тогда былъ *Онуфрій*.

И такъ Межигорье, опустѣлое еще при Казимірѣ Ягелловичѣ, возобновилось при его внукѣ Жигимонтѣ-Августѣ, правленіе котораго памятно для кіевской земли соединеніемъ ея и прочихъ земель великаго княжества литовскаго съ королевствомъ польскимъ въ одно государство, 1569 года. Этотъ господарь сперва отдалъ Межигорье въ вѣдомство кіевскаго замка, подъ начальство тогдашняго кіевскаго воеводы, князя Константина Константиновича Острожскаго, а въ 1571 году пожаловалъ межигорскій монастырь, вмѣстѣ съ землею вышегородскою, въ пожизненное держанье Евтиху Высоцкому, писарю коронной канцеляріи по русскимъ дѣламъ 2). Такимъ образомъ воеводское вмѣшательство въ кіевскіе монастыри которому противодѣйствовали Александръ и Жигимонтъ Казиміровичи — въ свою господарскую пользу (состоявшую не въ одномъ богомольи за нихъ, но и въ денежномъ приношеніи отъ новоизбранныхъ архимандритовъ и игуменовъ), возобновилось опять, и отдача монастырей, въ пользу свѣтскихъ лицъ разнаго званія, стала не рѣдкою. Впрочемъ кормленье коронпаго писаря Высоцкаго общиннымъ достояніемъ межигорскаго монастыря продолжалось только пять лѣтъ. Новоизбранный король Стефанъ Баторій, въ первый же годъ правленія своего, т. е. въ 1576 году, возвратилъ межигорскому монастырю всѣ прежнія права и владѣнія. Но не

---

1) Въ этой припискѣ *Юрій* названъ великимъ княземъ слуцкимъ.“ Титулъ *великаго князя* присвояли себѣ многіе удѣльные князья въ тѣ вѣка.

2) См. грамоту 1571 года въ *Актахъ Зап. Рос.* Т. III № 53.

такъ легко было возвратить на дѣлѣ то, что возвращалось на королевскихъ грамотахъ, при томъ гражданскомъ нестроеніи, какое настало и на Руси кіевской, когда она стала частію государства польскаго. Межигорскій игуменъ Онуфрій, встрѣчая непрестанныя обиды отъ кіевскаго воеводскаго намѣстника, князя Евстаѳія Ружинскаго, и отъ другихъ лицъ, приносилъ жалобы воеводѣ князю Острожскому, и вслѣдствіе того Баторій, въ 1580 году, повелѣлъ кіевскому ротмистру Касперу Стужинскому охранять Межигорье отъ всякаго насилія; но насилія не прекращались.

Новый игуменъ и строитель межигорскаго монастыря (въ Петровцахъ), *Іосифъ Бобриковичъ Копоть*, принялся за свое дѣло съ новымъ усердіемъ. Въ 1585 году онъ выпросилъ было у смоленскаго воеводы, Филона Семеновича Кмиты, возвращеніе Межигорью давняго права на островъ Спащину. Но онъ такъ уже горячо вступался за монастырскія права и владѣнія, что сталъ въ разладъ со всѣми, отъ воеводскаго намѣстника, князя Матвѣя Воронецкаго, до монастырскихъ подданныхъ Петровчанъ, и не разъ терпѣлъ даже побои. Это случилось ему и съ козаками, у которыхъ до 1576 года былъ на Днѣпрѣ свой городъ Терехтемировъ и свой трехтемировскій монастырь, по жалованной имъ на то грамотѣ Баторіевой. Въ 1592 году козаки, съ своимъ гетманомъ Христофоромъ Косинскимъ, возставали противъ князей Острожскихъ и другихъ волынскихъ пановъ за землю кіевскую и овладѣли было кіевскимъ замкомъ. Воспользовавшись военными снарядами, они обратились и къ владѣніямъ замковымъ. Тогда они, съ своимъ войсковымъ писаремъ Иваномъ Гренковичемъ, напали и на Межигорье и, въ жаркомъ спорѣ съ игуменомъ, избили его, изорвали и Баторіеву пергаментную грамоту, данную 1580 года на охраненіе монастыря. Черезъ годъ послѣ этого происшествія, Бобриковичъ перемѣстился въ Вильну, гдѣ былъ впослѣдствіи игуменомъ и ректоромъ свято-духовскаго братскаго монастыря, а въ 1633 году, при коронаціи Владислава, избранъ и утвержденъ въ епископы мстиславскіе.

Вскорѣ по отбытіи его изъ Межигорья настала печальная година великаго ущерба для православной митрополіи кіевской, оставшейся на цѣлую четверть вѣка безъ православнаго митрополита, а на нѣсколько лѣтъ и безъ своихъ епископовъ. Виною тому была бѣдственная для западной Руси и для всего польскаго королевства

церковная *унія*, провозглашенная 1596 года на брестскомъ соборѣ и запечатлѣнная такъ взаимными проклятіями — *унитовъ*, передавшихся римскому костелу, и *неунитовъ*, оставшихся вѣрными своему древнему православію восточному. Во главѣ послѣднихъ былъ князь К. К. Острожскій, воевода кіевскій, подавшійся на гражданскую унію люблинскую, но потомъ бывшій великимъ ревнителемъ православія и просвѣщенія южно-русскаго и противникомъ брестской церковной уніи, такъ насильно и нечестно введенной королемъ Жигимонтомъ III-мъ, подъ руководствомъ іезуитовъ.

Въ тѣ поры и Межигорье подверглось новому запустѣнію, при игуменѣ *Іосифѣ Герасимовичѣ*, бывшемъ тутъ съ 1595 года. Святопамятный князь Острожскій присылалъ въ 1598 году напоминательный листъ своему воеводскому намѣстнику Мышкѣ-Холоневскому о чиненіи справедливости игумену Іосифу отъ подданыхъ кіевскаго замка; а къ слѣдующему году онъ назначилъ въ Межигорье новаго игумена, старца *Аѳанасія*. Съ его пришествіемъ начинается новая, лучшая жизнь Межигорья, по которой оно и достопамятно въ бытописаніи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Игуменъ Аѳанасій родомъ былъ изъ Москвы. Еще отрокомъ приведенный въ южно-русскую землю, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, онъ воспитался при князѣ Острожскомъ; постриженіе въ иноки принялъ отъ схимника Варсонофія; а на игуменство межигорское прибылъ въ Кіевъ 25-го января 1599 года, съ двумя иноками, Флавіаномъ и Коментаріемъ. И стало собираться къ нему множество братіи, „яко къ нѣкоему цвѣтнику пчельный рой,“ по выраженію современника, и межигорская обитель, прожившая шесть вѣковъ бытіемъ малымъ и прерывистымъ, процвѣла быстро; и вскорѣ стала она для кіевской Руси второю лаврою, какъ обитель преподобнаго Сергія для Руси московской.

Аѳанасій пришелъ на игуменство межигорское, какъ уже сказано, по назначенію князя Острожскаго, отъ котораго даны были ему утвердительные листы (1599 и 1600 г.). Когда же въ 1608 году скончался святопамятный воевода кіевскій, тогда Аѳанасій испросилъ королевскую грамоту, данную ему 1609 года на пожизненное игуменство и на возстановленіе межигорскаго монастыря; а вслѣдъ за тѣмъ онъ позаботился и объ утвержденіи здѣсь

ставропигіи, на которую и получена была въ 1610 году грамота Матѳея архіепископа мирликійскаго, экзарха патріаршаго престола константинопольскаго. Въ ту пору были уже построены въ Межигорьи двѣ новыя церкви: Петропавловская на вратахъ и Никольская съ трапезою; а въ 1611 году окончена была и соборная церковь во имя св. Спаса. Тогда призванъ былъ въ Межигорье болгарскій софійскій архіепископъ Неофитъ, который освятилъ новыя церкви и весь монастырь 21-го апрѣля 1612 года. Возобновитель Межигорья въ ту пору занемогъ; призвалъ духовнаго отца своего схимника Варсонофія и принялъ отъ него схиму съ именемъ *Агаѳона;* а 7-го мая, въ среду преполовенія, скончался. Погребенъ 9-го мая въ притворѣ Спасской церкви, на правой сторонѣ. Вотъ все, что мы знаемъ достовѣрнаго о подвигѣ и жизни блаженнаго Аѳанасія 1).

„Лѣтописецъ о первомъ зачатіи и созданіи густынскаго монастыря" представляетъ Аѳанасія *первоначальникомъ* межигорскія святыя обители, говоритъ о пришествіи его съ Аѳона, повѣствуетъ объ устроеніи монастыря межигорскаго такъ, какъ бы совсѣмъ не было его до 1600 года; но во всемъ этомъ мы видимъ только примѣненіе лѣтописца къ Нестрову сказанію о началѣ монастыря печерскаго. Въ старой памяти, по которой писано начало этого лѣтописца, перемѣшались разныя событія и самое лѣтосчисленіе, такъ что и пріѣздъ патріарха Ѳеофана въ Кіевъ 1620 года и все его здѣсь пребываніе представлено съ подробностями, которыя несходны съ другими свидѣтельствами современными и болѣе вѣрными.

Преемникомъ блаженнаго Аѳанасія межигорскаго былъ іеромонахъ *Гедеонъ*, родомъ изъ Галича. Королевскую грамоту на *доживотное* или пожизненное себѣ игуменство въ Межигорьи получилъ онъ въ 1613 году. Того же года онъ устроилъ межигорское подворье на Кіево-Подолѣ, возлѣ церкви воскресенской. Къ слѣдующему году относится происшествіе, которое записалъ въ своей книгѣ Петръ Могила, по разсказу митрополита Іова Борецкаго и другихъ. Кіевскій земскій писарь Василій Вороничъ отнялъ было у межигорцевъ рыболовное озеро Косоръ, похваляясь на нихъ строгими угрозами. Во избавленіе отъ новаго врага игуменъ Гедеонъ

1) Изъ синодика межигорскаго, описаннаго въ 1625 года, повелѣніемъ игумена Коментарія, и изъ современныхъ актовъ.

назначилъ для всей братіи постъ и моленіе въ соборной церкви, съ поклонами утромъ, въ полдень и вечеромъ. Тогда сильно заболѣвшій Вороничъ прислалъ звать къ себѣ игумена съ братіей, исповѣдалъ передъ ними свой грѣхъ, возвратилъ озеро, отдавъ имъ и сѣти и пищу, привезенныя для его рыболововъ. (Вскорѣ послѣ того кіевскіе паны Вороничи основали сами монастырь надъ Днѣпромъ, возлѣ принадлежавшаго имъ городка Ржищева).

Въ 1617 году Межигорье получило подтвердительную грамоту на ставропигію отъ Іоасафа архіепископа манемвасійскаго, экзарха всего Пелепонеса. А въ великій постъ 1620 года прибылъ въ Кіевъ возвращавшійся изъ Москвы іерусалимскій патріархъ Өеофанъ. Достопамятно въ нашей исторіи тогдашнее пребываніе его въ Кіевѣ, и особенно возстановленіемъ православной кіевской митрополіи, которое совершилъ онъ въ томъ году по всеобщему желанію здѣшняго народа и по особенному настоянію козацкаго гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, воспитавшагося въ училищѣ Острожскаго и явившагося подъ конецъ жизни своей великимъ ревнителемъ православія и просвѣщенія южно-русскаго. Имена патріарха Өеофана и гетмана Петра, неразлучны и въ благодарной памяти кіевскаго богоявленскаго братства, въ которомъ до нынѣ хранятся два креста, отъ нихъ данные.

Весною того года патріархъ посѣщалъ Межигорье, и своею грамотою подтвердилъ вновь ставропигію здѣшнему монастырю. Въ бесѣдѣ съ братіей, онъ расказывалъ объ огнѣ, сходящемъ на гробъ Господній передъ свѣтлымъ Воскресеніемъ; и межигорцы передали патріаршій разсказъ въ общее свѣденіе, окружнымъ писаніемъ.

По сказанію лѣтописца густынскаго, игуменомъ межигорскимъ былъ въ это время Исаія Копынскій, котораго за нѣсколько лѣтъ упросила къ себѣ здѣшняя братія, на мѣсто сверженнаго ею съ игуменства Гедеона—„не вомѣстимъ бо бысть братіи;“ когда же Исаія, посвященный Өеофаномъ въ епископы, воротился въ Кіевъ, послѣ проводовъ отсюда патріарха до границы волошской, тогда былъ уже принятъ братіей на игуменство прежній Гедеонъ, а Исаіи отказано на томъ основаніи, что епископъ у нихъ игуменомъ быть не можетъ. Было, конечно, участіе Исаіи Копинскаго и въ управленіи Межигорьемъ; но едва ли со всѣми тѣми подробностями, какія означены въ лѣтописцѣ. Нигдѣ въ монастырскихъ межигорскихъ записяхъ не встрѣтили мы доселѣ и намека о здѣшнемъ

игуменствѣ Исаіи; а королевская грамота Гедеону на игуменство пожизненное должна же была имѣть свою силу для здѣшней братіи. Какъ бы ни было, впрочемъ, но мы видимъ Гедеона опять на своемъ мѣстѣ, на межигорскомъ игуменствѣ, на которомъ и скончался онъ 16-го сентября 1623 года. Погребенъ 18-го сентября въ спасовой церкви, возлѣ предшественника своего Аѳанасія, по примѣру котораго принялъ схиму съ именемъ *Герасима*.

Того же 1623 года выбранъ былъ въ игумены іеромонахъ *Коментарій*, пришедшій въ Кіевъ вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ и съ нимъ подвизавшійся надъ возобновленіемъ обители межигорской. Въ какой народной славѣ уже была она при семъ настоятелѣ, то можно видѣть изъ „Духовныхъ бесѣдъ Макарія Египетскаго,“ изданныхъ въ 1627 году виленскимъ братствомъ.

Въ посвященіи этой книги межигорскому игумену *Коментарію*, сказано: „Не утаивается пре то честное житіе ваше, на версѣ подвиговъ стоячи, хочь вы те съ Анастасіемъ священникомъ бачне укрывати умѣете; не утаится заисте. Многіи бо вѣмъ слышачи о немъ, зъ далекихъ краевъ, одъ Іерусалима и святой Синайской горы, для навѣженья и подражанія житія вашего, приходятъ и зъ вами обитовати зезволяютъ.... Найдешь у васъ штодень коваля съ молотомъ, теслю зъ сокѣрою, и иншихъ мастеровъ зъ розныхъ далекихъ мѣстъ, съ螺 рознымъ начиньемъ, новачихъ съ покорою: отче, роскажи што робити, обѣцалихмося за спасеніе души попрацовати тому святому мѣстцу!“

Игуменъ Коментарій скончался въ началѣ 1630 года, принявъ схиму съ именемъ *Кирилла*.

Съ весны того года пробудилась опять польско-козацкая война, начатая еще запорожскимъ гетманомъ Севериномъ Наливайкомъ, по поводу церковной уніи. Тутъ противъ короннаго гетмана Конецпольскаго, томителя православной кіевской Руси, возсталъ запорожскій гетманъ Тарасъ; и между тѣмъ, какъ онъ нанесъ полякамъ сильное пораженіе подъ Переяславомъ, наемные нѣмцы, остававшіеся безъ мѣста въ своей 30-ти лѣтней войнѣ, промышляли вокругъ Кіева. Послѣ извѣстной, неудавшейся имъ осады печерской лавры, они ограбили пустынно-никольскій монастырь и потомъ обратились на другую сторону Кіева. Лѣтописецъ Львовскій, повѣствуя объ этомъ происшествіи, говоритъ такъ: „На третій день тыи-жъ нѣмцы іорданскій подъ Кіевомъ монастырь пошарпали и

до межигорского монастыря хотѣли штурмовати, лечь ся черпцы постерегли и забѣжали тому. Щожъ, разумѣете, въ якомъ мы страху были, же южъ въ *козацкомъ монастыру*, на который вшитки *(т е. всѣ)* зубами скреготали....“

Межигорскимъ игуменомъ въ ту пору былъ *Стефанъ Борецкій*; но онъ того же года оставилъ игуменство и окончилъ жизнь схимникомъ въ 1532 году. А на его мѣсто въ игумены былъ выбранъ іеромонахъ *Варнава Лебедевичъ*.

Изъ свѣтскихъ лицъ, благотворившихъ Межигорью въ первое тридцатилѣтіе того вѣка, вспомянемъ *Богдана* или *Ѳеодора Стеткевича*, подкомораго мстиславскаго, извѣстнаго своею ревностью о благочестіи и просвѣщеніи. А изъ духовныхъ лицъ межигорцы особенно чтили *Исакія Борисовича*, епископа луцкаго и острожскаго, и долго поминали его имя въ числѣ главныхъ *ктиторовъ* своего монастыря.

(Продолженіе будетъ).

(Кіевск. Еп. Вѣд.).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Объ открытіи въ г. Вильнѣ Общества ревнителей православія въ сѣверо-западномъ краѣ.

14-ое сентября день Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня, было ознаменовано въ г. Вильнѣ открытіемъ перваго собранія членовъ «общества ревнителей православія и благотворителей въ сѣверо-западномъ краѣ», которое, по утвержденіи устава, хотя и открыло свои дѣйствія 23 апрѣля, но, въ силу § 27 устава, до достиженія числа дѣйствительныхъ членовъ въ краѣ до 100, не могло учредить совѣта общества, а поручило веденіе дѣлъ временному комитету , подъ прудсѣдательствомъ преосвященнаго Іосифа, епископа ковенскаго.

Открытіе настоящаго собранія послѣдовало по окончаніи божественной литургіи въ домовой церкви генералъ-губернаторскаго дома, совершенной соборнѣ съ духовенствомъ его высокопреосвященствомъ Макаріемъ, архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ. Совпаденіе особенно дорого намъ,

православнымъ восточнымъ христіанамъ, празднества Воздвиженія креста, вмѣстѣ съ открытіемъ полныхъ дѣйствій «общества ревнителей православія», а равно истинный смыслъ и значеніе той ревности христіанской, которая должна отличать и украшать предстоящую дѣятельность этого общества, умилительнымъ образомъ изъяснены въ высоко краснорѣчивой нижеслѣдующей рѣчи архіепископа Макарія.

Рѣчь архіепископа Макарія.

Ревность дому Твоего снѣде мя. Іоан. 2, 17.

Христосъ—Спаситель нашъ, первый проповѣдникъ той истинной православной вѣры, которую мы исповѣдуемъ, былъ вмѣстѣ и первымъ ея ревнителемъ. Эта ревность о насажденіи, распространеніи и утвержденіи ея на землѣ, ревность о славѣ Божіей и о спасеніи людей снѣдала Его всю Его земную жизнь, во все время Его общественнаго служенія; она же возвела Его и на крестъ. На крестѣ своею божественною кровію Христосъ не только примирилъ Бога съ человѣчествомъ, но вмѣстѣ засвидѣтельствовалъ и запечатлѣлъ свою ревность о ней.

Братіе! крестъ Христовъ, воздвигаемый нынѣ торжественно предъ нами и предъ лицемъ всего міра православною церковію, напоминаетъ намъ объ одной изъ самыхъ существенныхъ нашихъ обязанностей — объ обязанности быть ревнителями той вѣры, о которой столько ревновалъ самъ Христосъ,—ревнителями православія.

Ревность о православіи—это прямой, естественный и неизбѣжный плодъ нашей вѣры въ православіе, нашей любви къ самимъ себѣ и ближнимъ, нашей любви къ Богу. Если мы искренно вѣруемъ, что православіе есть чистѣйшая божественная истина, данная для нашего спасенія, то мы не можемъ не дорожить этою истинонею, можемъ не любить ее, и слѣдовательно не можемъ не желать и не заботиться, чтобы не только намъ самимъ содержать ее во всей цѣлости и достойно, но чтобы и другіе принимали ее и содержали достойно. А въ этомъ-то желаніи, сердечномъ и пламенномъ, въ этой-то заботливости и состоитъ ревность о православіи. Если мы любимъ самихъ

себя и ближнихъ похристіански; если мы не сомнѣваемся, что высшее благо, какого мы можемъ желать себѣ и ближнимъ, есть вѣчное спасеніе; если не сомнѣваемся, что прямой путь къ вѣчному спасенію, путь безъ всякихъ уклоненій и опасностей, указываетъ людямъ только православная вѣра: то какъ же намъ не ревновать о православіи, какъ не стараться всѣми мѣрами, чтобы оно болѣе и болѣе распространялось между людьми и усвоялось ими? Если мы любимъ Бога, какъ учитъ насъ евангеліе, *всѣмъ сердцемъ и всею душею;* если мы убѣждены, что правильному богопознанію, безъ всякихъ заблужденій человѣческихъ, правильному Богочтенію и совершеннѣйшему прославленію имени Божія учитъ людей только православная вѣра: то естественно ли намъ не желать всѣмъ сердцемъ и всею душою, да распространяется свѣтъ православія, а съ нимъ и свѣтъ славы Божіей, по лицу всей земли, между всѣми народами? Быть православными, дорожить своею вѣрою, любить Бога, ближнихъ и себя и не ревновать о православіи — невозможно. А если мы, считаясь православными, показываемъ холодность къ своему исповѣданію и безразличіе въ дѣлахъ вѣры: то это несомнѣнный знакъ, что или нѣтъ въ насъ живой и твердой вѣры въ достоинство православія, или нѣтъ въ насъ живой и пламенной любви къ Богу, ближнимъ и самимъ себѣ, или нѣтъ въ насъ ни живой вѣры, ни пламенной любви.

Но, чада православія, не всякая ревность о немъ — ревность истинная; иногда она можетъ заблуждаться. Истинною она бываетъ только тогда, когда вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ высокимъ началамъ, изъ которыхъ проистекаетъ она, началамъ христіанской истины и христіанской любви. Ревность эта прежде всего, — ревность разумная, просвѣщенная, а не слѣпая, не фанатическая. Она знаетъ, въ чемъ состоитъ православіе, что въ немъ существенное и несущественное; знаетъ духъ православія и какъ надобно дѣйствовать сообразно съ этимъ духомъ, чтобы не оскорбить его, не унизить. Ревность эта—ревность чистая, искренняя, непритворная и несвоекорыстная, не фарисейская. Она имѣетъ въ виду одно—славу Божію,

спасеніе человѣческихъ душъ, торжество православія, а не личныя выгоды человѣка, не его честь и славу. Ревность эта — ревность любвеобильная, терпѣливая, снисходительная. Какъ ни пламенно она желаетъ успѣховъ православію, но для этихъ успѣховъ употребляетъ всегда должныя мѣры кротости, убѣжденія, любви и никогда не допускаетъ насилія и преслѣдованій. Какъ не высоко ставитъ она православіе въ ряду другихъ вѣрованій, но никогда не посягаетъ на стѣсненіе совѣстей и всегда отличается вѣротерпимостію.

Рѣчь моя — къ вамъ особенно, достопочтенные члены недавно открывшагося въ нашемъ краѣ «общества ревнителей православія!» Видите ли, на какое святое дѣло рѣшились вы по собственному желанію? Видите ли, каковъ долженъ быть характеръ вашей благочестивой дѣятельности? О, да поможетъ же вамъ Господь помнить всегда, въ чемъ состоитъ истинная ревность о православіи, и оставаться ей вѣрными! И да благословитъ Онъ всѣ наши начинанія и труды во славу Его пресвятаго имени, для спасенія человѣческихъ душъ и для торжества, для полнаго торжества православія въ здѣшнемъ краѣ. Аминь.

Не касаясь формальныхъ постановленій засѣданія, которыя, конечно войдутъ въ текстъ журнала перваго общаго собранія и будутъ помѣщены, на основаніи устава, въ мѣстномъ органѣ, а равно и подробностей образованія совѣта общества, учрежденіе котораго расширяетъ и упрочиваетъ полезную дѣятельность онаго,—прилично въ этотъ торжественный и важный для общества день возсоздать въ памяти членовъ онаго, въ краткомъ изложеніи, порядокъ образованія общества, можетъ быть, не всѣмъ извѣстный, и вспомянуть добрымъ словомъ объ истинно полезной и неутомимой дѣятельности нѣсколькихъ лицъ, благодарная память о скромной дѣятельности которыхъ не можетъ изгладиться временемъ и не должна заслониться ожидаемыми успѣхами общества въ будущемъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1860 года, впервые поднятъ былъ вопросъ объ учрежденіи въ Вильнѣ такого общества, которое, тщательно изучая общія нужды право-

славной церкви въ сѣверо-западномъ краѣ и изслѣдуя частныя потребности отдѣльныхъ храмовъ, приняло бы на себя подвигъ ревности христіанской и удовлетворяло тѣ нужды какъ нравственнымъ участіемъ и матеріальными приношеніями своихъ членовъ, такъ особенно возбужденіемъ сочувствія къ этимъ нуждамъ въ православномъ населеніи внутренней Россіи.

Мысль эта нашла отголосокъ въ средѣ благотворителей московскаго общества, благодаря горячему содѣйствію предсѣдательницы московскаго комитета раненыхъ, Прасковьи Ильиничны Чепелевской, съ рѣдкою настойчивостью и неоцѣненнымъ усердіемъ заботившейся о скорѣйшемъ учрежденіи этого общества. Составленіе проекта устава поручено было состоящему въ распоряженіи главнаго начальника сѣверо-западнаго края, Леониду Александровичу Спичакову.

Сколько извѣстно, главнымъ основаніемъ при составленіи устава общества служилъ приготовленный въ то время проектъ предположеннаго общества ревнителей православія въ Москвѣ, составленный Л. А. Спичаковымъ еще въ 1867 году, съ благословенія почившаго *Филарета* митрополита московскаго, разсмотрѣнный нѣсколькими епископами въ сѣверо-западномъ краѣ и новочеркасскимъ архіепископомъ *Платономъ*, отнесшимся съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ къ мысли объ учрежденіи общества и давшимъ ему названіе «общества ревнителей православія.»

По составленіи проекта устава общества въ томъ видѣ, какъ онъ утвержденъ нынѣ, и по разсмотрѣніи онаго почившимъ митрополитомъ литовскимъ *Іосифомъ*, благословившимъ вовникновеніе этого общества,—приступлено было къ подписи онаго учредителями въ Вильнѣ и Москвѣ, и затѣмъ уже проектъ представленъ былъ главнымъ начальникомъ края г-ну министру внутреннихъ дѣлъ, который, по разсмотрѣніи и одобреніи святѣйшимъ сунодомъ, утвердилъ 26 марта.

Такимъ образомъ, спустя десять мѣсяцевъ послѣ появленія благой мысли объ учрежденіи «общества ревнителей православія», оно уже окончательно организовалось и могло ввѣрить управленіе избранному изъ среды своей совѣту,

состоящему нынѣ, кромѣ предсѣдателя, по силѣ устава, высокопреосвященнѣйшаго Макарія, архіепископа литовскаго и виленскаго, изъ десяти избранныхъ лицъ: 1) епископа ковенскаго Іосифа, викарія литовской епархіи (предсѣдательствующаго), 2) ректора литовской семинаріи, архимандрита Евгенія, 3) Екатерины Васильевны Потаповой, 4) Захара Степановича Манюкина, 5) князя Петра Романовича Багратіона, 6) Помпея Николаевича Батюшкова, 7) протоіерея Антонія Ивановича Пщолко, 8) Ивана Алексѣевича Шестакова, 9) Александра Максимовича Дрекякина и 10) протоіерея Виктора Ивановича Гомолицкаго. Обязанность казначея принялъ на себя членъ общества, Александръ Ардаліоновичъ Левшинъ, а секретаремъ общества по избраніи предсѣдательствующаго Іосифа, епископа ковенскаго, приглашенъ Петръ Михайловичъ Твердохлѣбовъ.

Съ учрежденіемъ совѣта общества, временный комитетъ, представивъ отчетъ о своей дѣятельности общему собранію, передалъ въ распоряженіе совѣта образовавшуюся отъ членскихъ взносовъ сумму, 1205 р. 66 коп., и разныя церковныя принадлежности подробно обозначенныя въ отчетѣ. Кратковременная дѣятельность временнаго комитета, сосредоточивавшагося главнымъ образомъ на извѣщеніи посредствомъ печати и писемъ объ открытіи общества и на перепискѣ со вновь поступившими членами общества, не осталось однако безслѣдною какъ въ отношеніи увеличенія числа дѣйствительныхъ членовъ общества, дошедшаго до 128, и членовъ ревнителей до 107, такъ особенно въ отношеніи пожертвованій, сдѣланныхъ обществу и полученныхъ для него черезъ посредство Екатерины Васильевны Потаповой, успѣвшей обратить благосклонное вниманіе Ея Императорскаго Величества, Государыня Императрицы, Всемилостивѣйше пожаловавшей денежный взносъ, въ подкрѣпленіе средствъ «общества ревнителей православія», и благоволившей пожертвовать въ даръ виленскимъ церквамъ четыре бархатныхъ ковра. Не менѣе сочувственно отнеслись къ полезной дѣятельности общества московскіе граждане, А. М. Постниковъ, А. А. Александрова, С. Н. Долговъ и другіе, принесшіе въ даръ немало цѣнныхъ вещей отъ себя

лично и чрезъ посредство московскаго комитета «общества ревнителей православія», состоящаго подъ председательствомъ Прасковьи Ильиничны Чепелевской.

«Общество ревнителей православія», поставивъ священною своею обязанностію стремленіе къ достиженію цѣлей, ясно опредѣленныхъ въ уставѣ онаго, и не переставая содѣйствовать всѣми зависящими отъ него мѣрами многочисленнымъ православнымъ братствамъ въ сѣверо-западномъ краѣ къ ихъ преуспѣянію, конечно, будетъ содѣйствовать къ объединенію русскихъ православныхъ людей между собою, столь необходимому для успѣшнѣйшаго противодѣйствія всему враждебному по духу и вредному по направленію для православной церкви, и упрочитъ матеріальныя свои средства, увеличеніемъ числа членовъ и помощью отъ комитетовъ своихъ: образованнаго въ Москвѣ и ожидаемыхъ въ другихъ городахъ Россіи.

Учрежденное по благословенію и совѣтамъ достоуважаемыхъ іерарховъ церкви русской, почтенное Высочайшимъ участіемъ Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы, общество теперь нуждается только въ искренности дѣйствій, въ горячемъ сочувствіи къ цѣли и въ усердіи къ дѣлу своихъ членовъ, сознательно и по вліянію души и сердца принявшихъ на себя высокое христіанское званіе—*ревнителей православія*. *(Вил. Вѣст.)*

Обозрѣніе главнымъ начальникомъ края училищъ въ Минской губерніи.

Главный начальникъ края, какъ сообщаетъ минская дирекція народныхъ училищъ, при обозрѣніи Минской губерніи въ минувшемъ августѣ, посѣтилъ, 8-го числа, несвижское приходское училище, гдѣ, проэкзаменовавъ учениковъ, наградилъ 14 мальчиковъ православнаго исповѣданія краткими молитвословами, а одиннадцати мальчикамъ римско-католическаго исповѣданія роздалъ, по одному экземпляру каждому, «молитвы для учащихся римско-католическаго исповѣданія».

9-го числа того же мѣсяца, прибывъ въ мѣстечко Миръ, г. главный начальникъ края посѣтилъ мирское народное учи-

лище и женскую при немъ смѣну, гдѣ находилось 35 мальчиковъ и 30 дѣвочекъ. Предварительно, бывши въ церкви, его превосходительство предложилъ стоявшимъ на клиросѣ пѣвчимъ изъ учениковъ народнаго училища пропѣть: «спаси, Господи, люди Твоя» и за стройное пѣніе благодарилъ поющихъ, затѣмъ, прибывъ въ училище, испытывалъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ знаніи молитвъ и въ русскомъ чтеніи и предложилъ нѣсколько вопросовъ изъ Ариѳметики. На всѣ вопросы ученики и ученицы отвѣчали хорошо, за что всѣ мальчики и дѣвочки получили въ награду отъ его высокопревосходительства по краткому Молитвослову, а три мальчика, отвѣчавшіе бойчѣе другихъ, по одному экземпляру сборника Щербины «Пчела.» Сверхъ того, его высокопревосходительство далъ на-руки наставницѣ женской смѣны 10 большихъ картинъ священнаго содержанія для раздачи въ награду лучшимъ воспитанницамъ смѣны. Взаключеніе, пѣвчими пропѣтъ былъ народный гимнъ «Боже, Царя храни».

Того же числа, прибывъ въ мѣстечко Кореличи, главный начальникъ края посѣтилъ кореличское народное училище. Здѣсь, испытавъ учениковъ въ знаніи русскаго языка, закона Божія, Ариѳметики и пѣнія, роздалъ въ награду всѣмъ, бывшимъ въ то время на-лицо 36-ти ученикамъ, краткіе молитвословы, а тѣмъ, которымъ предложены были вопросы, назначилъ въ награду «Пчелу»—сборникъ Щербины. Въ томъ же училищѣ его превосходительство обратилъ особенное вниманіе на старшаго ученика Лисовскаго, нынѣ поступившаго въ молодечненскую учительскую семинарію.

(Виленс. Вѣст.)

Церковныя собранія у англичанъ.

Мы познакомили читателей съ личностію г. Гаѳерли и тѣмъ высокой важности дѣломъ, за которымъ онъ прибылъ въ Россію. Содѣйствовать сближенію англичанъ съ православною церковію—наша священная обязанность. Наше участіе въ этомъ святомъ дѣлѣ можетъ сопровождаться самыми отрадными послѣдствіями, потому что ни одна страна не представляетъ такой удобной почвы для сѣянія сѣмянъ православнаго ученія, какъ Англія и вмѣстѣ съ нею Америка. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ одной странѣ религіоз-

ные вопросы не пользуются такой популярностію, какъ въ указанныхъ нами; только здѣсь каждый религіозный вопросъ живо интересуетъ общество, привлекаетъ къ себѣ сторонниковъ и противниковъ. Правда, въ одной Англіи столько же различныхъ сектъ, сколько во всей остальной Европѣ; но это указываетъ только на сильно развитое сочувствіе къ интересамъ вѣры, на нравственное томленіе внѣ области истины. Полагаемъ, что нашимъ читателямъ извѣстна въ общихъ чертахъ судьба англійской церкви: сначала британскій полуостровъ слышалъ проповѣдь отъ миссіонеровъ церквей малоазійскихъ и усвоилъ православное ученіе, но съ теченіемъ времени православные восточные обряды были замѣнены р. католическими, а съ X вѣка Англія отдѣлилась отъ православія и по своему ученію. Во время реформаторскаго движенія на западѣ Европы, когда государи и народы усиливались сбросить съ себя тяжелое иго папства и преобразовать церковь, была реформирована и англійская церковь, но это дѣло совершилось не волею самаго народа и клира, а произволомъ короля Генриха VIII. Своеобразныя формы правительственнаго вмѣшательства въ дѣла церкви и отсутствіе строгаго единства въ направленіи произвели страшный безпорядокъ во внутреннемъ строѣ англійской церкви. Триста лѣтъ томились англичане въ неопредѣленномъ положеніи между строгимъ католицизмомъ и протестантствомъ, встрѣчая справедливый укоръ въ непослѣдовательности съ той и другой стороны. Около половины настоящаго столѣтія напряженіе религіознаго чувства, не находя выхода въ нѣдрахъ собственно англійской церкви, обратилось къ чистому протестанству и католичеству. Одновременно съ этимъ въ Англіи начало развиваться сочувствіе къ православію,—и вопросъ о новой реформѣ въ церкви выдвинулся самъ собой. Понятно, что въ настоящее время желаютъ реформы не отъ королевы, но изъ среды самой церкви. На этой почвѣ стоитъ всѣмъ извѣстный пьюзеизмъ, который именно желаетъ найдти средства для церковной реформы внутри самой церкви.

Какъ только въ англійскомъ клирѣ окончательно упрочилось это направленіе, онъ обратился къ такъ называемымъ конвокаціямъ, какъ лучшему средству для рѣшенія обще церковныхъ вопросовъ. Конвокаціи въ исторіи англійской церкви—явленіе не новое; онѣ получили свое начало ранѣе XII вѣка и продолжались до Генриха VIII. Мы считаемъ полезнымъ познакомить читателей

въ общихъ чертахъ съ этимъ весьма интереснымъ явленіемъ въ англійской церкви.

Конвокаціями называются собранія клира, на которыхъ разсужденія идутъ не объ однихъ церковныхъ вопросахъ, но и гражданскихъ. Въ Англіи всѣ сословія призывались съ давняго времени къ исполненію своихъ политическихъ обязанностей; въ этомъ отношеніи и клиръ не составлялъ исключенія, не будучи отдѣльнымъ отъ остальнаго общества сословіемъ, какъ это было до послѣдняго времени у насъ. Аристократія и средній классъ собирались для этого въ парламентъ, первая составляя его верхнюю палату, а второй—нижнюю. Епископы и аббаты монастырей съ своей стороны составляли аристократію и образовали верхнюю палату въ конвокаціяхъ, а низшіе члены причта—нижнюю. Съ XII вѣка эти конвокаціи, или срочныя собранія клира, происходили одновременно съ засѣданіями парламента. Въ XIV вѣкѣ члены конвокацій изъ низшаго клира еще назначались епископомъ, но уже въ XV в. они избираются самимъ низшимъ клиромъ, какъ его представители. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что при такомъ устройствѣ конвокацій, онѣ весьма много содѣйствовали ослабленію іерархическаго единства англійской церкви, раздробляя клиръ на высшій и низшій въ рѣшеніи вопросовъ; но, независимо отъ этого, конвокаціи имѣли весьма важныя послѣдствія для англійской церкви: съ одной стороны онѣ подготовили уничтоженіе папскаго преобладанія, а съ другой дарованіе самостоятельности низшему клиру на конвокаціяхъ полагало прочную основу для развитія въ немъ пресвитеріанскихъ стремленій. Съ Генриха VIII до половины нынѣшняго столѣтія конвокаціи не собирались, но 18 лѣтъ назадъ онѣ снова возникли подъ вліяніемъ религіознаго движенія пьюзеистовъ.

Трудно съ рѣшительностію отвѣтить на вопросъ: могутъ ли и какимъ образомъ могутъ конвокаціи удовлетворить открывшемуся въ англиканской церкви стремленію къ новой реформѣ? Въ настоящемъ видѣ онѣ не имѣютъ того значенія, какое имѣли двѣсти лѣтъ назадъ, потому что имъ не приходится разсуждать о чисто политическихъ предметахъ, а церковные вопросы, которые они поднимаютъ, подвергаются политической процедурѣ. Вся эта власть въ настоящее время сосредоточена въ рукахъ парламента и—засѣданія конвокацій многимъ кажутся рѣшительно смѣшными; тѣмъ неменѣе нельзя не предвидѣть, что конвокаціи въ скоромъ времени

придутъ къ какимъ нибудь опредѣленнымъ результатамъ относительно реформы въ церкви и при установленіи единодушія—онѣ современемъ составятъ такое же важное учрежденіе въ церкви, какими онѣ были двѣсти лѣтъ назадъ. Что касатся до сближенія англичанъ съ православною церковію, то конвокаціи имѣютъ въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе: онѣ служатъ съ одной стороны выразителями общественнаго мнѣнія, а съ другой проводниками въ массу народа того или другаго рѣшенія конвокацій по этому предмету. Въ нынѣшнемъ году въ нижней палатѣ іорской конвокаціи архидіаконъ Чёртонъ предложилъ, чтобы нижняя палата образовала комитетъ съ цѣлію сношеній и содѣйствія существующему комитету нижней палаты кэнтерберійской конвокаціи для установленія общенія съ восточной православной церковію. Онъ развилъ свое предложеніе въ довольно длинной рѣчи, въ которой говорилъ о сочувствіи православной церкви къ англійской. Противъ этого предложенія высказался священникъ Джемсъ Брадслей, который только что возвратился изъ Палестины и указывалъ на то, что тамъ былъ свидѣтелемъ извращенія христіанства, самыхъ темныхъ суевѣрій, положительнаго идолопоклонства и отдалъ на Востокѣ предпочтеніе католикамъ предъ православными. Но противъ Брадслея горячо возсталъ, и уже письменно одинъ свящнникъ города Оксфорда, котораго имени къ сожалѣнію мы не знаемъ. Лично знакомый съ православною церковію, этотъ другъ православія доказалъ Брадслею, что онъ, Брадслей, видѣлъ на Востокѣ слишкомъ мало, чтобы дѣлать такое несправедливое и жестокое сужденіе о цѣлой церкви. Если смотрѣть на массу народа, то кто можетъ быть суевѣрнѣй католиковъ въ Ирландіи и Испаніи? „Если мы желаемъ отдать справедливость восточной православной церкви, говоритъ авторъ письма—оксфордскій священникъ, то мы не должны останавливаться на какихъ нибудь внѣшнихъ случайностяхъ, которыя скорѣе должно отнести къ проявленіямъ національнаго характера, чѣмъ къ проявленіямъ религіознаго чувства. Посмотримъ на ея изначальныя литургіи и ея неповрежденную вѣру и спросимъ, вѣрна ли она вѣрѣ, нѣкогда преданной святыми?"

Какъ бы то ни было, но всѣ эти явленія, всѣ эти споры за и противъ доказываютъ, что вопросъ о сліяніи съ православною церковію сильно занимаетъ извѣстную часть англійскаго общества и духовенства. Если мы присоединимъ сюда тѣ рѣзко выдающіяся

явленія, о которыхъ намъ случалось упоминать прежде: образованіе общества соединенія съ православною восточною церковію, размѣры котораго постоянно увеличиваются новыми членами; изданіе на англійскомъ языкѣ цѣлаго журнала, занимающагося вопросами, которые сюда относятся; недавнюю просьбу во всероссійскій святѣйшій Сѵнодъ, подписанную нѣсколько десятками передовыхъ дѣятелей въ пользу возстановленія православной западной церкви; частныя обращенія англичанъ въ православіе, наконецъ энергическую дѣятельность такихъ высокихъ личностей, каковы Овербекъ, недавно принявшій православіе, не дожидаясь окончанія вопроса, возбужденнаго упомянутой выше просьбою, и Гаѳерли,—если мы сопоставимъ всѣ эти факты съ разсужденіями англійскихъ богослововъ о возможности соединенія англиканской церкви съ православною, то трудно видѣть въ этомъ лишь мимолетное увлеченіе пылкихъ головъ. Нѣтъ, это въ высшей степени сорьезное движеніе, которое только можетъ радовать людей преданныхъ православію и благопріятный исходъ котораго зависитъ сколько отъ продолженія энергической дѣятельности упомянутыхъ выше лицъ, столько же отъ разрѣшенія подписанной ими просьбы въ святѣйшій Сѵнодъ. Мы не сомнѣваемся, что первенствующій соборъ всероссійской церкви поддержитъ всею силою своего священнаго авторитета энергію передовыхъ дѣятелей православія въ Англіи. *(Совр. Лист)*.

Уніятскіе теологи и проповѣдники, въ концѣ 18-го столѣтія и началѣ 19-го.

Весьма подробно и обстоятельно изслѣдована уніятская богослужебная и вообще богословская письменность 16 и 17 столѣтій. Труды Кіевской академіи и Христіанское Чтеніе знакомятъ съ уніятскими богослужебными книгами, изданными послѣ замойскаго собора. Для полноты историческихъ изслѣдованій не лишне обратить вниманіе на богословскую и въ частности на проповѣдническую письменность уніятскую 18 столѣтія.

До 18 столѣтія уніятовъ держали въ черномъ тѣлѣ. Какъ народъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, въ чемъ состоитъ различіе между православіемъ и уніею и исповѣдывалъ ее только потому, что исповѣдывали ее отцы (записки Волынянина у гр. Толстого т. 11 стр. 340); такъ и пастыри явились „кто изъ корчмы, кто изъ панскаго двора, кто изъ войска, по словамъ современни-

ка,“—кто проводилъ время въ праздности, а когда не стало на что ѣсть и во что одѣться и нужда ему шею согнула, тогда онъ начиналъ благовѣствовать, не мысля, что такое благовѣствованіе“ (Библіот. для чт. февраль 1865 г. ст. начало уніи). На одномъ изъ соборовъ полоцкихъ постановлено было, чтобы готовящіеся къ рукоположенію научались у своего протопопа „что такое святая Тройца, сколько таинствъ, въ чемъ состоитъ матерія и форма таинства и—шли бы къ рукоположенію не въ сермягѣ или тулупѣ, а въ приличной одеждѣ (Метрика митроп. Жоховскаго, въ арх. при Св. Сунодѣ).

Весьма распространенная по свидѣтельству Гарасевича пословица: „що попикъ, то типикъ“ также свидѣтельствуетъ о невѣжествѣ бѣлаго уніатскаго духовенства (annales Ecclesiae Ruthenicae).

Въ замѣнъ образованія руководители уніатовъ—іезуиты и базиліане снабжали священниковъ руководствами, при существованіи которыхъ и не умѣвшаго ни читать, ни писать, можно было за попа обрать.

Въ 1703 г. такими руководствами были катихизисы. Каждый священникъ обязанъ былъ имѣть катихизисъ своего архипастыря, понимать его и разъяснять по нему паствѣ церковные догматы. У нѣсколькихъ священниковъ кромѣ катихизиса были учительныя Евангелія и между ними—Евангелія Калиста. (*Примѣч.* Было нѣсколько изд. учительныхъ евангелій: 1606 г. стараніемъ Гедеона Балабана (см. Лѣт. Льв. братства въ журналѣ мин. нар. просв. за 1849 г. ч. 62 стр. 80), изд. 1635 г. Тимоѳея пресвитера Височанъ; пишущій сіе евангеліе въ праздникъ Покрова Пресв. Богородицы научае народъ русскій въ глубокихъ Бесѣдахъ, якъ то Пречиста „Русь нашу въ Кіевѣ“ отъ нашествія татаръ сохранила (слово 1869 г. апр. 2 № 27). Евангеліе Каллиста называется такъ, вѣроятно, по имени издателя Каллиста Дороѳеевича Риторайскаго, настоятеля витебскаго монастыря, который въ 1657 г. посвященъ патріархомъ Никономъ въ епископа полоцкаго (см. Памятн. книжка Вит. губ. 1865 г. стр. 42), изд. луцкое—авторъ Каликстъ или науки по русски евангеліе съ науками на Славянскомъ языкѣ (см. виз. брестской діоцезіи 1818).

Въ 20-хъ г. 18 столѣтія былъ еще Каллистъ Оловяшка архидіаконъ, управлявшій могилевскою епархіей и уничтожавшій тѣ праздники, которые особенно чествовало могилевское братство,

какъ это видно изъ статьи г. Кояловича, напечатанной въ Жур. мин. Нар. Просв. за октябрь 1868 г. на страницѣ 234).

Послѣ замойскаго собора обращено было особенное вниманіе на исправленіе уніятскихъ богослужебныхъ книгъ (см. труды К. Д. А. 1867 г.), а вмѣстѣ съ тѣмъ стали появляться различнаго рода книги, по которымъ уніятскіе священники обязаны были править слово истины. Изъ актовъ ревизіи 1732—35 г. видно, что въ четырехъ уніятскихъ церквяхъ были евангелія польскія, были также въ употребленіи Казаня черниговской печати; Книга о таинствахъ супрасльск. изд.; Каллистово учительное евангеліе—писанное и—виленской печати. Въ благочиніяхъ бобруйскомъ, гомельскомъ, глусскомъ и рогачевскомъ (1751—2 г.) появились „Тестаменты и Казусы“ Кишки. Въ церквахъ б. ошмянского и долгиновского благочиній самою важною изъ всѣхъ книгъ считалось польское евангеліе съ науками и объясненіями Корженевскаго. Встрѣчается также книга подъ названіемъ „Agentka do święcenia wody.“

Въ 1818 и 1819 г. визитаторами отмѣчаются слѣдующія книги: Теологіи: Корончевскаго, Киріатта, Нарольскаго, Антоине, Коранкевича, Поля, Фермеса, Ротаріуша-Бузенбаума, Моншейна, Гута, Войта, (?) Кищинскаго, теологія подъ названіемъ „Вѣнецъ Христовъ“, печати почаевской съ поученіями, Моральная теологія Кульчицкаго, Вуйка, Русское нравств. болословіе епископа Рудницкаго, Канонич. право Щуровскаго, Кольба (на лат. языкѣ), право Каноническое, подъ титуломъ „Миссія Бяльска,“ „Реколлекціи“ Красета, Казусы Кишки и Казусы почаевскіе и „Nauka nowych spowiednikow“ кс. Бржостовскаго и кс. Рыллы. Между пособіями для проповѣдниковъ первое мѣсто занимаютъ Евангелія съ науками Корженевскаго и Нарольскаго; затѣмъ науки почаевскія на русскомъ языкѣ, слово къ народу, науки миссіонерскія и мовы пароxіальныя чрезъ извѣстнаго базиліанина сочиненныя, сравнительно были распространены больше другихъ книгъ. Лучшіе священники имѣли науки къ люду различныхъ авторовъ, какъ то праздничныя и воскресныя науки Нарольскаго, науки къ люду Курженевскаго, Слова Масильона, Ляховскаго, Піотровскаго, Гродзицкаго, Фабіани (въ Клещеляхъ),—Мурчинскаго, Ламберта, Менцинскаго (въ Мельникахъ),—Обѣницкаго, Гиберкорна, Дунина, Линовскаго, Глазинскаго, Поля (въ Жирчицахъ),—Нереловича, Ковалевскаго, Вейхарта, Заховскаго, Рыдзевскаго, Генри, Зеля-

ровскаго, Кендзерскаго, Пильховскаго, Высоцкаго поученія народныя на языкѣ римскомъ, и омиліи Скарги. Изъ другихъ книгъ встрѣчаются слѣд. книги со службою въ день Божьяго Тѣла, книга съ такою же службою въ день Божьяго Тѣла,—Іосафата и скорбящей, книга о Божіемъ Тѣлѣ; и св. Іосифѣ (не Іосафатѣ ли), апографія о Божіемъ Тѣлѣ Zywot'ы SS.; Хроника францисканскаго ордена, Катихизисъ тридентинск. собора; Zywot P. Jezusa, „Хлѣбъ Духовный,“ Книга для молитвъ надъ больными; Пасторалка Вавржинскаго; соборъ тридентинскій и замойскій; Гебдомадоръ, Богогласникъ, Кантычки, Исторія церкви на лат. языкѣ, исторія св. Іоанна по-русски, Огородокъ или житія святыхъ, Сѣмя Слова Божьяго и Агенда почаевскіе.

Самыми необходимыми изъ перечисленныхъ книгъ считались теологіи Кишки, Керончевскаго и Киріака и евангеліе Корженевскаго. Можно было не имѣть напрестольнаго евангелія, лишь бы только б. евангеліе Корженевскаго, священники домашняго образованія, по замѣчанію визитаторовъ, заучивали по нимъ (теологіямъ) уроки и сдавали ихъ экзаменатору своего благочинія, а во время генеральной ревизіи самому визитатору или его спутнику-миссіонеру базиліанину.

М. И.

(Вил. Еп. Вѣд.)

Краткій очеркъ минувшей судьбы и настоящаго религіозно-нравственнаго состоянія прихода Великихъ-Лукъ, Новогрудскаго уѣзда.

Архивъ велико-лукской церкви скуденъ древними документами и актами 1); скуденъ также и преданіями приходъ сей церкви, а потому и предлагаемое описаніе будетъ скудно содержаніемъ. Оно основывается, за исключеніемъ печатныхъ источниковъ, только на сохранившихся въ архивѣ сей церкви передаточныхъ актахъ, благочиннических визитахъ и на немногихъ преданіяхъ, сохранившихся въ приходѣ.

Село Великія-Луки находится въ Новогрудскомъ уѣздѣ. Отстоитъ оно отъ г. Новогрудка въ 70, а отъ г. Минска въ 154 верстахъ. Въ послѣднее время оно было казеннымъ имѣніемъ,

1) Древніе документы и акты велико-лукской церкви еще въ 1770—1772 г. забраны изъ церковнаго архива цпринскимъ благочиннымъ, ясенецкимъ священникомъ Невѣровичемъ.

а прежде составляло собственность римскихъ ксендзовъ виленскаго капитула.

Какъ давно заселена эта мѣстность, по неимѣнію данныхъ, нельзя сказать ничего достовѣрнаго. Впрочемъ, можно полагать, что село это не слишкомъ древне, такъ какъ мѣстность, имъ занимаемая, будучи лѣсистою и песчаною и не имѣя ни рѣки, ни ключевой воды, не могла рано привлечь къ себѣ обитателей. Тутъ была сплошная масса непроходимыхъ лѣсовъ, тянувшихся отсюда къ Пинску, Слониму, Синявкѣ и Ляховичамъ, что показываютъ и названія ближайшихъ селъ и деревень: Подлѣсье, Подлѣсейки и др., и отсюда-то начиналось знаменитое Полѣсье. Въ эти лѣса убѣгали и въ нихъ скрывались окрестные жители во время войнъ и нашествій непріятельскихъ, особенно въ 1660 г., когда русскія войска, подъ начальствомъ князя Хованскаго, долго осаждали Ляховицкій замокъ, эту, по выраженію тогдашняго главнокомандующаго Шереметьева, коробку ляховъ 1).

По преданію, сохранившемуся въ приходѣ, первыми обитателями села Великихъ-Лукъ были переселенцы изъ Псковской области, вѣроятно, изъ г. Великихъ-Лукъ, которые именемъ своего города назвали и новое свое поселеніе. Впрочемъ, на сколько вѣрно это преданіе, опредѣлить трудно; ибо оно не подтверждается никакими документами. По этому не лучше-ли будетъ согласиться въ семъ отношеніи съ мнѣніемъ польскаго писателя Крашевскаго 2), основанномъ на заявленіяхъ древнѣйшихъ польскихъ писателей, что названіе Лукъ произошло отъ того, что въ мѣстностяхъ, носящихъ это названіе, жители занимались преимущественно отдѣлкою луковъ для стрѣльбы.

Село Великіе-Луки въ прежнее время было обширнѣе, чѣмъ теперь. Это подтверждаютъ наименованія разныхъ мѣстностей,

---

1) Стебельскій въ житіи св. Евфросиніи.

Съ селомъ Великими-Луками смежна деревня Гуково. Преданіе говоритъ, что недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь эта деревня, было большое село, но, во время войнъ въ XVII столѣтіи оно сожжено и жители онаго, оставивъ свои жилища, съ семействами бѣжали въ лѣса и тамъ оставались долгое время. Въ селѣ остался только одинъ человѣкъ; когда спокойствіе водворилось, когда война кончилась, то онъ ходилъ по лѣсу и *гукомъ* созывалъ своихъ односельцевъ. Послѣ чего построена существующая теперь деревня и названа Гуковымъ селомъ.

2) Атенаумъ 1847 года.

находящихся вблизи села, какъ-то: Дворище, Ковалевщина и проч. и указывающихъ, что въ тѣхъ мѣстахъ былъ дворъ, жили кузнецы и проч. Сверхъ сего, не далеко отъ Лукъ были заводы 1) стеклянный и желѣзный, и для работъ на нихъ собиралось изъ отдаленныхъ мѣстностей много народа, который въ послѣдствіи, по закрытіи заводовъ, остался здѣсь на всегдашнее жительство. Такимъ образомъ населеніе Лукъ было довольно многочисленно. Если при этомъ возмемъ во вниманіе и то, что въ составъ прихода Великихъ-Лукъ (какъ видно изъ церковныхъ записей) входили деревни: м. Луки, Волька, Богуши, Березки, Рогожица, Млынокъ, Волова, Грабовецъ, Русины, Великое и Малое Городище — и теперь входящія въ составъ сего прихода, и сверхъ сихъ еще Гуково, Гащиловичи и Ольховецъ, принадлежащія теперь къ приходу Голдовичской церкви, Слуцкаго уѣзда; то окажется вполнѣ вѣроятнымъ то преданіе, которое пишущему сіе удалось слышать въ началѣ пятидесятыхъ годовъ изъ устъ восьмидесятилѣтняго старожила, именно, что въ селѣ Великихъ-Лукахъ когда-то были три церкви: православная, фундаментъ коей и въ настоящее время ясно виденъ вблизи теперешней церкви, греческая, находившаяся на восточной сторонѣ улицы, на мѣстѣ которой впослѣдствіи владѣльцы, римскіе ксендзы, построили питейный домъ, и уніатская—маленькая, въ помѣщичьей усадьбѣ этого села. Старожилъ этотъ добавляетъ, что онъ самъ хорошо помнитъ греческую церковь, но сколько онъ помнитъ, богослуженіе въ ней уже не совершалось, а прежде по разсказамъ, которые онъ слышалъ, при ней было три священника.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Луки и окрестныя деревни всѣ были испоконь вѣка и русскими и православными. Это ясно и очевидно;—ясно изъ самаго названія села Луки — нѣкоторыхъ деревень, входящихъ въ составъ сего прихода, какъ-то: Русины, Воля, Березки и проч.,—очевидно изъ того, что и до сего времени хранятся въ здѣшней церкви нѣкоторыя древнія иконы, бывшія въ иконостасѣ старой православной церкви, плащаница большаго размѣра, писанная на деревѣ, крестъ, бывшій запрестольнымъ и проч. Съ достовѣрностію можно полагать, что только съ половины XVII столѣтія унія проникла въ этотъ приходъ;

1) Теперь тамъ ферма Захары, а прежде именовалась эта мѣстность Гуткою, въ 1½ версты отъ Лукъ.

ибо онъ, находясь въ захолустьи, въ лѣсахъ, не могъ подвергнуться на первыхъ же порахъ сильному напору уніатовъ: они должны были прежде обращать свое вниманіе на мѣстности болѣе видныя, находившіяся въ близскомъ разстояніи отъ г. Новогрудка 1). Неохотно поддался народъ здѣшній напору пропагандистовъ уніи, и сіи послѣдніе, кажется, нисколько-бы не успѣли въ дѣлѣ совращенія сего прихода въ унію, если бы за это дѣло не взялись сами владѣльцы здѣшніе, римскіе ксендзы. Они-то чрезъ своихъ прокураторовъ ксендзовъ, завѣдывавшихъ имѣніями и часто посѣщавшихъ оныя для осмотра своего хозяйства, и для рѣшительнаго суда и расправы надъ своими хлопами, и успѣли совратить этотъ приходъ въ унію, дѣйствуя на своихъ крѣпостныхъ всевозможными способами, какіе только позволяло имъ употреблять и тогдашнее правительство, и права владѣльцевъ, и собственное самоправство. Много есть въ приходѣ легендъ и преданій о способѣ и средствахъ, какими совращали здѣшніе владѣльцы своихъ крѣпостныхъ въ унію. Эти способы и средства тѣже самые, которые для этого употребляемы были и въ другихъ мѣстностяхъ, и потому мы не будемъ здѣсь воспроизводить ихъ. Скажемъ только, что приходъ сей крѣпко стоялъ за вѣру отцевъ своихъ; ему дороги были завѣтныя преданія предковъ, святая православная вѣра и ея обрядность; — и ему тяжело было разстаться съ ними. Изнуренный борьбою, онъ преклонилъ потомъ свою выю, уступилъ силѣ, принялъ вѣру, насильно ему навязанную; но все таки хотѣлъ имѣть дорогую для него православную обрядность. И вотъ поэтому то, прихожане лукскіе, будучи уже уніатами, при всей своей бѣдности, собственными средствами поддерживали совершенно ветхую церковь свою, имѣвшую устройство православное, т. е. иконостасъ, жертвенникъ и проч. Владѣльцы -ксендзы съ готовностію желали возвести для нихъ новую церковь—уніатскую, безъ необходимыхъ принадлежностей православныхъ церквей, а прихожане лукскіе, дорожа православнымъ устройствомъ своего храма, единственно ради этого, собственными средствами поддерживали его до тѣхъ поръ, пока это было возможно, пока церковь ихъ не развалилась. Въ 1786 году владѣльцы—ксендзы построили въ Лукахъ новую церковь, по образцу р. католическихъ костеловъ, и такимъ образомъ

1) Стебельскій въ книгѣ „Житіе св. Евфросиніи.“ Мѣстности эти были: Щорсы и Лавришевскій монастырь.

и прихожане лукскіе и новая церковь ихъ, по внѣшнему и внутреннему устройству, стали тогда уніатскими. Но латинскіе пропагандисты не довольствовались этимъ. Совративъ православныхъ въ унію, они теперь уніатовъ стали совращать въ латинство. Для сей цѣли они стали брать отсюда къ себѣ, въ Вильну, прислугу, и вся она возвращалась на родину уже р. католическою. Совращенныхъ въ латинство такимъ способомъ въ 1784 году въ приходѣ лукскомъ было 13 душъ, а въ недавнее время число р. католиковъ простиралось до 300 душъ обоего пола. Откуда-же они взялись? Почти всѣ они совращены въ латинство изъ уніатства въ концѣ прошедшаго и особенно въ началѣ настоящаго столѣтія ксендзами прокураторами. Вотъ что разсказывалъ мнѣ одинъ семидесятидвухлѣтній старожилъ—католикъ 1), при моемъ увѣщаніи его возвратиться къ православію: „такъ, говорилъ онъ, было и прежде; и нашихъ отцовъ римскіе ксендзы убѣждали нѣкогда принять теперешнюю вѣру, но отцы наши не слушали ихъ увѣщаній и оставались твердыми въ православіи. А время тогда было тяжелое,—панщина (барщина) и шараварка съ гвалтами 2) были невыносимыми. И вотъ пріѣзжаетъ изъ Вильны ксендзъ—прокураторъ и собравши ихъ къ себѣ, объявляетъ, что, кто приметъ латинскую вѣру, тотъ не будетъ дѣлать панщины, а только будетъ платить чиншъ и исправлять дороги. На этотъ призывъ малосемейные соглашались, потому что имъ невыносима была панщина, а многосемейные оставались при своей вѣрѣ. Принимавшіе латинство дѣйствительно увольняемы были отъ барщины, а непослушавшіе ксендза—прокуратора должны были отбывать таковую и за себя и за тѣхъ, которые, принявъ латинство, были отъ нея освобождены." Вотъ какъ явилось и распространялось латинство въ приходѣ лукскомъ. Непомѣрное умноженіе въ окрестностяхъ костеловъ и ксендзовъ въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія укрѣпило и утвердило здѣсь латинство, и принесло горькіе плоды: въ 1831 и 1863 г. изъ этой мѣстности, по наговору ксендза м. Новой-Мыши, вмѣстѣ съ нимъ отправлялось *до лясу* нѣсколько крестьянъ р. католиковъ. Правда, въ сороковыхъ годахъ чинимо было разбирательство о совратившихся въ католичество, но оно

1) Матѳей Петровскій, деревни Руспповъ.

2) Шараварка и гвалтъ — видъ барщины въ лѣтнее рабочее время, помимо барщины.

сдѣлано было безъ тщательнаго пересмотра и провѣрки церковныхъ документовъ, а потому, происходящіе отъ православныхъ родителей—прихожанъ лукскихъ и крещенные въ здѣшней церкви, оставлены тогда и до сего времени остаются въ р. католичествѣ. Только нѣкоторая часть ихъ, внявъ голосу истины, возвратилась къ вѣрѣ отцовъ своихъ, возврату остальныхъ въ нѣдра православной церкви, противодѣйствуетъ сильное вліяніе на нихъ ксендзовъ ихъ и другихъ лицъ, фанатически прѣданныхъ р. католичеству. Такъ напр., въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда изъ католическаго семейства деревни Волохвы одинъ членъ присоединился къ православію, а прочіе намѣрены были послѣдовать его примѣру, ксендзъ м. Новой-Мыши П., встрѣтившись съ ними, сталъ осуждать поступокъ присоединившагося, а желавшимъ слѣдовать его примѣру говорилъ, что если они примутъ православіе, то въ загробной жизни будутъ повѣшены вверхъ ногами и будутъ горѣть въ смолѣ. Въ томъ-же мѣстечкѣ проживающій, выгнанный изъ подъ Севастополя, ординаторъ И., о которомъ много писано было въ духовномъ журналѣ „Странникъ" 1), мало ли мѣшалъ и мѣшаетъ тяготѣнію и повороту здѣшнихъ католиковъ къ православію?... Впрочемъ надѣемся, что правое дѣло восторжествуетъ, хитросплетенія лжи поникнутъ предъ непреложною истинною, и, слѣдовательно, здѣшніе обитатели, въ лицѣ своихъ отцовъ уклонившіеся нѣкогда отъ православной вѣры, возвратятся на лоно церкви православной, чтобы успокоиться послѣ вѣковыхъ треволненій.

Таково прошедшее прихода и прихожанъ села Вел.-Лукъ. Каково-же настоящее? Какова теперь, послѣ вѣковыхъ треволненій, религіозно-нравственная сторона этого прихода? Послѣ спасительнаго, мирнаго, Богомъ даннаго, общаго возсоединенія уніатовъ съ православными, въ 1839 году, и этотъ приходъ сталъ православнымъ. Въ 1842 году здѣшніе прихожане изъ вѣдомства ксендзовъ перешли въ вѣдомство государственныхъ имуществъ; стало быть освободились отъ непосредственнаго вліянія римской пропаганды. Въ 1853 г. явилась здѣсь первая церковная школа грамотности, которая въ 1857 г. перешла въ вѣдѣніе палаты государственныхъ имуществъ, а въ 1862 г. — въ вѣдѣніе мин-

1) Странникъ 1868 года ноября отд. I.

ской дирекціи народныхъ училищъ. Такой благопріятный поворотъ обстоятельствъ въ внѣшнемъ положеніи велико-лукскаго прихода благотворно отразился и на внутренней религіозно-нравственной его жизни. Ближайшія наблюденія показываютъ, что здѣшніе прихожане крѣпко придерживаются православія. Главнѣйшія православныя вѣрованія не могла искоренить и унія, и онѣ ревниво оберегаются прихожанами. Обрядовая сторона православія производитъ сильное вліяніе на нихъ. Въ дни воскресные и праздничные они охотно поспѣшаютъ въ храмъ. На лицахъ молящихся свѣтлѣется радость и торжественное умиленіе. Благочиніе, достойное мѣста, священная тишина, порой лишь нарушаемая плачемъ груднаго ребенка, а болѣе шепотомъ задушевной молитвы, покаянными вздохами, поклонами,—умиляютъ душу свидѣтеля этого благоговѣйнаго служенія Богу и невольно заставляютъ его присоединить и свой вздохъ и свою молитву къ общему хору простыхъ, но доступныхъ престолу Божію, молитвенныхъ голосовъ меньшей братіи Христовой.

Въ дни важнѣйшихъ праздниковъ и особенно въ праздникъ храмовой и въ день Новаго года рѣдкій прихожанинъ является въ храмъ Божій безъ какого нибудь посильнаго приношенія для церкви. Одинъ несетъ кусокъ воску, другой свѣчу собственнаго издѣлія, иной горсть льна, иная кусокъ холста, или даже ситцу, или же, наконецъ, двугривенный на молитвы. Люди пожилые, особенно женщины, говѣютъ нѣсколько разъ въ годъ: въ великій постъ непремѣнно всякій, и за тѣмъ въ посты: Рождественскій, Петровъ и Спасовъ. Не бывшихъ у исповѣди, покрайней мѣрѣ, разъ въ годъ, никогда не бывало. Не только взрослые, но и дѣти и старики (которыхъ въ младенчествѣ учили молиться по польски), всѣ знаютъ наизусть главнѣйшія молитвы, какъ то: *Царю Небесный*, *малое славословіе*, *Пресвятая Тройце*, *Отче нашъ*, *Богородице Дѣво*, *Подъ Твою милость*, *Спаси Господи люди Твоя*, *Тропарь храма*, *Со Святыми упокой* и *Достойно*, а равно *Символъ вѣры* и *Десять заповѣдей*; сверхъ сего, кромѣ стариковъ, всѣ почти знаютъ главныя истины вѣры, а нѣкоторые могутъ разсказать событія изъ Новаго Завѣта. Религіозность здѣшняго прихожанина проявляется и во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ семейнаго и земледѣльческаго его быта. Онъ проситъ священника прочитать Евангеліе надъ болящимъ младен-

цемъ своимъ и окропить его святою водою,—освятить новый домъ, безъ чего не рѣшается переходить въ оный для житья, окропить святою водою съ молитвою скотъ и поля его. Въ случаяхъ безведрія, бездождія, падежа скота, они всѣ вмѣстѣ просятъ совершать крестные ходы по селу, деревнямъ и полямъ. Чуть покажется весна, они собираютъ первые цвѣты и, въ день св. Великомученика Георгія, несутъ ихъ въ храмъ Божій для освященія, а по окончаніи лѣта, въ праздникъ Преображенія Господня, спѣшатъ въ церковь съ начатками плодовъ земныхъ. Здѣшній прихожанинъ любитъ посѣщать сосѣдніе храмы въ дни годовыхъ праздниковъ, а иногда путешествуетъ и въ мѣста отдаленныя для поклоненія прославленнымъ святымъ иконамъ. Онъ нетолько строго соблюдаетъ установленные св. церковію посты (исключая отчасти Петрова, въ который во время уніи разрѣшено имъ было не поститься), но очень часто возлагаетъ на себя и добровольные подвиги воздержанія: многіе прихожане, особенно женщины, постятся по понедѣльникамъ; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ничего не ѣдятъ до окончанія литургіи. Не мало есть и такихъ постницъ, которыя по средамъ и пяткамъ великаго поста ничего не вкушаютъ, — и такихъ, кои, поужинавъ въ Великій Четвергъ, ничего не ѣдятъ до Свѣтлаго Праздника, что у нихъ называется *четвергованьемъ*. Вообще нарушеніе поста они считаютъ грѣхомъ весьма тяжкимъ, даже и тогда, когда это дѣлаетъ человѣкъ больной.

Если взглянемъ и на нравственное развитіе здѣшняго прихожанина, то и здѣсь найдемъ много отраднаго: найдемъ, что онъ не любитъ обижать другихъ и самъ не злопамятенъ; неблагодарность онъ считаетъ признакомъ злаго человѣка. Преступныя связи очень рѣдки, какъ это видно изъ церковныхъ записей, по которымъ въ продолженіи 93 лѣтъ значится незаконнорожденныхъ дѣтей 53. Состраданіе къ несчастнымъ развито довольно сильно и потому нищій рѣдко слышитъ здѣсь—„Богъ подастъ,“ но почти всегда получаетъ посильное подаяніе. Случаи воровства здѣсь весьма рѣдки и бываютъ слѣдствіемъ или крайней нужды, или происходятъ въ нетрезвомъ видѣ. Здѣшній селянинъ съ благопокорностію принимаетъ посылаемыя отъ Бога испытанія; онъ часто говоритъ: „да будетъ воля Божія!“ — и безропотно переноситъ постигающія его испытанія. О вѣрности и преданности

его православному русскому царю и говорить нечего: предъ именемъ, предъ изображеніемъ Его онъ благоговѣетъ и свое усердіе и преданность Ему онъ засвидѣтельствовалъ въ 1863 г., нещадно преслѣдуя мятежныя шайки, бродившія почти два мѣсяца около этого прихода. Онъ горячо любитъ своего державнаго Вѣнценосца, называетъ его батюшкою, благодаритъ Бога за Него и молится о Немъ постоянно.

Въ заключеніе прибавляю данныя о степени умноженія народонаселенія сего прихода.

Приходъ села Великихъ-Лукъ, какъ сказано выше, состоитъ изъ тѣхъ же деревень, какія принадлежали къ нему еще въ концѣ прошедшаго столѣтія, но численность народонаселенія въ настоящее время гораздо больше, чѣмъ была тогда.

Такъ въ 1793 году въ приходѣ лукскомъ по вѣдомости значилось дворовъ 177, въ нихъ прихожанъ мужескаго пола 602 и женскаго 592, а всего 1194. Въ настоящее же время въ семъ приходѣ: дворовъ 402, въ нихъ прихожанъ: мужескаго пола 1609 и женскаго 1694, а всего 3303.

Вотъ что показываютъ метрическіе документы сей церкви по годамъ:

	РОДИЛОСЬ.			УМЕРЛО.			Бракосочеталось.
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	
Съ 1775—1780 г.	162	183	345	24	27	51	65 паръ.
— 1781—1790 г.	280	309	589	54	58	112	103 —
— 1791—1800 г.	320	338	658	За эти годы записей не имѣется.			123 —
— 1801—1804 г.	110	118	228				82 —
— 1804—1818 г.	записей не имѣется.						запис. нѣтъ.
— 1818—1820 г.	131	122	253				46
— 1821—1830 г.	344	367	711	240	249	489	169
— 1831—1840 г.	361	408	769	192	204	396	156
— 1841—1850 г.	459	421	880	295	264	559	211
— 1851—1860 г.	513	566	1079	381	390	771	243
— 1861—1868 г.	598	577	1185	361	384	745	276

Изъ числа родившихся въ теченіе 93 лѣтъ было незаконнорожденныхъ 53 души и умершихъ отъ самоубійства, въ состояніи опьяненія, 2 души.

Священникъ Іаннуарій *Наркевичъ*.
(Мин. Еп. Вѣд.)

Кириллъ Терлецкій *).

Между селеніями, Купятича, Почаповымъ и Высокимъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Пинска, найдена на открытомъ полѣ, принадлежащемъ—нынѣ землевладѣльцу *Свѣжинскому*, каменная плита въ $2^1/_2$ арш. высоты и 1 арш. ширины. Славянская надпись говоритъ, что подъ этой плитою погребенъ *Кириллъ Терлецкій*, извѣстный уніатскій епископъ. Время его смерти съ точностію опредѣлить невозможно, потому что, какъ видно изъ надписи на этой плитѣ, литеры, означавшіе годъ, мѣсяцъ и день, или совсѣмъ изгладились отъ времени, или же очень не ясны. Извѣстно, впрочемъ, что *Кириллъ Терлецкій* до конца 1596 г. игралъ одну изъ первыхъ ролей въ исторіи уніи. Такъ въ октябрѣ мѣсяцѣ этаго года онъ присутствовалъ на знаменитомъ брестъ-литовскомъ соборѣ; въ томъ же году, за усердіе къ уніи, получилъ отъ польскаго короля *Сигизмунда III* кобринскій монастырь въ пожизненное управленіе. Стало-быть кончина его послѣдовала въ самыхъ послѣднихъ годахъ XVI столѣтія. *Терлецкій* былъ сначала протоіереемъ и потомъ владыкою въ Пинскѣ, а въ 1585—87 году поступилъ на епископскую каѳедру въ Луцкъ, на мѣсто изгнаннаго изъ Литвы епископа *Іоны Красенскаго*, при которомъ православныя церкри этой епархіи были совершенно раззорены. Здѣсь, какъ говоритъ исторія, *Кириллъ Терлецкій* явился ревностнѣйшимъ защитникомъ православія и неутомимымъ порицателемъ порочной жизни духовенства. Своимъ умомъ, образованіемъ и дѣятельностію онъ обратилъ на себя вниманіе пріѣзжавшаго въ 1589 году, въ Литву, для обозрѣнія

*) Изложенныя здѣсь свѣдѣнія о Терлецкомъ заимствованы нами, большею частію, изъ „Литовской церковной уніи“ М. Кояловича.

митрополіи и исправленія ея дѣлъ, константинопольскаго патріарха *Іереміи II*, который сдѣлавъ его своимъ экзархомъ въ западно-русской православной церкви, поручилъ наблюдать за дѣйствіями всѣхъ іерарховъ, не исключая даже и новопоставленнаго минскаго митрополита *Михаила Рогозы*, и предоставилъ право, въ крайнихъ случаяхъ, судить соборомъ и низлагать ихъ съ каѳедръ. Эта мѣра, вызванная впрочемъ необходимостью, т. е. вслѣдствіе распущенности и испорченности православнаго духовенства, имѣла очень неблагопріятныя послѣдствія для новаго экзарха. Епископы, дѣйствія которыхъ подчинились теперь непосредственному его контролю, стали къ нему во враждебныя отношенія. Напримѣръ, въ томъ же 1589 году львовскій епископъ *Гедеонъ Балабанъ* въ Замостьѣ оклевѣталъ предъ патріархомъ *Кирилла Терлецкаго*, представивъ его жизнь съ самой невыгодной стороны. *Іеремія*, повѣря этимъ показаніямъ, чрезъ протонотарія *Григорія* послалъ къ митрополиту грамоту, въ которой велѣлъ судить *Кирилла*. Съ другой стороны друзья и родственники *Іоны Красенскаго*, а особенно правитель города Луцка, перешедшій изъ православія въ р. католицизмъ, постоянно его преслѣдовали. Послѣдній въ 1591 году, въ праздникъ Пасхи, запретилъ даже совершить ему богослуженіе въ замковой церкви и два дня продержалъ его безъ пищи въ заключеніи. Такое положеніе для православнаго епископа, очевидно, было невыносимо и онъ рѣшился найдти изъ него какой-нибудь выходъ. Вопросъ объ уніи, который еще за 200 лѣтъ предъ тѣмъ временемъ усердно разработывался въ Литвѣ, не могъ не обратить его вниманіе. А тутъ еще іезуиты и луцкій латинскій епископъ *Мацњевскій* подоспѣли къ нему съ разными лестными нашептываньями, — такъ что съ этихъ поръ онъ всей душой предался дѣлу уніи. Сильная опора, какую онъ встрѣтилъ въ королѣ и римско - католическомъ населеніи, дала ему возможность съ полнымъ успѣхомъ вести это дѣло.

Общественное мнѣніе подозрѣваетъ въ *Терлецкомъ* тѣже безнравственныя стороны, какими преисполнена была жизнь современныхъ ему іерарховъ литовско-православной церкви. Но это обвиненіе, безъ сомнѣнія, преувеличено; оно не имѣетъ прямыхъ основаній. На совѣсти *Кирилла* остался только один непростительный грѣхъ, именно тотъ, что онъ подъ конецъ своей жизни также

преданно трудился въ пользу введенія уніи, какъ прежде ревностно служилъ на пользу православной церкви.

Кириллъ Терлецкій былъ родомъ изъ Пинской области и имѣлъ здѣсь свое помѣстье и родственниковъ (Акт. зап. Россіи т. 4, № 149 стр. 210). Преданіе говоритъ, что онъ, доживая послѣдніе дни въ купятичскомъ монастырѣ или въ ближайшемъ монастырскомъ имѣніи, любилъ прогуливаться въ сосѣдней дубовой рощѣ и въ ней завѣщалъ похоронить себя. На чемъ основано это преданіе—неизвѣстно, но оно положительно невѣрно, потому что купятичскій монастырь устроенъ только въ 1629 году новогрудскимъ каштеляномъ *Василіемъ Копцемъ*, по волѣ своей матери *Аполлоніи Волловичъ-Войны*. Вѣроятнѣе предположеніе, что *Кириллъ Терлецкій* умеръ въ своемъ помѣстьи, гдѣ и погребенъ и гдѣ теперь находится каменная плита со славянскою надписью. Мѣсто это, какъ видно по признакамъ, дѣйствительно могло быть покрыто лѣсомъ или садомъ и составлять любимый уголокъ *Кирилла*, гдѣ онъ и завѣщалъ похоронить себя.

(Мин. Губ. Вѣд.)

Изъ Слуцка.

Минувшій праздникъ Пятидесятницы на долго останется въ памяти слуцкихъ жителей. Духовное торжество, какимъ ознаменовался этотъ праздникъ, не скоро уже, вѣроятно, повторится. Къ Тройцыну дню, по случаю престольнаго праздника въ здѣшнемъ монастырѣ, каждый годъ собирается множество богомольцевъ, особенно когда благопріятствуетъ погода; но въ настоящемъ году собралось такъ много народа разнаго званія и пола, какъ никто не запомнитъ. Причиною былъ заранѣе раснесшійся всюду слухъ, что къ Тройцѣ прибудетъ въ Слуцкъ самъ преосвященный минскій Александръ.

Дѣйствительно, его преосвященство прибылъ еще на канунѣ праздника, 7-го іюня, въ половинѣ 12-го часа по полуночи и затѣмъ оставался здѣсь въ теченіи трехъ дней

праздника 1) до самой среды. Отрадно и поучительно было для слуцкой паствы это посѣщеніе архипастыря, который во все время пребыванія своего, ежедневно назидалъ своихъ пасомыхъ и словомъ и священнодѣйствіемъ. Не смотря на утомленіе отъ продолжительнаго пути 2) и на знойную погоду, какая стояла въ то время, его преосвященство въ теченіи трехъ дней сряду самъ служилъ не только литургію, но и всенощное бдѣніе и сверхъ того участвовалъ во всѣхъ крестныхъ ходахъ, которые неоднократно совершаемы были въ монастырѣ.

Въ первый день Тройцы, въ воскресенье, его преосвященство совершалъ божественную литургію въ градскомъ соборѣ; въ понедѣльникъ, по случаю престольнаго праздника, служилъ въ холодной монастырской церкви, гдѣ на литургіи сказалъ высоко-назидательное слово примѣнительно къ празднику. Послѣ литургіи былъ крестный ходъ, при самомъ многочисленномъ стеченіи народа, съ пѣньемъ канона пресв. Тройцѣ. Во вторникъ архипастырь также служилъ въ монастырѣ, въ новоустроенной надвратной церкви, которую тогда же и освятилъ въ честі св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова 3). И при этомъ случаѣ, какъ и вчера, его преосвященство обратился къ предстоящимъ съ словомъ назиданія. Опредѣливъ сначала нравственное значеніе храма и надвратныхъ храмовъ въ частности, архипастырь—проповѣдникъ самымъ нагляднымъ и вразумительнымъ образомъ изло

1) По заведенному съ незапамятныхъ временъ обычаю въ Слуцкѣ св. Тройцы празднуется всегда три дня, и во вторники никто изъ простолюдиновъ не работаетъ.

2) Преосвященный прибылъ въ Слуцкъ не прямо изъ Минска, а по пути изъ Бобруйска, откуда предварительно ѣздилъ еще въ м. Паричи для осмотря мѣстнаго училища дѣвицъ духовнаго званія.

3) Церковь эта освящена во имя св. Іоанна-Богослова съ тою цѣлію, какъ мы слышали, чтобы увѣковѣчить память б. Грозовскаго монастыря, который и по переведеніи въ Слуцкъ именуется *Іоанно-Богословскимъ*.

жилъ вытекающія отсюда обязанности какъ для мірянъ, вступающихъ въ предѣлы монастырской обители, такъ въ особенности для живущей въ обители монашествующей братіи. — По окончаніи литургіи былъ снова торжественный крестный ходъ, въ которомъ приняли участіе, кромѣ монашествующей братіи, всѣ градскіе и ближайшіе сельскіе священно служители слуцкаго благочинія.

Какъ при освященіи храма, такъ и въ предшествовавшія священнослуженія архипастыря церковь была, какъ говорится, биткомъ набита. Кто опоздалъ получасомъ какимъ нибудь послѣ благовѣста, тому уже трудно было пробраться впередъ. Народъ стоялъ какъ стѣна и—замѣчательно—почти всѣ достаивали до конца служенія. Очевидное доказатество, что всѣ и каждый спѣшили въ церковь не изъ одного только любопытства, но и для того, чтобы помолиться вмѣстѣ съ своимъ архипастыремъ и потомъ полулить его святительское благословеніе. Всего отраднѣе было въ это время наблюдать за простымъ народомъ. Съ какимъ благоговѣніемъ каждый взиралъ на служащаго святителя и слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ! А кому не удалось пробиться въ церковь,—съ какою жадною внимательностію онъ смотрѣлъ и, крестясь, присматривался на архипастыря во время крестнаго хода!

Да, торжественно и поучительно наше православное богослуженіе, если оно совершается *благолѣпно и по чину;* но ничего нѣтъ торжественнѣе и величественнѣе въ нашей церковной практикѣ, какъ служеніе архіерейское. Какъ оно ни продолжительно иногда совершается, но эта продолжительность не только не утомляетъ вниманія, напротивъ еще болѣе, кажется, располагаетъ душу къ благоговѣнію и молитвѣ. А это величественно - стройное и музыкальное пѣніе архіерейскаго хора!... кого изъ предстоящихъ оно не въ состояніи привести въ самый высокій духовный восторгъ!

Таковъ именно восторгъ, таково неотразимое душев-

ное впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ трехдневнымъ торжественнымъ священнослуженіемъ у насъ преосвященнѣйшаго Александра въ минувшій праздникъ св. Тройцы. Желая ознаменовать это незабвенное для всякаго торжество, военные и гражданскіе чиновники г. Слуцка единодушно положили соорудить икону св. Александра Невскаго для поставленія въ новоосвященной монастырской церкви, на что, съ соизволенія его преосвященства, тотчасъ же и открыта подписка.

О послѣдствіяхъ подписки и вызывавшей оную благородной и святой мысли мы не применемъ въ свое время сообщить.

11-го іюня, въ 10-ть часовъ утра, его преосвященство отправился въ обратный путь по проселочвой дорогѣ черезъ м. Грозовъ. Но прежде, чѣмъ сѣсть въ экипажъ, архипастырь зашелъ въ холодную монастырскую церковь и приложившись къ мѣстной святыни, преподалъ потомъ благословеніе нарочно собравшимся здѣсь наставникамъ и воспитанникамъ духовнаго училища.

И. М.

(Мин. Еп. Вѣд.)

Расположенность славянъ австрійской имперіи къ русскому языку и къ Россіи.

Письмо изъ Вѣны отъ 21 іюня (3 іюля) 1869 г.

Послѣ цѣлаго ряда моихъ писемъ о славянскихъ дѣлахъ вообще и объ успѣхѣ, дѣлаемомъ русскимъ языкомъ между здѣшними славянами въ особенности, на этотъ разъ мнѣ придется сообщить читателямъ еще одну отрадную новость — это положительное рѣшеніе вѣнскихъ студентовъ-славянъ учиться болѣе усердно по русски и не употреблять другаго языка во всѣхъ собраніяхъ и обществахъ, гдѣ сходятся славяне разныхъ племенъ, и гдѣ до сихъ поръ употреблялся языкъ нѣмецкій. 16 (28) іюня происходило прощальное собраніе славянскихъ студентовъ вѣнскаго университета предъ разъѣздомъ ихъ въ разные

концы славянской земли на каникулярное время. Собраніе это открылъ председатель онаго, г. Гумецкой, рѣчью на русскомъ языкѣ. Въ рѣчи своей ораторъ-поэтъ, указавъ на призваніе западныхъ и южныхъ славянъ служить проводниками просвѣщенія и цивилизаціи съ запада на востокъ и обратно, высказалъ, что славяне достойно сослужили эту службу, но въ награду за то получили лишь порабощеніе и стѣсненіе во всѣхъ своихъ общечеловѣческихъ и національныхъ правахъ. Но теперь, по мнѣнію оратора, настала пора скинуть вѣковые узы и по взаимномъ единеніи всего славянскаго міра добиться возвращенія всѣхъ нарушенныхъ правъ. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ близость полнаго освобожденія все становится виднѣе и виднѣе; самъ воздухъ пропитанъ ароматомъ свободы!.... Послѣ рѣчи прочитано было нѣсколько привѣтственныхъ телеграммъ отъ разныхъ университетовъ и матицъ: изъ Песта, Львова и др. Затѣмъ говорили гг. Августинъ (чехъ) и Лотичъ (сербъ). Каждый изъ нихъ въ своей рѣчи, основываясь на историческихъ данныхъ, выставлялъ заслуги своего народа въ борьбѣ съ противонаціональными интересами и чуждымъ вліяніемъ. Все это, конечно, читателямъ извѣстно изъ тысячи другихъ рѣчей, говоренныхъ на разныхъ митингахъ, въ разныхъ собраніяхъ разными ораторами, а потому о рѣчахъ этихъ я подробнѣе распространяться не стану; но за то остановлюсь на трехъ послѣдующихъ, болѣе замѣчательныхъ по практичности содержанія и по тому восторгу, съ которымъ рѣчи эти были приняты студентами. Видно, и имъ порядочно уже успѣли надоѣсть разныя великолѣпныя фразы, которыя говорить очень легко, но которыя ровно ни къ чему. Онѣ, пожалуй, еще и пригодны на народныхъ митингахъ, воодушевляя необразованную толпу и втягивая оную въ дѣло, затѣянное интеллигенціею; но въ кругу мыслящей и понимающей дѣло молодежи, каковы студенты, должны бы раздаваться лишь такія рѣчи, которыя вели бы *прямо къ дѣлу* и къ практической пользѣ. Таковыми рѣчами и были сказанныя гг. Рогонемъ, словакомъ, председателемъ общества «Татранъ», и Куляндою. Первый изъ нихъ развилъ ту мысль, что хотя у славянъ и обработана болѣе или менѣе литература, но эта литература не есть общеславянская, а только, такъ сказать, мелкіе отдѣлы литературы разныхъ славянскихъ народовъ—

чеховъ, словаковъ, поляковъ и проч. Отдѣлы эти никакъ нельзя назвать славянскою литературою, потому что они не имѣютъ между собою нечго общаго и совершенно недоступны для народа инаго племени. Вотъ откуда, по мнѣнію оратора, вытекаетъ необходимость единства языка, а починъ этой работы долженъ быть сдѣланъ вѣнскими славянами-студентами, ибо Вѣна есть центръ просвѣщенія. Щекотливые чехи при этихъ словахъ г. Рогоня закричали: «ого! ого!», давая тѣмъ, вѣроятно, понять, что не Вѣна есть этотъ центръ. Но г. Рогонь, нисколько не смутясь, будучи до мозга костей проникнутъ своею идеею, продолжалъ свою рѣчь: «Да, господа, Вѣна есть центръ нашей славянской умственной жизни. Сюда собираются учиться молодежь со всѣхъ концевъ земли славянской, вотъ почему на васъ лежитъ и обязанность работать надъ общеславянскими науками и литературою. Но для успѣшнаго исполненія этой работы необхедимо единство языка, и, конечно, этимъ языкомъ долженъ быть языкъ русскій. Я предлагаю, чтобы сначала будущаго года на всѣхъ нашихъ студенческихъ собраніяхъ и комерсахъ всѣ рѣчи иначе не произносились бы, какъ по русски (сильныя рукоплесканія и крики: «слава!» «живіо!»). Необходимо еще, чтобы въ Вѣнѣ основался журналъ, издаваемый на русскомъ языкѣ, который служилъ бы органомъ славянскихъ интересовъ. Есть много способныхъ лицъ руководить этимъ дѣломъ, а въ безвозмездныхъ сотрудникахъ недостатка не было бы. Одна бѣда, нѣтъ для начала предпріятія денегъ! Помощи для этого дѣла намъ неоткуда больше ждать, какъ изъ Россіи вообще и отъ славянскаго комитета въ особенности!» Рѣчь г. Рогоня была принята, какъ я уже сказалъ, съ самымъ живымъ сочувствіемъ. За нимъ говорилъ г. Кулянда по русски. Надо замѣтить, что въ рѣчи своей г. Рогонь отнесся съ словомъ благодарности къ г. Кулявдѣ за то, что послѣдній безвозмездно давалъ уроки русскаго языка въ чешскомъ обществѣ и въ словакскомъ Татранъ». Въ отвѣтъ на эти то слова благодарности и отвѣчалъ г. Кулянда. Тихимъ, скромнымъ, полнымъ любви *къ своему* родному дѣлу голосомъ онъ сказалъ между прочимъ, слѣдующее: „Братья! теорія хороша, но дѣла пока мало. Вмѣсто того, чтобы работать мы часто переливаемъ изъ пустаго въ порожнее и только коверкаемъ великія слова нашихъ славянскихъ па

тріотовъ—Колляра, Шафарика, Кузмани, Штура и другихъ. Мы убѣждены, это правда, что русскому языку суждено быть языкомъ общеславянскимъ, но современная наша работа надъ этимъ дѣломъ возбуждаетъ только насмѣшку нашихъ враговъ. Причина ясна: всякая теорія, не переходя въ дѣйствительность, обнаруживаетъ лишь свое безсиліе. Нѣкоторыя изъ нашихъ вѣнскихъ славянскихъ обществъ сознали нелѣпость нашихъ движеній и таковыя принялись уже за дѣло. Таковы «чешскій академическій полекъ» и словакское общество «Татранъ *)». Этимъ обще-

*) *Примѣчаніе.* На дняхъ я получилъ отъ прагскаго изъ Богеміи библіотечнаго общества, съ просьбой выслать въ даръ для праг ской публичной библіотеки издаваемый мною „Вѣстникъ западной Россіи."

Вотъ это письмо.

Милостивый Государь!

Не разъ обнаруживалось глубокое сочувствіе со стороны русскихъ къ своимъ братьямъ славянскимъ сочувствіе, выражавшееся въ безкорыстныхъ пожертвованіяхъ на пользу послѣднихъ. Это явленіе служитъ намъ лучшимъ залогомъ, что взаимность между славянскими племенами болѣе и болѣе укрѣпляется и что въ будущемъ она принесетъ желанные плоды.

Главная опора для укрѣпленія славянской взаимности неоспоримо заключается въ основательномъ знакомствѣ съ лучшими произведеніями отдѣльныхъ славянскихъ литтературъ, въ знакомствѣ съ газетами и журналами, и особенно русскими.

Такъ какъ намъ извѣстно, что уже многія редакціи русскихъ газетъ и журналовъ доставляютъ по славянской любви безмездно свои изданія разнымъ славянскимъ обществамъ, то мы обращаемся отъ имени академическаго (студенческаго) читательническаго общества въ чешской Прагѣ къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою—присылать благосклонно нашему обществу одинъ экземпляръ издаваемаго вами журнала. Будьте увѣрены, что вашъ даръ принесетъ тѣмъ большую пользу въ нашемъ обществѣ, что довольно значительное число нашихъ членовъ (а ихъ теперь до 1080) занимается славистикою, а между тѣмъ недостатокъ въ русскихъ книгахъ вообще, и въ русскихъ газетахъ и журналахъ въ частности у насъ слишкомъ чувствителенъ.

Принимая во вниманіе при этомъ, что принесенное вами въ даръ ваше изданіе останется навсегда въ библіотекѣ академическаго общества, доступной столь огромному числу читающаго юношества, мы смѣемъ думать, что значеніе вашего пожертвованія будетъ слишкомъ важно и польза слишкомъ существенна.

ствамъ за ихъ работу надъ русскимъ языкомъ провозглашаю, не отъ себя, но отъ исторіи нашихъ стремленій: «Слава!» (громкое «слава!). Я убѣжденъ, что по примѣру ихъ и другія общества сознаютъ, что мы, вѣнскіе студенты, должны первые начать работать надъ всеславянскимъ единствомъ. Примемся же серіозно за дѣло! Тогда со всѣхъ концовъ славянской земли провозглашена намъ будетъ громкая: «Слава!» («слава!»)». Спѣто было какъ послѣ рѣчи г. Рогоня, такъ и въ промежуткахъ между другими рѣчами, нѣсколько народныхъ пѣсень сербскимъ обществомъ «Югъ», и затѣмъ на трибуну вошелъ одинъ

Великодушно извините, если мы позволяемъ себѣ просить васъ о безденежной присылкѣ вашего изданія, наше общество лишено до сихъ поръ достаточныхъ средствъ для пріобрѣтенія довольно для насъ дорогихъ журналовъ русскихъ. Увѣренные въ любви и желаніи добра со стороны русскихъ своимъ братьямъ, мы надѣемся, что встрѣтимъ высокую поддержку, и наша покорная просьба будетъ исполнена, тѣмъ болѣе, что цѣль наша студентовъ чешскихъ образоваться въ духѣ славянскомъ.

Выражая еще разъ надежду въ исполненіи нашей просьбы, честь имѣемъ быть, милостивый государь ваши покорнѣйшіе слуги.

От имени общества академическаго въ Прагѣ дня 13 октября 1869 г. *В. А. Шрутъ.*

завѣдывающій газетнымъ отдѣломъ.

Въ удовлетвореніе этой просьбы пражскихъ чеховъ, я выслалъ имъ нижеслѣдующія книги:

1) Вѣстникъ западной Россіи съ 1862 г. по 1869 г. (79 книжекъ).

2) Непогрѣшимость папъ. 5 экз.

3) Вѣротерпимость папъ. 5 экз.

4) Три слова въ память св. Кирилла и Меѳодія. 1 экз.

5) О русской правдѣ и польской кривдѣ. 1 экз.

6) О первомъ литературно-умственномъ движеніи русиновъ въ Галиціи со временъ австрійского владѣнія въ той земли. 1 экз.

7) Освященіе р.-катол. костела въ м. Ляховичахъ Минск. губ. Слуцк. уѣз. въ православную церковь. 1 экз.

8) Кіевскій народ. календарь на 1869 съ картой Евр. Россіи 1 экз.

9) Кто былъ первый Лжедмитрій. 1 экз.

10) Сходство и разница ученія православной и римской церкви. 1 экз.

11) Краткое руководство къ географіи Россійской имперіи. 7 экз.

12) Іоасафатъ Кунцевичъ. 15 экз. и

13) Исторія Польши. 10 экз.

изъ здѣсь живущихъ русскихъ, г. Энгалычевъ, и сказалъ слѣдующее: «Со времени перваго славянскаго съѣзда, бывшаго въ Прагѣ въ 1848 году, уже сознана была необходимость принять какой-либо изъ числа славянскихъ языковъ за языкъ общеславянскій. Послѣ многихъ споровъ и пререканій, продолжающихся отчасти, къ сожалѣнію, и до сего времени, окончательно рѣшено, что языкомъ общеславянскимъ долженъ стать языкъ русскій и служить дѣлу объединенія славянскихъ науки и литературы и для взаимныхъ сношеній славянъ—словесныхъ и письменныхъ между собою. Окончательно это рѣшеніе принято на второмъ славянскомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Москвѣ въ 1867 г. по случаю этнографической выставки. Съ тѣхъ поръ разными славянскими обществами и кружками, а также и отдѣльными личностями многое уже сдѣлано на этомъ полѣ; но впереди работы еще болѣе, пока славяне не достигнутъ той цѣли, осуществленіе которой возможно лишь при полномъ усвоеніи славянскою интеллигенціею русскаго языка. Какая же это цѣль, и къ чему ведетъ ея достиженіе?—Вотъ вопросы, которые многимъ представляются неясными, смутными, а иными вопросы эти и вовсе превратно понимаются. Чтобы, хотя отчасти, разъяснить ихъ, я и рѣшился сказать нѣсколько словъ въ сегодняшнемъ собраніи славянскихъ студентовъ. Западные славяне раздѣлены на многія племена, говорящія разными нарѣчіями. Каждое изъ этихъ племенъ крѣпко и вселюбовно привязано къ своей народности, подъ которою славяне понимаютъ охраненіе своихъ обычаевъ, своего языка и своего существованія противъ напора чуждыхъ стихій, готовыхъ всякую минуту поглотить ихъ. Народность есть девизъ западныхъ славянъ. Народность эта послужила славянамъ и на пользу, давши имъ возможность дѣйствительно сохранить свое индивидуальное существованіе; но она же много и зла причинила славянскому единству, будучи понята лишь въ вышеприведенномъ смыслѣ. Такъ, она сдѣлала то, что разорвала литературную связь словаковъ съ чехами, хорватовъ съ словенцами и послѣдователей Вука довела до забвенія всѣхъ преданій родной литературы. Понятая только въ такомъ смыслѣ, идея народности, т. е. въ смыслѣ права охраненія языка, права охраненія обычаевъ, права быть управляемыми отдѣльно, такая идея народности, по выраженію извѣстнаго знатока

славянства, русскаго писателя Гильфердинга, есть что-то внѣшнее, отрицательное. Это форма безъ положительнаго содержанія. Славяне только и сохранили эту видимую форму славянской стихіи, но такая идея народности не могла принести имъ сознанія необходимости общеславянскаго единства. Это сознаніе могло бы быть дано имъ лишь тождественнымъ началомъ нравственныхъ и общественныхъ интересовъ. Отсюда раздѣленіе и въ литературномъ отношеніи на 8 или на 10 отдѣльныхъ славянскихъ литературъ, совершенно чуждыхъ другъ другу. Сравнимъ нѣмцевъ съ славянами. Германія, будучи еще такъ недавно (а отчасти и теперь) раздѣлена на множество отдѣльныхъ государствъ, народы которыхъ говорятъ болѣе чѣмъ на 30 различныхъ областныхъ нарѣчіяхъ, изъ коихъ многія гораздо болѣе непоняты другъ другу, чѣмъ нарѣчія славянскія, живетъ однако общею духовною жизнію и имѣетъ одну общую нѣмецкую литературу и науку. Славяне же, имѣя столько общаго между собою, подарили 8 или 10 литературъ, въ которыхъ очень мало произведеній оригинальныхъ, а если и попадаются таковыя, то они по большей части оригинальны лишь по формѣ, но не по духу и даже не по содержанію. Научныя же сочиненія запечатлѣны лишь аналитическою ученостію. Больше же всего обращена забота славянъ на переводы съ нѣмецкаго въ виду того, чтобы дать возможность народу знакомиться со всѣми родами человѣческихъ знаній на своемъ родномъ языкѣ и не ставить его въ необходимость нѣмечиться для того, чтобы получить образованіе. Но это опять только форма: народъ все таки питается нѣмецкимъ духомъ и заражается отвлеченностію и педантизмомъ, которыми пропитана нѣмецкая наука. Переработать же только ея результаты безъ провѣрки ея метода, конечно, невозможно! Соперничать съ могущественною работою Германіи въ дѣлѣ науки и литературы славяне не могутъ по той простой причинѣ, что силъ на это соперничество каждаго отдѣльнаго племени не достанетъ: тутъ потребна соединенная работа всѣхъ славянъ, работа, производящаяся на одномъ языкѣ. Пока славянскою интеллигенціею не усвоится языкъ русскій, дабы соединить ихъ умственную работу съ таковою же русскою, до тѣхъ поръ они останутся порабощенными, разсѣянными, разъединенными и до тѣхъ же поръ они не перестанутъ служить чуждымъ

интересамъ и питать собою чуждую жизнь. Когда же это желанное соединеніе воспослѣдуетъ, тогда мы не только смѣло можемъ соперничать съ Германіею, но, не нуждаясь болѣе въ ней, будемъ въ состояніи стать съ нею рядомъ и рука объ руку идти во служеніи наукѣ на пользу и благо всего человѣчества! Въ первое время народнаго пробужденія славянъ, конечно, трудно было бы тотчасъ же требовать отъ нихъ отказа отъ нѣкоторыхъ изъ ихъ племенныхъ особенностей на пользу славянскаго единства. Но сознаніе послѣдняго въ настоящее время дѣлается очевиднѣе. Никто и теперь не требуетъ и не желаетъ, чтобы какое либо славянское племя отказалось отъ своего роднаго языка и заговорило по русски. Русскій языкъ долженъ быть усвоенъ лишь одною интеллигенціею, а для домашняго употребленія, конечно, остается всегда свое народное нарѣчіе. Отъ этого славяне не обрусѣютъ, какъ не онѣмечились отъ того, что въ продолженіе многихъ вѣковъ учатся и говорятъ по нѣмецки!»... Указавъ затѣмъ тѣ основанія, на которыхъ долженъ быть принятъ за языкъ общеславянскій языкъ русскій, и на которыя я отчасти указалъ въ моей корреспонденціи изъ Праги по поводу разсужденія о томъ же предметѣ въ кругу пражскихъ студентовъ (см. № 157 «Биржевыхъ Вѣдомостей»), г. Энгалычевъ такъ заключилъ свою рѣчь: «Каждое славянское племя, живя на своей родинѣ и окруженное всѣмъ своимъ, конечно, такъ живо не можетъ чувствовать своей разрозненности съ остальнымъ славянскимъ міромъ, какъ тѣ славяне, которые хотя на время отъ нея оторваны. Вотъ почему потребность единства языка должна чувствоваться сильнѣе всего здѣсь, въ Вѣнѣ, между сходящимися сюда славянами всѣхъ племенъ. Вы, господа, по необходимости прибѣгаете теперь для взаимныхъ общеній къ языку нѣмецкому. Отнынѣ долженъ стать на его мѣсто языкъ русскій, который и будетъ служить вамъ проводникомъ всѣхъ отраслей человѣческихъ знаній, но уже безъ примѣси нѣмецкаго духа. Вы—будущіе представители науки и литературы, по окончаніи вашего здѣсь ученія вы разсѣетесь по всему лицу великаго славянскаго міра. Пусть вмѣстѣ съ вами распространится и идея необходимости славянскаго единства, практически выраженная знаніемъ русскаго языка. На васъ лежитъ священная обязанность

почина этого дѣла—дѣла великаго, долженствующаго начать новую эру въ исторіи человѣчества! Примитесь серіозно работать, другіе послѣдуютъ вашему примѣру. Въ Вѣнѣ больше и средствъ имѣется для этой работы, чѣмъ въ провинціи. Я убѣжденъ, что славяне призваны обновить міръ новою, свѣжею жизнію и внести въ него разработку науки на новыхъ началахъ, — науки славянской!. (продолжительные крики «слава!» и «живіо!»). Послѣ пѣнія, по обычаю, славянскаго гимна: «Гей, славяне!» нѣкто г. Вуковичъ, черногорецъ, вѣроятно, не понявъ хорошенько предъидущей рѣчи, вздумалъ было говорить противъ полезности и необходимости изученія русскаго языка въ ущербъ роднаго нарѣчія, но всеобщіе свистки и шиканія заставили его замолчать. Чтобы загладить это непріятное впечатлѣніе, долматинецъ Богданъ въ краткой, но сказанной съ толкомъ и воодушевленіемъ рѣчи подтвердилъ всѣ доводы г. Энгалычева. Жаль, что въ этомъ собраніи не могъ принять участія по отсутствію г. Томичъ, извѣстный знатокъ славянской исторіи и краснорѣчивѣйшій изъ ораторовъ между здѣшнею молодежью. Г. Томичъ извѣстенъ читателямъ по своимъ рѣчамъ въ предъидущихъ собраніяхъ. Это тріо, Томичъ, Рогонь и Кулянди,—главные двигатели славянскаго единства; имъ преимущественно и обязано дѣло распространенія русскаго языка между вѣнскими студентами. А дѣло это идетъ для начала очень успѣшно: въ теченіе послѣдняго года преподаваніе русскаго языка укоренилось въ трехъ обществахъ, и теперь уже цѣлая сотня здѣшнихъ студентовъ читаетъ, пишетъ и говоритъ по русски. Каждый же, вновь обучившійся, вмѣстѣ съ тѣмъ становится ярымъ поклонникомъ русской литературы и распространителемъ идеи славянскаго единства именно въ смыслѣ общности языка!

(Веч. Газ.)

Австрійскіе сербы и церковный соборъ въ Карловцахъ.

(Корреспонденція „Спб. Вѣдомостей“).

Загребъ, 11-го августа нов. ст.

Въ настоящее время я живу между хорватами, слѣдовательно между католиками, живу по новому стилю, но

буду говорить о православныхъ сербахъ. Такъ какъ то, о чемъ я намѣренъ говорить, относиться къ Срему, Бачкѣ и Банату, то для большей подлинности, вмѣсто Загреба, приличнѣе было бы поставить Новый Садъ или Карловцы. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, я знаю, постоянно поступала одна русская газета, подъ именемъ корреспонденцій изъ Бѣлграда, помѣщавшая корреспонденціи, составляемыя не знаю гдѣ, только не въ Бѣлградѣ. Оставляя эту газету при ея правахъ, позвольте мнѣ изъ среды хорватъ подать голосъ о сербахъ, на что даетъ мнѣ право то, что я дѣйствительно былъ въ Карловцахъ, Новомъ Саду и другихъ мѣстахъ австрійско - венгерскихъ сербовъ и, только что разставшись съ ними, намѣренъ сообщить вамъ то, что имѣлъ случай нѣсколько ближе разсмотрѣть на самомъ мѣстѣ. Къ сожалѣнію, съ перваго же раза мнѣ приходится говорить объ одномъ явленіи, которое въ послѣднее время составляетъ фактъ самый крупный и имѣющій весьма важное значеніе въ жизни сербскаго народа. Я разумѣю разладъ сербской народной партіи съ духовенствомъ, такъ рѣзко сказавшійся на карловацкомъ церковномъ соборѣ, который съ такимъ скандаломъ распущенъ сербскимъ патріархомъ, главою сербской церкви и главнымъ представителемъ сербскаго народа.

Австрійское правительство призвало въ свои владѣнія сербскаго патріарха именно съ тою цѣлью, чтобъ, давъ сербамъ главу ихъ церкви, отнять у нихъ политическую автономію, поставить сербскую церковь въ Австрійской имперіи въ независимое положеніе относительно старосербскаго патріархата и тѣмъ совершенно отдѣлить сербовъ австрійскихъ отъ ихъ братій на Балканскомъ полуостровѣ, а потомъ черезъ своего патріарха имѣть вліяніе на все остальное сербство.

Сербскій церковный соборъ, на которомъ участвуютъ и міряне, составляетъ оригинальное явленіе, которому нѣтъ ничего подобнаго въ нашей русской жизни, и которое поэтому для большинства нашего общества несовсѣмъ понятно. Оттого, вѣроятно, не будетъ лишнимъ сообщить нѣсколько историческихъ данныхъ, поясняющихъ его происхожденіе, цѣль и значеніе въ народной жизни. Для этого мы должны возвратиться къ тому времени, когда политическое существованіе сербовъ на Балканскомъ полуостровѣ окончательно прекращается, и призрачно про-

должается только въ предѣлахъ сначала венгерскаго королевства, а послѣ—Австрійской имперіи.

Послѣ коссовской битвы (1389 года) бывшимъ сербскимъ царствомъ управляли, какъ вассалы турецкаго султана съ читуломъ деспота, сначала сынъ царя Лазаря Стефанъ, умершій бездѣтнымъ, а потомъ Георгій Бранковичъ, сынъ Вука Бранковича, по преданію измѣнившаго сербамъ на Коссовомъ полѣ. Со смертью послѣдняго (въ концѣ XV ст.) сербское царство дѣлается провинціей Турецкой имперіи, а потомки его поступаютъ въ службу венгерскихъ королей, сохраняя за собою титулъ деспота, князя или воеводы. Роль этихъ деспотовъ была еще ниже роли вассаловъ. Они служатъ простыми орудіями своимъ суверенамъ, по волѣ которыхъ нападаютъ на турецкія владѣнія, причемъ отъ ихъ нападеній страдаютъ больше всего ихъ же братья сербы и болгары. Какъ небесную кару, венгерскіе короли и австрійскіе императоры напускали ихъ, на кого имъ понадобится—на турокъ, на поляковъ, на чеховъ, на Ракоци, Тебели и другихъ бунтовщиковъ. Кромѣ ненависти противъ турокъ, юначества, неумолимой жестокости и желанія добычи, эти сербскіе вожди не были проникнуты никакимъ другимъ чувствомъ или идеей. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій особенно прославились своими юнацкими подвигами Вукъ Бранковичъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ *Змѣя Деспота*, Павелъ Князь и Дмитрій Якшичъ. Они владѣли нѣсколькими городами и замками и кое въ чемъ завѣдывали сербами, но передъ высшимъ венгерскимъ и австрійскимъ правительствомъ были не больше, какъ *оберштеры*, и во время походовъ должны были подчиняться главнокомандующему. Совсѣмъ съ инымъ характеромъ въ половинѣ XVII столѣтія является одинъ изъ ихъ потомковъ Георгій Бранковичъ, который съ юначествомъ соединялъ хорошее образованіе и чувство самостоятельности сербскаго народа. Такой человѣкъ былъ не понутру австрійскому правительству: безъ всякаго повода и объясненій, его арестовали въ 1688 году во время похода противъ турокъ, таскали изъ тюрьмы въ тюрьму то въ Будимъ, то въ Вѣну, то, наконецъ въ Хебъ (по-нѣмецки—Эггеръ, въ сѣверо-западной Богеміи), гдѣ онъ, наконецъ, и умеръ. Съ-тѣхъ-поръ сербами управляютъ австрійскіе губернаторы или военные главнокомандующіе.

Лишивъ, такимъ образомъ, сербовъ политической автономіи, но нуждаясь въ нихъ для защиты противъ турокъ, австрійское правительство рѣшилось, вмѣсто политическаго вождя, дать имъ церковнаго главу, и съ этою цѣлью стало переманивать къ себѣ сербскаго патріарха, котораго столица находилась въ то время въ Петьи (или Ипекѣ, иначе Печь, по сербскому выговору Петь). Арсеній Черноевичъ III, патріархъ петьскій, какъ видно, недальній политикъ и неслишкомъ горячо преданный своему народу, охотно согласился промѣнять свое опасное положеніе подъ турецкимъ господствомъ на мирное житье подъ щитомъ христіанскаго императора, и съ 37,000 семействъ переселился на австрійскую сторону. Онъ не принесъ ни малѣйшей помощи своему народу, ни тому, который остался въ Старой Сербіи, ни тому, который подчинялся австрійскому правительству, но впослѣдствіи (въ 1698 г.) молилъ императора «колѣнопреклоненно» дать ему «мѣстечко Сѣчское» и установить въ немъ четыре раза въ годъ ярмарку. Въ слѣдующемъ столѣтіи точно также поступаетъ и патріархъ Арсеній IV Іоанновичъ. Этотъ, по-крайней-мѣрѣ, самъ впослѣдствіи сознавалъ сдѣланное имъ сербскому народу зло. Однажды на праздникъ Рождества Христова пришли къ нему съ поздравленіемъ его подчиненные и, войдя въ комнату, застали его въ слезахъ. На вопросъ, о чемъ онъ плачетъ, патріархъ отвѣтилъ: «Въ эту ночь я призванъ былъ передъ страшнаго судью неба и земли для отвѣта за 80,000 душъ, погибшихъ изъ-за меня». Дѣйствительно, турки перехватили переселявшихся и всѣхъ изрубили, и еще больше усилили гнетъ надъ оставшимися. Съ тѣхъ-поръ въ среду сербовъ на упраздненныя мѣста переселялись арнауты-магометане, которые и понынѣ тамъ сидятъ, производя между сербами раздвоеніе.

Вотъ какими несчастьями для сербскаго народа сопровождалось учрежденіе въ Австріи патріаршества.

Еще при деспотахъ сербскіе митрополиты въ Австріи играли весьма видную роль, какъ духовные вожди своего народа; нѣкоторые изъ нихъ имѣли большія заслуги. Такъ митрополитъ Максимъ всю свою жизнь хлопоталъ за автономію сербскаго народа, защищалъ его противъ покушеній со стороны правительства обратить въ католицизмъ, мечталъ о возстановленіи сербскаго царства и за свои

идеи терпѣлъ гоненіе, подвергался тюремному заключенію, но всегда былъ твердъ и оставался вѣренъ своему народу. Въ то время церковь и народъ были тѣсно связаны между собою: митрополитъ избирался цѣлымъ народомъ, во священство ставились лица изъ мірскаго званія безъ всякаго приготовленія; одинъ сербскій герой, по убѣжденію народа, принялъ духовный санъ для того только, чтобъ прикрывать имъ свои дѣйствія. Между дѣлами церкви и народа не дѣлалось различія, и на совѣтъ собирались съ одинаковымъ правомъ міряне и духовенство. Совѣщанія эти бывали по мѣрѣ надобности, иногда, во время гоненій правительства на сербовъ, происходили тайно, но постоянно были независимы. Это были сербскіе сеймы, и въ нихъ выказалась сербская автономія. Учрежденіе патріаршества въ Австріи, какъ мы видѣли, было одновременно съ уничтоженіемъ у сербовъ деспотскаго достоинства, и одно обусловливалось другимъ. Все, что относилось прежде къ митрополиту, перенесено было на патріарха; только по мѣрѣ организованія сербовъ на общихъ основаніяхъ, на какихъ были всѣ австрійскія провинціи, мірскими дѣлами сербовъ стали завѣдывать австрійскія военныя и гражданскія власти, и изъ прежнихъ правъ народа оставлено только избраніе патріарха съ различными ограниченіями и совѣщанія по дѣламъ церкви. Впрочемъ, весьма часто и это право нарушалось: патріарховъ назначали императоры черезъ посредство собора епископовъ, а народное собраніе обратилось въ спеціально-церковный соборъ, но и тотъ часто вовсе не сзывался. Къ сожалѣнію, во все время существованія въ Австріи патріархата, не было между патріархами ни одной личности, которая отличалась бы характеромъ и преданностью своему народу. Напротивъ люди, преданные народному дѣлу и преслѣдуемые австрійскимъ правительствомъ, были гонимы и своими высшими іерархами. Досиѳей Обрадовичъ, первый просвѣтитель сербскаго народа въ новѣйшее время, и Іоаннъ Рапчъ, единственный сербскій историкъ, оба монахи, были въ числѣ этихъ гонимыхъ, а нѣкоторые за свою преданность народу были казнены или уморены въ тюрьмахъ, и патріархи при этомъ были, если не исполнителями, то орудіями ужасной неправды противъ сербскаго народа. Только въ 1848 г. патріархъ Іосифъ Раячичъ одно время дѣйствовалъ въ интересахъ сербскаго

народа: онъ созвалъ народный соборъ и своимъ авторитетомъ поднялъ сербовъ противъ мадьяръ. Но это единственный моментъ въ исторіи патріаршества. Вслѣдъ затѣмъ сербская высшая іерархія предается прежней апатіи, ничего не дѣлаетъ, равнодушно относится къ народнымъ интересамъ. Соборъ предается на нѣсколько лѣтъ забвенію, и патріархъ, однажды избранный народомъ, забываетъ о немъ и исполняетъ только извѣстную функцію въ механизмѣ австрійской бюрократической системы. Пять лѣтъ тому назадъ при нынѣшнемъ патріархѣ Самуилѣ Машгеревичѣ былъ одинъ соборъ, но все, что было на немъ постановлено, до послѣдняго времени предано было забвенію, и патріархъ не сдѣлалъ ни одного шага для настоянія, чтобъ его рѣшенія были подтверждены и введены въ жизнь. Онъ и не вспомнилъ бы, вѣроятно, объ этомъ, еслибъ при новомъ политическомъ пробужденіи сербскаго народа не напомнили его политическіе вожди, составляющіе такъ-называемую народную партію.

(С-Пет. Вѣд.)

Замѣтка о р. католической пропагандѣ.

Въ числѣ учениковъ фельдшерской школы гродненской палаты государственныхъ имуществъ, находились два мальчика, Волковыскаго уѣзда, Семенъ *Гудель* и Адамъ *Кардашъ*. Оба они вѣроисповѣданія римско-католическаго. При ближайшемъ ознакомленіи съ ними, оказалось, что родились они отъ смѣшанныхъ браковъ и именно отцы ихъ—католики, а матери—православныя. Въ то же время въ школѣ состоитъ и теперь ученикъ изъ казенныхъ же крестьянъ того же уѣзда Даніилъ *Соколовскій*, коего покойный отецъ былъ тоже р. католикъ, а мать—православная, но самъ онъ вѣроисповѣданія православнаго. Такое обстоятельство слишкомъ рѣзко бросилось намъ въ глаза, и мы вознамѣрились разъяснить ею себѣ всѣми способами.—Вотъ что мы узнали.

Извѣстно, что каѳолическо-польское духовенство, побуждаемое вѣковою ненавистію къ православію, перетянуло сперва въ унію, а потомъ въ католицизмъ всѣхъ пановъ и всѣ достаточныя сословія, въ уніи же оставило однихъ бѣдныхъ хлоповъ, сложивъ даже поговорку: «*ксендзъ*

плебанъ для пана, а попъ для хлопа». Для такихъ совращеній ксендзы главнымъ образомъ пользовались смѣшанными браками, крестя въ латинской вѣрѣ дѣтей отъ такихъ браковъ. Но по возсоединеніи уніатовъ съ православными, именно 27-го марта 1841 года воспослѣдовалъ Высочайшій указъ, коимъ, между прочимъ, повелѣвалось: «предъ совершеніемъ брака православнаго лица съ лицомъ иностраннаго христіанскаго исповѣданія или съ лицомъ иновѣрнымъ, священникъ отбираетъ отъ сего лица подписку въ томъ, что оно дѣтей отъ сего брака будетъ крестить и воспитывать въ православной вѣрѣ» 1).

Это узаконеніе окончательно поразило поляковъ—католиковъ, ибо должно было, повидимому, положить конецъ ополяченію и окатоличенію новорожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ; но ксендзы, эти геніи въ изобрѣтеніи средствъ къ подавленію православія и всѣхъ законныхъ распоряженій правительства, особенно мѣшавшихъ ихъ пропагандѣ, и тутъ еще нашли лазейку, почему-то ускользнувшую отъ вниманія правительственныхъ властей и нашего духовенства, а именно: лица, приводившія въ исполненіе новый законъ, исполняя его въ точности по новымъ бракосочетаніямъ, забыли между тѣмъ о супружествахъ смѣшанной религіи, которыя поженились до этого закона, а ксендзы, не упуская этого случая, еще усерднѣе продолжали крестить дѣтей отъ прежнихъ браковъ по прежнему обычаю. Такъ въ одно и тоже время по новымъ бракамъ исполнялся законъ новый, по старымъ слѣдовали старому обычаю. Слѣдствіемъ этого наше духовенство лишилось значительной массы православныхъ, а ксендзы пріобрѣли многихъ чадъ. И такой обычай продолжался чуть-ли не до послѣдняго времени, ибо, по крайней мѣрѣ, мы слышали изъ устъ самаго отца бывшаго нашего ученика, Гуделя, что послѣдній сынъ его, ребенокъ 4 лѣтъ, также католикъ.

Всматриваясь ближе въ дѣло ополяченія нашего края, не слѣдуетъ удивляться тѣмъ успѣхамъ, какіе сдѣлали здѣсь ксендзы—католики.

Бѣдные хлопы, не имѣя ни матеріальныхъ средствъ, ни достаточныхъ на своей сторонѣ сословій и, слѣдова-

1) Сводъ законовъ томъ XIV, ст. 101 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.

тельно никакой поддержки, не могли не подчиниться влiянiю польскихъ помѣщиковъ, католиковъ—чиновниковъ и хитрыхъ iезуитовъ ксендзовъ. Такъ нужна-ли была крестьянину земля, нуженъ ли лѣсъ и проч. католикъ во всемъ получалъ преимущество предъ православнымъ хлопомъ; отбывалась ли барщина или такъ называемый гвалтъ (работа сверхъ барщины), православный несъ всю тяжесть передъ католикомъ. Такое угнетенiе приводило многихъ православныхъ къ положительному осужденiю, что рѣзко замѣчается особенно въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ смѣшаны вѣроисповѣданiя. Такую же разницу въ матерiальномъ довольствѣ мы замѣтили даже между государственными крестьянами; покрайней мѣрѣ, въ нашей школѣ ученики православные почти всѣ дѣти бѣдныхъ родителей, тогда какъ дѣти—католики, бывшiе у насъ въ обученiи, имѣли родителей по большей части зажиточныхъ.

Такое явное преимущество и лучшая жизнь хлоповъ—католиковъ и, въ тоже время, постоянныя внушенiя и увѣренiя ксендзовъ, что одна только р. католическая вѣра есть истинная и потому Богъ даетъ явное преимущество католикамъ, карая православныхъ; увѣренiя и клятвы во имя Бога, передъ святымъ Его алтаремъ, что каждый крестившiйся самъ, или крестившiй дѣтей своихъ въ православiи, на вѣки губитъ душу свою, готовитъ себѣ въ будущей жизни страшныя, адскiя кары; глумленiе надъ православною вѣрою, называемою поляками татарскою и хлопскою, и наконецъ безнаказанность совращавшихся, съ другой стороны льстивое обращенiе съ ними ксендзовъ, все это не могло не дѣйствовать на забитыхъ хлоповъ и они, бѣдные, въ такомъ безвыходномъ положенiи, *толпами* бросались въ католицизмъ 1). Были случаи, что ксендзы доводили простодушныхъ православныхъ родителей до такого ожесточенiя, что послѣднiе, во избѣжанiе крещенiя дѣтей въ православiи, по семи лѣтъ совсѣмъ ихъ не крестили, а въ случаѣ смерти сами совершали надъ ними обрядъ погребенiя 2). Католикамъ, желавшимъ вступить въ бракъ съ православными, ксендзы сначала угрожали

1) Въ 1858 г. въ м. Порозовѣ Волковыскаго уѣзда совратилось разомъ до 100 человѣкъ.

2) Въ 1859 или 1860 г. были подобные случаи въ Самуйдовичскомъ приходѣ того же уѣзда.

проклятіемъ и отрѣшеніемъ отъ церкви, а въ случаѣ неудачи, приказывали звонить въ костелѣ погребальнымъ звономъ, объявляя, что имъ отпѣвается душа, идущая въ руки дьявола на вѣчныя муки. Мы сами слышали отъ одной молоденькой дамы, вышедшей въ 1863 г. замужъ за военнаго, изъ православныхъ, что не только ксендзъ не хотѣлъ ее вѣнчать и исповѣдать, но даже родители не дали ей своего благословенія.

Не будь послѣдняго мятежа, мы, быть можетъ, еще долго и долго не знали бы всѣхъ тѣхъ ксендзовскихъ ухищреній, которыя только теперь начинаютъ раскрываться, благодаря мѣрамъ мѣстной власти.

Господство католичества въ здѣшнемъ краѣ кончилось. Нынѣ воздвигаются новые храмы Божіи, обновляются старые, бѣдный хлопъ ожилъ и русская народность возродилась!

Г. Лебедевъ.

(Грод. Губ. Вѣд.)

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

сношеній Даніила Романовича Галицкаго съ папою Инокентіемъ IV.

Одинъ изъ первыхъ и замѣчательнѣйшихъ опытовъ покушенія папства на православіе представляетъ намъ время Даніила Романовича Галицкаго и папы Иннокентія IV.

Польскіе, и вообще католическіе, историки доселѣ продолжаютъ увѣрять, какъ увѣряли іезуиты еще съ 16 в. 1), что Русь, и особенно юго-западная съ самыхъ древнихъ временъ, съ временъ Оскольда и Дира, пребывала въ римской вѣрѣ, и что она только временно, подъ вліяніемъ греческаго духовенства, отпадала отъ духовной власти Рима 2). Нечего и говорить, что такой взглядъ католиковъ стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ исторіею православія въ Руси, и что только по усердію къ интересамъ римской куріи они продолжаютъ упорно раздѣлять заблужденіе давнихъ

---

1) Чтенія въ Имп. общ. ист. и древн. Рос. 1847 N. 8, отд. I.

2) Hist. univers de l'egl. catholique par Rohbacher, t. XII p. 329. Такого именно взгляда держатся польскіе историки—Нарушевичъ, Кульчинскій и другіе.

папистовъ. Съ такимъ же взглядомъ на дѣло, католическіе писатели стараются объяснить одинъ, замѣчательный въ исторіи югозападной Руси, фактъ, именно—сношенія галицкаго князя Даніила съ Иннокентіемъ IV. Католики увѣряютъ, что Даніилъ по вѣрѣ былъ католикъ вмѣстѣ со всѣми галичанами, хотя современемъ онъ отпалъ отъ католическаго православія. Въ этихъ сношеніяхъ русскаго князя съ папою католики усиливаются видѣть самый очевидный и характерный фактъ, оправдывающій ту мысль ихъ, будто западная Русь изстари держалась римской вѣры 1). Былъ ли на самомъ дѣлѣ Даніилъ католикомъ, хотя бы на самое короткое время, показываетъ истинная исторія дѣла.

Въ первой половинѣ 13 в. галицкая страна, вмѣстѣ со всею русью ослабленная до крайности постоянными раздорами и усобицами князей, испытала самую плачевную участь отъ порабощенія ея монголами. Варвары вездѣ оставили ужасные слѣды опустошеній. Многіе цвѣтущіе города въ Галиціи и Волыни были разрушены до основанія; Кіевъ—этотъ центръ русскаго православія—былъ также разоренъ монголами, и митрополиты его жили уже въ сѣверныхъ городахъ. Въ это печальное время церковь часто оставалась на цѣлые годы безъ митрополита, храмы были разрушены, духовенство и народъ обѣднѣли и какъ бы не существовали 2). При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ вступилъ на Галицкое княжество Даніилъ Романовичъ (въ 1239 г.), который, послѣ долгихъ лѣтъ печальнаго странствованія изъ одного города въ другой, исторгнулъ наконецъ изъ рукъ венгерскаго королевича Андрея Галичь, принадлежавшій нѣкогда отцу его. Достойный сынъ славнаго Романа Мстиславича, Даніилъ отличался ловкою политикою и мужествомъ. Утвердившись на престолѣ, онъ прежде всего спѣшилъ оградить свое княжество отъ вторженій сосѣднихъ русскихъ князей и западныхъ королей, для которыхъ Галиція прежде была предметомъ постоянныхъ споровъ и битвъ. Даніилу удалось даже распространить свои владѣнія дальше Галиціи. Прилагая всѣ старанія къ тому, чтобы дать спокойствіе народу, Даніилъ Романовичъ заботился и о церковномъ благоустройствѣ.

1) Ks. Franciszka Gusty, Historia kosciola ruskiego, przełożył Jan Laurowsky, p. 89—96.

2) Опис. кіево-соф. собора, стр. 84.

Построивши Холмъ, „который доселѣ напоминаетъ имя основателя его, онъ основалъ епископію холмскую. Первымъ епископомъ въ Холмѣ былъ просвѣщенный Кириллъ, который былъ такъ близокъ къ Даніилу; Кириллъ послѣ былъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси (1243—1280 г.) и былъ споспѣшникомъ св. Александра Невскаго. Укрѣпивши силы своего народа, Даніилъ Романовичь поставилъ себѣ первою цѣлію изыскать всѣ мѣры къ уничтоженію самаго сильнаго зла, тяготѣвшаго надъ Русью, именно къ низверженію ненавистнаго ига монголовъ, онъ съ горестію видѣлъ повсюду уныніе князей и угнѣтеннаго народа, видѣлъ, какъ ослабѣла вся Русь. Князь хорошо понималъ, что ему нечего надѣяться на собственныя силы Руси, совсѣмъ упавшей; нельзя было возлагать надежды и на единовѣрную Грецію, которая, при стѣсненіи ея со стороны арабовъ, турокъ и крестоносцевъ, едва держалась сама. Оставалась надежда на западныхъ королей, которые, при слабости каждаго изъ нихъ порознь, могли бы общими силами сразить и изгнать монголовъ, постоянно грозившихъ опустошить и весь западъ Европы. Но короли западные, также какъ и русскіе князья, вели между собою постоянныя распри изъ за владѣній, и, неспособные къ единодушію, не заботились, въ виду мелкихъ интересовъ своихъ, объ общемъ благѣ, которому угрожали варвары. Гдѣ же оставалось Даніилу искать помощи? Въ Римѣ, у папы, такъ какъ Римъ былъ въ то время центромъ всѣхъ государственныхъ движеній Европы. И вотъ Даніилъ рѣшился сообщить Иннокентію IV (въ 1246 г.), что онъ желаетъ соединить нашу церковь съ латинскою, чтобы подъ одними знаменами идти противъ ненавистныхъ монголовъ.

Таково было начало сношеніямъ галицкаго князя съ Иннокентіемъ. Папа былъ очень радъ тому заявленію со стороны галицкаго князя, тѣмъ болѣе, что Даніилъ успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ славу и на Руси и въ западной Европѣ. Въ покореніи Галиціи и такого знаменитаго князя подъ духовную власть Рима Иннокентій видѣлъ начало желаннаго покоренія всей Руси, и это манило его пріятнѣйшими надеждами на распространеніе римской власти во всей широкой полосѣ восточной Европы. Теперь то онъ видѣлъ приближающееся исполненіе тѣхъ задушевныхъ стремленій и видовъ подчинить Русь престолу св. Петра, какіе такъ неудачно

высказывали раньше его Иннокентій III. (1200) 1), Гонорій III. (1227), Григорій IX. (1231) 2) и другіе папы. Иннокентій спѣшитъ отвѣтить Даніилу, что онъ принимаетъ князя съ его народомъ подъ покровительство св. Петра, и извѣщаетъ Даніила о посылаемыхъ къ нему доминиканцахъ для безотлучнаго пребыванія ихъ при галицкомъ дворѣ 3). И дѣйствительно, въ томъ же году прибыли ко двору Даніила доминиканскіе монахи съ начальникомъ ихъ Алексѣемъ 4). Тогда же папа отправилъ къ Іоанну, сыну Василька Владимірскаго, брата Даніилова, прусскаго архіепископа Генриха съ правомъ разрушать и созидать 5). Спустя немного времени, Иннокентій, въ знакъ особенной благосклонности, утвердилъ супружество князя Василька, женатаго на родственницѣ, и къ женѣ его писалъ особенное письмо. Принявшись такъ горячо за дѣло обращенія русскихъ князей, папа, спустя три мѣсяца послѣ перваго посланія къ Даніилу, своимъ благословеніемъ разрѣшалъ ему отнимать княжества у тѣхъ, которые не исповѣдаютъ римской вѣры 6), тогда какъ самъ Даніилъ и не думалъ обращаться къ католичеству. Въ день Пасхи 1217 г. Иннокентій разрѣшаетъ галичанамъ совершать литургію на квасномъ хлѣбѣ, и дозволяетъ держаться обычаевъ греческой церкви 7), а крестоносцамъ запрещаетъ отбирать имѣнія въ областяхъ Руси 8).

Въ продолженіи четырехъ лѣтъ этой переписки папы съ Даніиломъ 1246—1250, первый переслалъ послѣднему 16 посланій 9). Въ своихъ письмахъ къ Иннокентію, князь, избѣгая вопросовъ о вѣрѣ, заявлялъ съ своей стороны чувства уваженія и вѣрности союзу, заключенному съ папой. Ловкій Иннокентій считалъ еще преждевременнымъ дѣломъ прямо предлагать Даніилу обращеніе къ латинству, но съ самаго перваго уже посланія онъ называетъ Даніила и брата его Василька своими духовными, возлюбленными о Христѣ чадами и королями, исповѣдующими католическую вѣру. Даніилъ, конечно, ясно понималъ, чего добивался Иннокентій, но, нуждаясь въ матеріальной помощи папы, молчалъ

1) Церк. ист. митр. Платона I, 109.
2) Hist. russ. monumenta ab Turgenevio 1841 t. I,. XXI, XXIII.
3) Ibid. I. LXII.
4) Hist. russ. monumenta I. LXIV.
5) Ib. I. LXVII. 6) Ib. LXVII. 7) Ib. LXVIII.
8) LXIX. 9) LXII—LXXVII.

до времени, и не обращалъ вниманія на намеки Иннокентія.
папа, называя Даніила въ своихъ посланіяхъ королемъ,
часто предлагать князю королевскій вѣнецъ для формальн
окончательнаго обращенія его въ подданство Риму. Въ то
всѣ католическіе короли принимали отъ папы вѣнецъ королев
вѣнецъ, который торжественно утверждалъ ихъ въ новомъ д
инствѣ. Даніилъ, хорошо понимавшій, что торжественное п
тіе имъ отъ папы королевскаго достоинства означало бы фор
ное обращеніе въ латинство, никакъ не хотѣлъ поддаться
ловку Иннокентія, и нѣсколько разъ въ отвѣтныхъ письмахъ
ихъ къ папѣ уклонялся отъ его лестнаго предложенія.
хитрую политику Иннокентія, князь и самъ прибѣгалъ къ то
уловкамъ. Изыскивая предлогъ для отказа, Даніилъ писалъ
что при стѣсненныхъ обстоятельствахъ страны, онъ ждетъ
Иннокентія не вѣнца королевскаго — этаго украшенія суетна
войска, такъ какъ варвары господствуютъ надъ Русью.
обѣщалъ прислать войско, но Даніилъ все таки медлилъ объ
себя католическимъ королемъ, прикрываясь тѣмъ предло
что онъ ждетъ отъ Иннокентія нужной помощи. Такъ ш
переговорахъ время, папа и князь оба хитрили, досадова
нѣсколько разъ ссорились, оба не желая однако прекратить
шенія. Такъ въ 1249 г. Даніилъ выгналъ изъ Галиціи епи
Альберта, котораго Иннокентій номинально назначилъ главо
шего духовенства въ южной Руси. Папа обидѣлся за эт
Бела, король венгерскій, успѣлъ въ скоромъ времени прим
его съ Даніиломъ Романовичемъ 1).

Иннокентій продолжалъ при каждомъ удобномъ случаѣ
лагать Даніилу корону, но этотъ медлилъ, и откладывалъ
Въ 1253 г. Папа уже во второй разъ прислалъ своего ле
которому поручено было совершить обрядъ коронованія надъ
лицкимъ княземъ. Даніилъ случайно встрѣтилъ посольство
папы въ Краковѣ, но тутъ же, чтобы отклонить дѣло, ск
посламъ въ отвѣтъ на ихъ предложеніе, что ему неприлично
чужой землѣ бесѣдовать съ ними 2). Въ 1254 г. Иннок
снова прислалъ въ Галичь своего легата съ рѣшительнымъ и
стойчивымъ предложеніемъ Даніилу принять королевскій вѣ

1) Rajnald annales ecclesiastici, N. 15.
2) Ипатьевская и волынск. лѣтописи, см. 1253 г.

вмѣсвѣ съ тѣмъ обѣщалъ и свою помощь противъ монголовъ. Князь поставленъ былъ теперь въ очень неловкое положеніе; онъ хорошо видѣлъ, что отказаться прямо отъ папскаго предложенія значило бы окончательно лишиться довѣрія догадливаго Иннокентія, который предлагаемую Даніилу помощь противъ монголовъ непремѣнно связывалъ съ обращеніемъ его къ римской вѣрѣ. Тѣмъ не менѣе князь медлилъ, не соглашался и теперь принять отъ папы корону. Но наконецъ мать Даніила, короли-краковскій Болеславъ и мазовецкій Семовитъ и бояре польскіе послѣ долгихъ увѣщаній убѣдили князя согласиться на предложеніе папы. Скрѣпя сердце, Даніилъ, послѣ семилѣтняго срока, спустя послѣ перваго предложенія Иннокентіемъ королевскаго вѣнца, рѣшился наконецъ согласиться, но снова требовалъ отъ папы принять дѣйствительныя мѣры къ защищенію христіанъ отъ монголовъ. Онъ также требовалъ, чтобы Иннокентій до будущаго, всеобщаго собора о единеніи церквей, (чего такъ сильно домогался папа), не осуждалъ догматовъ греческой церкви 1). Тогда въ городѣ Дрогочинѣ папскій легатъ, Аббатъ Мессинскій, въ присутствіи бояръ и народа торжественно возложилъ на главу Даніила вѣнецъ, и новый король долженъ былъ признать папу своимъ отцемъ и истиннымъ намѣстникомъ св. Петра.

Такъ невольно долженъ былъ принять подданство папы князь русской, православной Галиціи, и всѣ могли видѣть, съ какою неохотою онъ исполнилъ предложеніе папы. Католическое духовенство и епископы польскіе, какъ напр. краковскій Прандотъ, тогда же не одобряли коронованія Даніила, сомнѣваясь въ его искренности, и осуждали аббата Мессинскаго Описона какъ человѣка, который необдуманно поспѣшилъ коронованіемъ Даніила Романовича, добиваясь подарковъ отъ новаго короля и щедрыхъ наградъ отъ папы 2). Къ чему все это могло привести, можно было уже тогда понять. Если Даніилъ сдѣлался, по видимому, духовнымъ сыномъ папы, и если онъ старался поддерживать добрыя отношенія къ Иннокентію, то все это было жертвой общему благу русскаго народа, о которомъ такъ много заботился достойный, великодушный князь галицкій. Политическій разсчетъ, на-

1) Skarbiec diplomatow, Ignacy Danytouricz. 1860. T. I, N. 14, 1254 г.
2) Тамъ же N. 147.

дежда на воинскую помощь со стороны запада, подвластнаго
вотъ что заставляло Даніила прибѣгнуть къ невинной ул
Иннокентій, къ чести его на этотъ разъ, не имѣлъ въ виду
нывать Даніила обѣщанною матеріальною помощію. Въ то
1254 г. Иннокентій, разославъ грамоты къ моравскому,
скому, польскому, сербскому и другимъ королямъ, сосѣдним
Русью, чтобы они вмѣстѣ съ галичанами подъ знаменіемъ
ударили на монголовъ. Въ тоже время онъ посылаетъ
своего, Опата Мазанскаго обнародывать повсюду проклятіе на
головъ, задумавшихъ о новомъ нападеніи и разгромленіи Ев
и возбуждать всѣхъ къ оружію противъ варваровъ 1).. Да
Романовичъ, зная объ этомъ, надѣялся на скорую помощь з
противъ враговъ, нанесшихъ столько зла и бѣдствій Руси.
дѣла шли иначе, чѣмъ какъ предполагали папа и Даніилъ;
Иннокентія не имѣли успѣха. При всемъ значеніи своем
судьбѣ европейскихъ государствъ, папа теперь не имѣлъ уже
обязательной и могущественной силы, какую чувствовали над
бою короли Европы прежде. Время крестовыхъ походовъ,
нимавшихся по волѣ папъ, прошло, и Иннокентій долженъ
сознаться, что онъ не въ силахъ подвинуть своими буллами
дарей Европы противъ варваровъ, пришедшихъ съ востока
разгромленія ея. Западные короли, занятые мелкими интер
своихъ странъ, не думали откликнуться на зовъ папы.

Даніилъ скоро понялъ, что его надежда на помощь па
европейскаго запада, надежда, которую такъ долго онъ п
въ душѣ своей и изъ за которой онъ пожертвовалъ даже сп
ствіемъ своей совѣсти, обманута безвозвратно. Между тѣм
нокентій прислалъ въ Галицію прусскаго архіепископа для пр
диненія князя и всего народа къ римской вѣрѣ и для приве
Даніила къ формальной присягѣ вѣрности папѣ 2). Но
галицкій теперь былъ уже не тотъ преданный король, ко
прежде, по требованію обстоятельствъ, такъ предупредитель
гождалъ папѣ, и исполнялъ его желанія. Даніилъ, чтобы
чить разъ навсегда, далъ знать Иннокентію, что онъ отселѣ
рываетъ совершенно всякую связь съ Римомъ. Въ это
умираетъ Иннокентій, и мѣсто его занялъ Александръ IV,

1) Danytouricz, I. N. 147.
2) Hist. R. Mon. I. LXXII.

должатель плановъ предшественника своего. Даніилъ Романовичъ былъ теперь уже совершенно спокоенъ, и не думалъ о сношеніяхъ съ новымъ папой. Узнавши объ измѣнѣ Риму Даніила, Александръ писалъ ему breve, въ которомъ укорялъ его съ кротостію отца въ нарушеніи обѣщаній, данныхъ Иннокентію, грозилъ церковнымъ отлученіемъ и самымъ адомъ 1), и въ тоже время уполномочилъ епископовъ голомунецкаго и вроцлавскаго употребить противъ Даніила какъ духовное, такъ и мірское оружіе, чтобы возвратить его въ лоно единой апостольской церкви 2); а литовцамъ велѣлъ отнимать владѣнія у галицкаго князя 3). Но всѣ эти мѣры были напрасны: Даніилъ Романовичъ былъ достаточно обезпеченъ и силенъ, чтобы не бояться угрозъ папы. Скоро галицкому князю 4), благодаря его благоразумной политикѣ, удалось пріобрѣсть расположеніе и покровительство монгольскаго хана, и это еще болѣе одобрило мужественнаго Даніила въ разладѣ его съ папой, въ которомъ онъ уже не нуждался теперь. Русскіе со всею силою вооружились теперь противъ ненавистной пропаганды католиковъ; князья стали строго преслѣдовать иновѣрцевъ и изгонять ихъ изъ предѣловъ Руси 5). Такъ какъ благодаря дружественнымъ связямъ Даніила съ ханомъ, Галиція теперь обезопашена была отъ монголовъ, то папы сами, также какъ и западные короли, стали опасаться грознаго врага. Ханъ Гаюкъ прямо давалъ знать Иннокентію IV о своемъ намѣреніи завоевать всю Европу, и это страшное извѣстіе было распространено на всемъ западѣ 6). Это обстоятельство также немало способствовало прекращенію пагубной пропаганды католиковъ въ Руси. Славный Даніилъ Романовичъ былъ всегда горячимъ ревнителемъ православія русскаго, и умеръ въ 1266 г., оставивъ по себѣ въ народной памяти имя достойнѣйшаго, любимѣйшаго подданными, князя. Католики съ недовольствомъ выражаются, что Даніилъ умеръ въ

1) Длугошъ, Hist. Polon. VII. 779.

2) Fr. Gusty, 95.

3) Церк. ист. мит. Платона, I. 142.

4) За Даніиломъ всегда оставался титулъ князя, тогда какъ королевскій титулъ, присвоенный ему Иннокентіемъ, вовсе не былъ въ общемъ употребленіи, и это много говоритъ о вѣрности галицкаго князя православной Руси.

5) Татищева Ист. россійск. 1,547.

6) Карамзинъ, IV 49, 59.

отступничествѣ отъ вѣры католической, а рьяные паписты бе... казательно увѣряютъ, что князь галицкій до конца жизни ... вѣренъ папѣ и римской вѣрѣ 1). Эти противорѣчія като... скихъ писателей показываютъ уже, что Даніилъ никогда ... думалъ обращаться къ католичеству, а тѣмъ менѣе онъ могъ ... держивать связь съ Римомъ, когда потерялъ всякую надежд... помощь папы противъ монголовъ.

Не смотря на дальнѣйшія тяжелыя судьбы южной Руси ... владычествомъ литовскихъ князей, народъ русскій и послѣ ... противостоялъ католической пропагандѣ, такъ что паписты, св... всѣхъ мѣръ хитрости и принужденія, должны были прибѣ... иногда къ инквизиціи, чтобы обратить православныхъ къ рим... вѣрѣ 2). Къ сожалѣнію несчастная участь вела русскихъ ... края къ большимъ и большимъ бѣдствіямъ. Присоединеніе за... ной Руси къ литовскому княжеству и за тѣмъ къ польскому ... ролевству снова дало католикамъ и іезуитамъ возможность на... нить ее своими проповѣдниками и насильно ввести въ ней с... менемъ ненавистную унію. Исторія западно-русской церкви ... рода показала однако, что, при всемъ угнѣтеніи православ... католиками, первые всегда оставались въ душѣ вѣрными грече... вѣрѣ, никогда не сочувствовали ни католичеству, ни уніи, ... давнее обращеніе уніатовъ къ православію самымъ очевид... образомъ оправдало эту, прирожденную русской натурѣ, неиз... ную твердость и вѣрность православію.

(Кіев. Еп. Вѣд...

Еще о праздникѣ памяти Гусса въ Праг... и Гусинцѣ.

Прага, 26-го августа (7-го сентябр...

Въ воскресенье, въ половинѣ одиннадцатаго часа утра, ... я уже писалъ вамъ изъ Нетолица, обычный поѣздъ, который ... женъ былъ доставить участвующихъ въ гусовскомъ праздне... вышелъ изъ дебаркадера Западной желѣзной дороги и напра... къ Пильзену, откуда онъ долженъ былъ повернуть къ югу п...

1) Ks. Franciszka Gusty, 95.
2) Опис. кіево-соф. собора, 93—94.

деіовской (будвейской) желѣзной дорогѣ. Но оказалось, что торжественное шествіе, которое я описалъ вчера, далеко еще не кончилось съ отходомъ поѣзда изъ Праги, а только растянулось на протяженіи слишкомъ двухсотъ верстъ. На каждой станціи, на каждой полустанціи, словомъ на каждомъ остановочномъ пунктѣ, насъ встрѣчали музыкой, иногда хоровымъ пѣніемъ и постоянно неумолкаемыми криками „Nazdar“ и „Slava.“ Мало того: въ то время, когда поѣздъ вовсе не подходилъ къ станціи, когда онъ проходилъ на полныхъ парахъ отъ одной станціи къ другой, до вашего слуха вдругъ долетали привѣтственные крики, и, выглянувъ изъ окна, вы видѣли гдѣ-нибудь въ полѣ, на пригоркѣ, иногда на довольно значительномъ разстояніи, большія или меньшія группы людей, махавшихъ шляпами и посылавшихъ вамъ вслѣдъ свои привѣтствія. Особенно многочисленна была толпа на Пильзенской станціи, гдѣ собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ, и гдѣ поѣздъ стоялъ часъ. Вся станція была красиво убрана зеленью, и тутъ почти каждый изъ путниковъ могъ встрѣтить надпись на своемъ родномъ языкѣ; по серединѣ красовалась чешская надпись: „Čech slavě Husa oslavuje svobodu a narod svůj“ (Чехъ, славя Гуса, прославляетъ свободу и свой народъ). Направо и налѣво русская и польская надписи: „Вѣникъ не переломишь, а по вѣткѣ весь изломаешь: и „Poki swiat swiatem Czech i Polak będzie bratem;“ еще далѣе нѣмецкая надпись „Freiheit einigt die Völker,“ сербская и другія. Какъ на этой, такъ и на другихъ станціяхъ, члены гимнастическихъ обществъ или „Sokol'овъ,“ распространившихся по всей Богеміи, особенно бросались въ глаза своими живописными костюмами. Здѣсь предполагалось обѣдать; я говорю предполагалось, потому что когда тысячи пріѣхавшихъ гостей соединились съ тысячами собравшагося здѣсь народа, произошла такая невообразимая давка, что многіе не могли даже добраться до обѣденныхъ столовъ. Тутъ, разумѣется, дѣло не обошлось безъ самыхъ комическихъ сценъ. Такъ, напримѣръ, я и нѣкоторые другіе изъ моихъ спутниковъ, убѣдившись въ невозможности добраться до обѣденныхъ столовъ, нашли дорогу въ кухню станціи, гдѣ мы и утолили свой голодъ, такъ сказать, у самаго источника; но вообще всѣ, какъ тѣ, которымъ удалось пообѣдать, такъ и тѣ, которымъ пришлось утолить свой голодъ чѣмъ Богъ послалъ, были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. За Пильзеномъ, по пиль-

зенъ-будеіовской желѣзной дорогѣ, повторялось тоже, что было между Прагой и Пильзеномъ: массы народа по дорогѣ и на разукрашенныхъ станціяхъ, на послѣднихъ торжественныя встрѣчи съ музыкой и пальбой, а когда стало темнѣть — съ иллюминаціей. Число спутниковъ нашихъ постоянно возрастало, такъ какъ съ каждой станціи къ намъ примыкали депутаціи отъ общества „Sokol“ и другія, отправлявшіяся со своими знаменами для участія въ гусинецкомъ празднествѣ.

Часовъ въ 7 вечера мы пріѣхали на станцію Страконицъ; здѣсь значительная часть спутниковъ вышла изъ вагоновъ. Такъ какъ Гусинецъ—небольшое мѣстечко, то, разумѣется, нечего было и думать о томъ, чтобъ размѣстить тамъ тѣ тысячи гостей, которыя прибыли сюда къ вчерашнему празднеству; поэтому комитетъ, устроивавшій празднество, распорядился расквартировать большую часть пріѣхавшихъ въ городахъ и мѣстечкахъ, окружающихъ Гусинецъ на разстояніи отъ одной до трехъ миль. Въ Страконицѣ вышли члены гимнастическихъ обществъ, депутаціи отъ различныхъ другихъ обществъ и пр.; на слѣдующихъ двухъ станціяхъ выходила большая часть остальныхъ чеховъ, участвовавшихъ въ празднествѣ; наконецъ, на ближайшей къ Гусину станціи желѣзной дороги, Нетолицкой, должны были выйти иностранные гости, для которыхъ были отведены квартиры въ городкѣ того же имени, на разстояніи одной нѣмецкой мили отъ станціи. Въ исходѣ восьмаго часа мы вышли изъ вагона и размѣстились въ ожидавшихъ насъ колясках и повозкахъ. Такъ какъ уже совершенно стемнѣло, то вся дорога отъ станціи до Нетолицы была освѣщена большими пуками зажженной соломы; при въѣздѣ во всякое селеніе, даже самое незначительное, были устроены изъ зелени тріумфальныя арки; всюду нашъ длинный поѣздъ встрѣчали выстрѣлами и привѣтственными криками. Въ городкѣ Нетолицѣ, начиная отъ красивой тріумфальной арки, устроенной при въѣздѣ, не было почти ни одного дома, который бы не былъ иллюминованъ; на окнахъ дома бургомистра красовались, въ числѣ другихъ надписей, и русскія: „Здравствуйте, милые друзья!“ и еще другая. Вообще этотъ маленькій городокъ въ глуши Богеміи врядъ ли видѣлъ когда-нибудь такое необыкновенное оживленіе, какъ въ этотъ день. Мнѣ и другому моему спутнику изъ русскихъ была отведена квартира на городской площади, у общиннаго чиновника, который въ пер-

вый разъ въ жизни видѣлъ передъ собою русскихъ. Радушіе хозяина, желавшаго угостить какъ можно лучше такихъ рѣдкихъ гостей, недозволило намъ лечь въ постель ранѣе 12-ти часовъ; а на другое утро, уже въ 5-мъ часу, насъ разбудила музыка, и мы увидѣли изъ окна, что многіе гости и мѣстные жители собирались на площади для поѣздки въ Гусинецъ (миляхъ въ двухъ отъ Нетолица).

Въ исходѣ шестаго часа и мы взобрались въ высокую повозку, которая должна была доставить насъ до Гусинца; проѣхавъ часа два съ половиною прекраснымъ осеннимъ утромъ по великолѣпной гористой мѣстности, привѣтствуемые, какъ и вчера, въ каждомъ селеніи, мы прибыли въ половинѣ девятаго къ тому мѣсту, откуда должна была двинуться процессія. Такъ какъ я желалъ занять заблаговременно удобное мѣсто для обозрѣнія всей процессіи, то и не сталъ дожидаться прибытія всѣхъ участниковъ, а отправился впередъ въ мѣстечко Гусинецъ. При въѣздѣ въ мѣстечко была устроена изъ зелени изящная тріумфальная арка; на верху былъ помѣщенъ щитъ съ вензелемъ Гуса I. H., а по бокамъ его привѣтствія на всевозможныхъ языкахъ: Vitejte nam bratri. Živili braco. Živili Slovenci vitajce k nam. Soyez les bienvenus. Willkommen. Benvenuti siete. Wilcome. Привѣтъ вамъ братья. Pasdrawenie wam, bracia! и т. д. Почти всѣ дома въ мѣстечкѣ были за-ново выбѣлены, убраны зеленью и покрыты различными надписями, относящимися къ настоящему торжеству, какъ напримѣръ: Bratri nas dnesden!" „Svorne drtivzdorne" и пр. Домикъ, въ которомъ 500 лѣтъ тому назадъ родился великій чешскій реформаторъ, стоитъ на главной улицѣ мѣстечка; это небольшой одно этажный домикъ въ четыре окна; по срединѣ ворота и рядомъ съ ними входная дверь. На бѣлой стѣнѣ домика красовалась слѣдующая надпись: „Toto misto stare vita hosty jare." (Этотъ старый домъ свѣтло (радостно) привѣтствуетъ гостей). Домикъ этотъ переходилъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій ко многимъ владѣльцамъ, какъ видно изъ списка ихъ, сохраняющагося въ самомъ домѣ; въ настоящее время, онъ принадлежитъ мыловару Илечеку. Не много въ сторонѣ отъ домика была устроена трибуна для ораторовъ, а противъ самой трибуны—мѣста для иностранныхъ гостей и для дамъ. Помѣстившись на этихъ мѣстахъ, мы могли видѣть во всю длину улицу, по которой должна

была идти процессія; такъ какъ улица эта идетъ нѣсколько въ гору, а мѣста для зрителей выше улицы, то намъ особенно удобно было видѣть приближающуюся процессію.

Въ 11 часовъ утра она тронулась съ мѣста за городомъ, гдѣ она сформировалась, и въ ½ 12 голова ея приближалась къ домику Гуса, наполняя всю улицу и представляя чрезвычайно красивую картину. Впереди ѣхали верховыя бандеріи изъ мѣстныхъ крестьянъ, на крестьянскихъ, но прекрасныхъ лошадяхъ, со значками. За ними несли большое гуситское знамя (на черномъ полѣ красная чаша), шли депутаціи отъ обществъ „Sokol,“ и другія депутаціи, дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ съ трехцвѣтными лентами черезъ плечо, праздничный комитетъ съ предсѣдателемъ своимъ Сладковскимъ во главѣ, далѣе опять общества и депутаціи, каждая со своимъ знаменемъ, студенты, опять дѣвушки изъ окрестныхъ городовъ и депутація отъ пражскаго женскаго клуба, иностранные гости, потомъ стрѣлки, гражданская стража, и т. д.; позади валила громадная масса народа. Всѣхъ знаменъ въ этой процессіи было отъ 35 до 40; кромѣ вышеупомянутаго гуситскаго знамени, особенное вниманіе обращало на себя большое, красивое знамя констанцской депутаціи съ надписью: Ku hrobu mistra Jana Husa. Всѣ знамена, по прибытія на площадь, размѣщены были, послѣ салюта передъ домомъ, вокругъ трибуны, составляя такимъ образомъ весьма красивую ограду ея. Здѣсь мы не могли не полюбоваться еще разъ на распорядительность членовъ общества „Sokol,“ взявшихся охранять порядокъ. Кромѣ двухъ полицейскихъ коммисаровъ, помѣстившихся за столикомъ около самой трибуны, мы замѣтили здѣсь не болѣе десятка официальныхъ охранителей общественнаго порядка, въ лицѣ жандармовъ, расхаживавшихъ съ ружьями среди народа; но члены „Sokol'а,“ взявшись охранять порядокъ, исполнили эту задачу такъ мастерски, что, при громадномъ стеченіи народа на небольшомъ пространствѣ, не было ни малѣйшаго нарушенія порядка. Трудно опредѣлить число присутствовавшихъ на этомъ празднествѣ; но если обратить вниманіе на то, что вся площадь, всѣ ведущія къ ней улицы и переулки были до того наполнены народомъ, что яблоку не гдѣ было упасть; если присоединить сюда еще тѣхъ, которые размѣстились по крышамъ всѣхъ окрестныхъ домовъ, снесши для этого тесъ и солому, которыми послѣднія были покрыты, то мы врядъ ли ошибемся, ска-

завъ, что присутствующихъ было отъ 25 до 30 тысячъ человѣкъ.

Когда всѣ участвующіе въ процессіи размѣстились на опредѣленныхъ для нихъ мѣстахъ, и пѣвческимъ обществомъ пропѣтъ былъ гимнъ, д-ръ Сладковскій, предсѣдатель праздничнаго комитета, взошелъ на трибуну и произнесъ длинную рѣчь, въ которой объяснялъ значеніе реформы Гуса для Чехіи и для всего образованнаго человѣчества. При всемъ краснорѣчіи автора, при всемъ глубокомъ интересѣ, какое безспорно представляетъ его рѣчь, нельзя не замѣтить, что она была нѣсколько длинна для подобнаго народнаго собранія. Г. Сладковскій очевидно не хотѣлъ довольствоваться общими мѣстами, и пожелалъ представить историческое развитіе идей, насажденныхъ Гусомъ; въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ, правда, полнѣйшей похвалы, хотя съ другой стороны длина его рѣчи повредила отчасти ея успѣху. По окончаніи рѣчи Сладковскаго сдернута была, при громкихъ крикахъ „Slava,“ завѣса съ медальона и доски, прибитыхъ надъ воротами Гусова дома; позолоченный медальонъ съ бюстомъ Гуса совершенно схожъ съ тѣмъ, который помѣщенъ въ Прагѣ на домѣ, гдѣ прежде была виѳлеемская часовня; надпись на небольшой четырехъ-угольной черной доскѣ гласитъ: „V tomto dome spatril svetlo sveta Mistr Jan Hus dne 6 cervnc 1369.“ Вся стѣна дома, вокругъ надписи, была увѣшана затѣмъ многочисленными, заранѣе принесенными, красивыми вѣнками. Послѣ того какъ исполненъ былъ еще одинъ гимнъ, на каѳедру взошелъ М. Н. Бухтѣевъ, членъ московскаго славянскаго комитета и предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Москвѣ: онъ произнесъ (впрочемъ очень тихимъ голосомъ) небольшую рѣчь, въ которой говорилъ, что, при увеличивающемся единеніи между славянскими племенами, рожденіе Гуса, бойца за правду и за свободу западно-славянскихъ племенъ, должно считаться радостнымъ событіемъ для всѣхъ славянъ вообще. Молодой сербскій врачъ Георгіевичъ взошелъ на каѳедру послѣ г. Бухтѣева, и произнесъ огненную рѣчь, воодушевившую всѣхъ слушателей; г. Георгіевичъ обладаетъ несомнѣнно замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ; звучный голосъ, энергія въ выраженіи, жестѣ, взглядѣ, тонъ рѣчи—все это произвело, независимо отъ содержанія рѣчи, самое пріятное впечатлѣніе на слушателей. Г. Георгіевичъ, не касаясь религіозной стороны дѣятельности Гуса, выстав-

лялъ его значеніе какъ народнаго дѣятеля; въ заключеніе своей р
онъ коснулся вопроса о панславизмѣ, и энергически протесто
противъ мнѣнія, будто панславизмъ тождественъ съ панасобли
момъ; онъ съ жаромъ доказывалъ, что идея славянства не пр
ворѣчитъ идеѣ свободы. По окончаніи этой рѣчи, безспорно
мой лучшей изъ всѣхъ произнесенныхъ въ этотъ день, многіе
присутствовавшихъ подходили къ Георгіевичу и поздравляли
съ замѣчательнымъ ораторскимъ успѣхомъ. Г. Романовичъ, по
изъ Познани, говорилъ послѣ Георгіевича, но, къ сожалѣнію,
казалъ и тутъ ту безтактность, которою такъ часто отлича
его соотечественники; во-первыхъ, вся его рѣчь была не что
какъ величайшая историческая натяжка, въ которой онъ стар
доказать, что поляки и чехи всегда стояли вмѣстѣ за дѣло
гресса и свободы; вопреки прямымъ свидѣтельствамъ исторіи,
непремѣнно желалъ поставить рядомъ поляковъ съ чехами въ
лигіозномъ и политическомъ отношеніи; затѣмъ онъ восхвалялъ
ляковъ за помощь, оказанную ими неоднократно чехамъ, и за
жище, данное ими у себя чехамъ, изгнаннымъ въ годину несча
изъ родины. Болгарскій публицистъ Стояновъ сказалъ неболь
рѣчь, въ которой сравнилъ дѣятельность Гуса съ дѣятельно
Кирилла и Меѳодія. Послѣ того предполагали говорить еще
которые ораторы на хорватскомъ, словенскомъ и нѣмецкомъ
кахъ; но полицейскій коммисаръ не разрѣшилъ этого, ссылаяс
точный смыслъ утвержденной правительствомъ програмы праз
ства. Въ ней сказано было: „Вступительная рѣчь; рѣчи „
странныхъ“ гостей; заключительная рѣчь.“ Распорядители пр
иенства подъ словомъ „иностранные“ гости разумѣли всѣхъ, не
надлежащихъ къ землямъ чешской короны, слѣдовательно и пр
жихъ изъ другихъ австрійскихъ провинцій; но полицейскій
миссаръ объяснилъ слово „иностранные“ въ болѣе тѣсномъ см
и не дозволилъ никому изъ австрійскихъ подданныхъ причис
себя къ числу иностранныхъ гостей. Оттого послѣ г. Стоянова
трибуну прямо взошелъ г. К. Сабина, который долженъ былъ
зать заключительную рѣчь.

И тутъ г. Сабина выказалъ себя такимъ же прекраснымъ
торомъ, какъ и въ своей рѣчи, произнесенной 4-го числа на
леемской площади. Онъ кончилъ слѣдующими словами: „Не да
какъ столѣтіе тому назадъ, на Гуса смотрѣли не иначе, какъ

ика, во всей Богеміи, можетъ быть даже въ этой общинѣ, ко-
я должна бы гордиться имъ; нынѣ мы видимъ совсѣмъ не то,
видимъ проявленія сильнѣйшаго народнаго энтузіазма къ. на-
великаго человѣка; однако, и нынѣ есть здѣсь и въ окрест-
ихъ люди, которые призывали громы небесные на участниковъ
днества; какъ мы видимъ, небо однако же не вняло ихъ моль-
."

Эти послѣднія слова заключаютъ въ себѣ намекъ на поведе-
р. католическаго духовенства и клерикаловъ по отношенію къ на-
цему празднеству. Извѣстно, что будеіовскій епископъ еще за
олько недѣль до празднества обнародовалъ посланіе, въ кото-
убѣждалъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви не участвовать въ
днествахъ, устраиваемыхъ въ честь еретика, а священникамъ
писывалъ молиться о прощеніи великаго прегрѣшенія нечестив-
, участвующимъ въ празднествѣ, не смотря на запрещеніе. Вѣр-
сыновъ церкви, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ бу-
скій епископъ, оказалось, вѣроятно, не очень много, такъ какъ
у народъ выказывалъ живѣйшее участіе къ этому празднику.
гусинецкій священникъ въ точности исполнилъ приказаніе сво-
начальника; процессія къ Гусову дому, рѣчи и пр. сопровож-
сь колокольнымъ звономъ: въ мѣстной церкви, расположенной
хъ въ 200-хъ отъ дома, служилась обѣдня, и священникъ
лся за насъ всѣхъ, т. е. за участниковъ въ празднествѣ. Я по-
лъ о томъ, что интересное зрѣлище, представлявшееся на пло-
, не дало мнѣ возможности зайти въ это время въ церковь
отрѣть: многіе ли молились тамъ съ патеромъ, въ то время
десятки тысячъ народа праздновали память „архіеретика."
Послѣ рѣчи Сабины, г. Сладковскій взошелъ на трибуну, и,
вивъ празднество оконченнымъ, пригласилъ собравшихся ра-
ись въ порядкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ надежду, что
нѣ этотъ день не будетъ проходить безслѣднымъ въ памяти
да, и что ежегодно будетъ праздноваться память Гуса. Всѣ
утствующіе стали расходиться. Иностранные гости направи-
въ мѣстную гостинницу, гдѣ во время обѣда г. Куртинъ,
ній секретарь американскаго посольства въ Петербургѣ, произ-
на русскомъ языкѣ рѣчь, о которой мы, къ сожалѣнію, долж-
казать, что она отличалась почти такимъ же отсутствіемъ такта,
и рѣчь г. Романовича: г. Куртинъ вздумалъ, въ присутствіи

польскихъ гостей, проводить параллель между чехами и поляками, и объяснить какія ошибки привели поляковъ къ настоящему положенію въ ряду другихъ народовъ. Хотя въ словахъ его было много справедливаго, однако они были здѣсь довольно неумѣстны, тѣмъ болѣе, что ничто не вызвало подобныхъ замѣчаній. Директоръ британскаго музея, г. Рольсонъ, тоже сказалъ нѣсколько словъ по-русски. Говорилъ еще г. Губинъ… но о его рѣчи лучше промолчать; мы радовались только тому, что тутъ не было, кажется, стенографа, и что, такимъ образомъ, есть надежда на то, что импровизація г. Губина не попадетъ въ прессу.

Часа въ четыре мы тронулись изъ Гусинца въ обратный путь, опять-таки на Нетолицу; въ девятомъ часу мы прибыли на станцію желѣзной дороги, откуда въ половинѣ одиннадцатаго насъ захватилъ съ собою обыкновенный поѣздъ, шедшій изъ Будеіовица въ Пильзенъ. И ночью на нѣкоторыхъ станціяхъ насъ встрѣчали общества „Sokol“ съ разноцвѣтными фонарями, музыкой и привѣтственными криками. Но ночное время дѣлало то, что обратная поѣздка наша была далеко не столь торжественна, какъ поѣздка въ Гусинецъ. Сегодня, въ седьмомъ часу утра, мы возвратились въ Прагу, правда усталые и отчасти разбитые отъ продолжительной и не всюду удобной поѣздки; но тѣмъ не менѣе я сомнѣваюсь, чтобъ изъ числа нашихъ спутниковъ нашелся хоть одинъ, который пожалѣлъ бы о томъ, что поѣхалъ на родину великаго чешскаго реформатора. Маленькія неудобства и усталость съ избыткомъ вознаграждались тѣми грандіозными и интересными зрѣлищами, которыя намъ довелось видѣть.

Сегодня, въ три часа, въ честь иностранныхъ гостей дается большой обѣдъ по подпискѣ, а вечеромъ, въ честь ихъ же, на народномъ театрѣ идетъ оригинальная чешская опера „Проданная невѣста.“ —*онъ*.

Еще о римскомъ соборѣ.

Судя по всѣмъ извѣстіямъ, предположенный въ нынѣшнемъ году папскій вселенскій соборъ непремѣнно состоится. Это событіе до насъ не касается ни сколько и можетъ только насъ удивлять своею крайнею непослѣдовательностью. По ученію римской церкви, папа есть глава ея, стоящій выше всѣхъ людей въ свѣтѣ и

ше соборовъ. Папы и доказали это, вводя единоличною своею
астью въ католическое ученіе новые догматы вопреки соборнымъ
становленіямъ. Слѣдственно, предстоящій соборъ будетъ подчи-
тъ папѣ, а дѣйствительность его постановленій будетъ зависѣть
ь папской санкціи, и соборъ составитъ нѣчто въ родѣ пополнен-
й коллегіи кардиналовъ, исполняющей приказанія своего святѣй-
го отца. Носились слухи, будто папа обѣщаетъ во всякомъ слу-
ѣ подчиниться постановленіямъ собора; но этому вѣрить нельзя—
 составляло бы неслыханное отреченіе папы отъ своей власти.
либъ даже это и было возможно, то члены собора, какъ слѣ-
етъ добрымъ католикамъ, не допустили бы такого святотатства
 прежде формулированія какого-нибудь постановленія, узнали бы
ѣніе папы и испросили бы его разрѣшенія. По ихъ ученію,
апа въ мірѣ то же, что Богъ въ мірѣ, или то же, что душа въ
тѣ; власть папы выше всякой сотворенной власти, потому что
ь распространяется на все небесное, земное и преисподнее." Съ
угой стороны, нельзя предположить, чтобъ „святѣйшему" отцу
оръ понадобился только для того, чтобъ съ нимъ посовѣтовать-
 о церковныхъ дѣлахъ. Для этой цѣли при немъ состоитъ со-
тъ кардиналовъ, которые искушены во всѣхъ житейскихъ и цер-
вныхъ тонкостяхъ, и соборъ тутъ совершенно лишній. Самая
ль собора неизвѣстна, и одно время былъ слухъ, будто папа
икажетъ ему разсмотрѣть и утвердить свой знаменитый силла-
ъ, въ которомъ всѣ драгоцѣннѣйшіе плоды новѣйшей цивили-
ціи признаются наважденіемъ дьявольскимъ. Потомъ говорили,
что соборомъ *ученіе* о непогрѣшимости папы возведено будетъ
 догматъ. Наконецъ, былъ слухъ, будто папа не намѣренъ ни-
олько стѣснять соборъ какими бы то ни было предложеніями и
едоставитъ ему самому составить программу своихъ занятій. Еслибъ
 было справедливо, то католическіе епископы и прелаты съѣха-
сь бы въ Римъ безъ опредѣленной цѣли, какъ на раутъ, или
 тѣмъ же, за чѣмъ Манилову хотѣлось жить близь Чичикова,
объ поговорить „о пріятномъ обращеніи."

Какъ бы то ни было и какова бы ни была цѣль римскаго
еленскаго собора, при всей непослѣдовательности этого собранія,
вилизація можетъ ожидать отъ него нѣкоторыхъ невыгодъ и еще
льше выгодъ.

Вотъ въ чомъ будутъ заключаться невыгоды.

Давно невиданное въ Европѣ многолюдное собраніе пред-
вителей католической церкви и особенно толки объ этомъ собра
сборы епископовъ, запрещеніе нѣкоторымъ изъ нихъ ѣхать въ Р
на время собора—все это не можетъ не поддерживать въ нас
ніяхъ латинскаго исповѣданія нѣкотораго волненія. Все это буд
въ значительной мѣрѣ фанатизировать тѣ изъ католическихъ
ловъ, которыя на это способны, а пробужденіе фанатизма, безъ
мнѣнія, имѣетъ очень вредное вліяніе на ходъ цивилизаціи. О ч
бы ни толковали въ Римѣ святые отцы, къ какимъ бы резул
тамъ они ни пришли, вредъ будетъ уже сдѣланъ. Далѣе,
члены собора, ѣдущіе въ Римъ, съ пустыми руками ѣхать не
гутъ. Кромѣ тѣхъ денегъ, которыя они соберутъ себѣ изъ т
довыхъ грошей католиковъ на проѣздъ въ Римъ, на прилич
жизнь тамъ во все время, пока будетъ продолжаться соборъ, и
обратный путь, они всѣ повезутъ, сверхъ того, еще обильную л
ту св. Петра, т. е. то добровольное приношеніе, которое каж
католическая епархія пошлетъ въ папскую казну. Трудно сос
тать всѣ тѣ мильйоны, которые стекутся въ Римъ по случаю э
собора. Каждая епархія снабдитъ своего представителя больш
деньгами, чтобъ онъ жилъ въ столицѣ католичества не нищенск
образомъ, чтобъ его карета и лакеи громогласно говорили объ у
діи прихожанъ, и чтобъ присланная „лепта" была достойна т
великолѣпнаго пріема, какой ожидаетъ членовъ собора въ Ри
Всѣ эти громадныя массы золота будутъ потрачены самымъ
производительнымъ образомъ. Далѣе, на соборѣ не мало буд
воплей и воздыханій по поводу гоненій, притѣсненій, истяза
которымъ, будто бы, подвергается католичество въ странахъ п
вославныхъ. Въ этомъ еще не было бы большой бѣды, еслибъ
вопли не отзывались зловредно и между мѣстными населеніями,
между его пастырями. Вопли эти будутъ имѣть неизбѣжнымъ сл
ствіемъ ожесточеніе упрямства многихъ изъ католиковъ, кото
никакъ не хотятъ, согласно заповѣди евангельской, воздать „
сарево кесарю." Отсюда неизбѣжны и новыя преслѣдованія, и
выя жертвы, и опять гдѣ-то, тамъ, вдали, слёзы, ожесточені

Но какъ бы ни былъ великъ вредъ отъ предстоящаго ла
скаго вселенскаго собора, неизбѣжно вытекающая изъ него по
несравненно больше. Пусть трудовые мильйоны бросаются на
теръ, пусть нѣкоторыя слабыя головы фанатизируются—надо

ь, что соборъ до чего-нибудь положительнаго и яснаго дого-
тся. Все равно, что онъ ни постановитъ, онъ сослужитъ ве-
о службу цивилизаціи. Хуже всего былъ бы такой исходъ
а, который не постановилъ бы ничего; всего вреднѣе для че-
ества было бы, еслибъ члены собора разъѣхались ни съ чѣмъ,
съ сохраненіемъ католическаго неопредѣленнаго statu quo. Но
ыло бы такъ забавно, что, надо полагать, латинское духовен-
не рѣшится добровольно стать въ подобное комическое поло-
и сдѣлать извѣстный короткій шагъ отъ великаго до смѣш-
Затѣмъ, логически возможны только два исхода: положи-
ый и отрицательный. Положительный исходъ состоялъ бы въ
шеніи и признаніи уступокъ, настойчиво требуемыхъ отъ ка-
ества исторіею, обществомъ, цивилизаціею. Этихъ уступокъ,
емыхъ, ожидаемыхъ и даже для пользы самого католичества
одимыхъ, накопилось много. Перечисленіе ихъ потребовало бы
хъ столбцовъ. Отъ снятія проклятія съ короля италіянскаго
аза отъ свѣтской власти папы до признанія гражданскаго
, введеннаго въ австрійское и итальянское законодательства,
тное множество уступокъ должно бы сдѣлать католичество,
удержаться на высотѣ серьёзной религіи, которая не ссо-
съ жизнью на каждомъ шагу. Оно должно смириться пе-
требованіями цивилизаціи, отказаться отъ знаменитаго пап-
силлабуса, признающаго цивилизацію дьявольскимъ наважде-
, отказаться отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла
странъ, въ которыхъ только живутъ католики, и ограни-
и завѣдываніемъ однѣми только душами и ихъ опасеніемъ въ
цей жизни. Какъ ни мало вѣроятенъ подобный исходъ со-
надо замѣтить, что онъ не совсѣмъ невозможенъ. Между ка-
ескимъ духовенствомъ есть очень много образованныхъ людей,
ѣ знакомыхъ съ требованіями современности, знающихъ, что
евѣковой фанатизмъ теперь уже невозможенъ и что если ка-
ество не сдѣлаетъ требуемыхъ временемъ уступокъ, то оно
етъ остаться слишкомъ назади общества, которое, въ непре-
омъ поступательномъ движеніи своемъ, пожалуй, и вовсе отъ
отвернется. Римскимъ совѣтникамъ папы этого не видно.
видятъ только цѣлованіе туфли „святѣйшаго" отца, видятъ,
риношенія добрыхъ католиковъ хотя и уменьшаются замѣтно,
изсякаютъ, и, не живя въ обществѣ мыслящихъ людей, не

догадываются, какъ страшно далеко нынче разошлись треб цивилизаціи и католичества. Можетъ случиться, что между скопами и прелатами, ѣдущими въ Римъ, найдутся люди, на ко бодрые духомъ, что ихъ не смутитъ папская обстанови отшибетъ имъ память цѣлованье туфли, и они найдутъ в силы быть на столько честными, чтобъ раскрыть передъ свои варищами всю житейскую правду, какъ она есть, безъ у Можетъ также случиться, что такая вѣрная мысль найдетъ лосокъ во многихъ представителяхъ духовенства, и папа, ск шись на ихъ убѣжденія, прикажетъ собору, для спасенія сам лигіи, приступить къ широкимъ уступкамъ католичества въ государства и общества. Нѣтъ надобности доказывать, как годенъ былъ бы подобный исходъ для прогреса вообще.

Наконецъ, возможенъ и наиболѣе вѣроятенъ другой исхо бора—отрицательный. Можетъ случиться, что епископы, п лежащіе, по своему развитію, къ самымъ передовымъ людям дутъ совершенно подавлены туфлецалованіемъ, торжеств мессами и всею торжественностью папской обстановки, и пр тутъ, ради приличія, умолчать о томъ, что думаютъ. Тог боръ постановитъ и приметъ рѣшенія ретроградныя. Въ че будутъ заключаться, предвидѣть трудно, но довольно ясны занія на нихъ уже видны въ силлабусѣ, въ догматѣ безпор зачатія и тому подобныхъ подвигахъ папскаго воображенія самомъ дѣлѣ, можетъ быть, ученіе о непогрѣшимости папы дено будетъ въ догматъ, и всякій папа будетъ считаться с съ той минуты, когда конклавъ совершитъ свое избраніе; быть, придумаютъ и нѣкоторые другіе догматы, и ужъ ко въ такомъ случаѣ, подвергнутъ внимательному пересмотру *тенціарію*, то есть, таксу грѣховъ. Изо всѣхъ требова временности, папское правительство слѣдитъ только за одни домъ—за требованіями денежными. Обязанное платить жал своимъ прелатамъ и зуавамъ, содержать военную паровую „Immaculata“ и платить евреямъ-банкирамъ проценты по па долгу, оно знаетъ очень хорошо, что деньги дешевѣютъ и теченіемъ времени монеты измѣняются и въ цѣнѣ и въ назв Поэтому, многія таксы и аннаты должны быть измѣнены кально. Напримѣръ, по пенитенціарію 1520 года, за пр грѣховъ такса исчислена турнуазами и дукатами, которые б

ѣкѣ несравненно рѣже, нежели теперь; стало быть, такса может быть возвышена; къ тому же и не всѣмъ теперь ю, что это за монета. „Міранинъ, совершившій кровосмѣ--сказано въ таксѣ—очищаетъ свою совѣсть за 4 турнуаза,“ Женщина, выпившая зелья, чтобъ убить плодъ свой, долж-атить 4 турнуаза 8 карлиновъ;“ или: „Разрѣшеніе духов-бы отъ всякихъ безчестныхъ дѣлъ, даже съ монахинями, и внѣ монастыря, или съ родственницами, стоятъ 36 тур-.“ Ретроградныя постановленія собора дѣлаютъ возмож-даже пересмотръ этой таксы, несмотря на всю ея видимую ременность.

ли ожидаемый римскій соборъ, кичливо называемый вселен-рѣшится на подобный отрицательный образъ дѣйствій, то чество еще далѣе, нежели нынѣ, разойдется со взглядами и ніями мыслящихъ и искренно вѣрующихъ людей. Это не не повести за собою окончательнаго упадка католичества, ышенію значенія истины, здраваго смысла и, слѣдственно, заціи. Во всякомъ случаѣ человѣчество вправѣ ожидать благотворныхъ послѣдствій отъ римскаго собора, и уже отъ католичества, отъ развитости или отсталости его предста-зависѣть будетъ, повести ли дѣло такъ чтобъ отказаться трогардныхъ стремленій и поставить латинскую вѣру на вы-овременныхъ требованій, или такъ, чтобъ упереться на сред-ка, не уступить времени ни іоты, окончательно провалиться растоптану идущимъ впередъ человѣчествомъ.

(Голосъ).

ытіе 15 октября военно-окружнаго суда.

-го октября, въ Вильнѣ послѣдовало, торжественное откры-енно-окружнаго суда въ присутствіи г. командующаго вой-виленскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта А. Д. По-, всѣхъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, высо-священнаго Макарія, архіепископа литовскаго и виленскаго, шаго духовенства другихъ исповѣданій, многихъ дамъ и мно-енной публики. Торжество началось чтеніемъ Высочайшаго нія объ открытіи суда и Высочайшаго приказа о назначе-редсѣдателя и чиновъ суда. Прибывшій въ Вильну, нароч-сего событія, главный военный прокуроръ, статсъ-секретарь

Владиміръ Дмитріевичъ Философовъ, сказалъ краткую, ниже помѣщенную рѣчь о происхожденіи и значеніи военнаго суда вообще и въ особенности, въ Вильнѣ, а въ заключеніе объявилъ виленскій военно - окружной судъ открытымъ. Потомъ всѣ члены суда приведены были къ присягѣ, а высокопреосвященнымъ Макаріемъ и прочимъ православнымъ духовенствомъ отслуженъ молебенъ о помощи и благословеніи свыше на начинаемое дѣло и о благоденствіи Государя Императора и всего Царствующаго Дома; и наконецъ высокопреосвященнымъ Макаріемъ произнесено было нижеслѣдующее глубоконазидательное слово. Подъ впечатлѣніемъ всего происходившаго, а также увлекательнаго краснорѣчія нашего архипастыря, невольно всѣми чувсвовалось величіе Того, Кто призвалъ Россію къ новой жизни, двинулъ ее къ свѣту, далъ ей новый судъ, свободу слова, поставилъ ее такъ высоко.

Не лишне замѣтить здѣсь, что помѣщеніе суда какъ нельзя лучше приспособлено къ цѣли: кромѣ обширной залы суда, могущей вмѣстить большое количество публики, весьма удобно расположены вокругъ комнаты—для совѣщанія судей, предсѣдателя, секретаря, канцеляріи, свидѣтелей и другія, а внизу помѣщена караульня и карцеры, изъ которыхъ витая чугунная лѣстница ведетъ на верхъ въ судъ. Зала и комнаты снабжены весьма прочною и удобною мебелю—короче во всемъ замѣтно стараніе и усердіе лицъ, которыя руководили дѣломъ устройства помѣщенія суда въ крѣпости. Торжество закончилось роскошнымъ обѣдомъ у г. главнаго начальника края, на который, кромѣ чиновъ суда, были приглашены всѣ начальствующія лица виленскаго военнаго округа. Дай Богъ, чтобы постановленіе правительства—о введеніи новаго судоустройства въ войсках виленскаго военнаго округа—служило провозвѣстникомъ скораго осуществленія судебной реформы и для всего населенія края. Гласный судъ, столь давно ожидаемый хотя и нѣсколько видоизмѣненный сообразно мѣстнымъ условіямъ не преминетъ усилить русское культурное вліяніе въ краѣ и произвести на умы населенія свое благотворное, примирительное и объединяющее дѣйствіе.

при открытіи виленскаго военно-окружнаго суда, произне-я главнымъ военнымъ прокуроромъ, статсъ-секретаремъ В. Д. Философовымъ.

Милостивые государи!

ри утвержденіи, 15-го мая 1867 г., военно-судебнаго устава, дарю Императору благоугодно было повелѣть означен-ставъ вводить въ дѣйствіе послѣдовательно по военнымъ окру-

Согласно сему, военно-окружные суды открыты были въ 1867 —въ Петербургѣ и Москвѣ, въ 1868 г.—въ Харковѣ и Одессѣ тѣ открываются въ виленскомъ и кіевскомъ военныхъ окру-

До сихъ поръ военно-судебная реформа вводилась въ мѣст-хъ, гдѣ уже дѣйствовали судебные уставы 20-го ноября 1864 г., овпадала со временемъ введенія ихъ въ дѣйствіе. Въ здѣш-край, на которомъ еще не отразилось благотворное вліяніе къ судебныхъ уставовъ, введеніе военно-судебной реформы но имѣть важное значеніе не только для военнослужащихъ, для гражданскаго населенія, представляя сему послѣднему жность ознакомиться съ пріемами новаго порядка судопроиз-ва, главныя начала котораго, т. е. гласность и публичность, отся неизмѣнными какъ для гражданскаго, такъ и для воен-вѣдомствъ. Въ другихъ отношеніяхъ военно-судебный уставъ, обеннымъ условіямъ военной службы и требованіямъ военной иплины, во многомъ отступаетъ отъ общихъ судебныхъ уста-

Такимъ образомъ обвинительная власть, сосредоточенная въ данскомъ вѣдомствѣ въ рукахъ прокурорскаго надзора, по о-судебному уставу предоставлена почти исключительно воен-начальству, на которое возлагается и обязанности приведе-ь исполненіе судебныхъ рѣшеній. Единоличная власть миро-судей представляется полковымъ судамъ, приговоры кото-утверждаются полковыми командирами; наблюденіе за охра-мъ точной силы закона и за единообразнымъ его исполнені-военными судами возлагается на главный судъ. Но одно изъ къ существенныхъ различій между обоими порядками судо-водства заключается въ личномъ составѣ судовъ. Въ граж-омъ вѣдомствѣ нѣкоторыя, и притомъ наиболѣе важныя, уго-ія дѣла рѣшаются съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, аемыхъ изъ среды всего населенія и призываемыхъ къ уча-въ судебномъ засѣданіи по жребію. Такимъ образомъ однимъ лементовъ этого учрежденія является случайность, которая жетъ быть допускаема въ дѣлѣ военнаго правосудія, гдѣ я судебная ошибка, а въ особенности примѣръ безнаказан-могутъ неблагопріятно отразиться на соблюденіи военной иплины. По этимъ соображеніямъ, институтъ присяжныхъ не нъ ни въ одинъ изъ военно-уголовныхъ кодексовъ иностран-

ныхъ армій. Взамѣнъ сего и для привлеченія къ участію въ судѣ какъ юридическаго элемента, такъ и представителей понятій и воззрѣній существующихъ въ арміи, судъ нашъ составляется изъ постоянныхъ и временныхъ членовъ, причемъ послѣдніе избираются на извѣстный періодъ времени изъ офицеровъ, уже прослуживших значительное время, или командовавшихъ частями и близко знакомыхъ съ духомъ и потребностями войска.

Таковы главныя основанія устройства военно-окружныхъ судовъ, непосредственно предначертанныя Высочайшею волею, въ видахъ постоянной и благотворной заботливости Государя Императора о нуждахъ и благосостояніи арміи. Но, безъ сомнѣнія, дѣло можетъ пойти успѣшно только при единодушныхъ усиліяхъ военнаго начальства и военно-судебныхъ властей къ взаимному содѣйствію для достиженія самой цѣли учрежденія военныхъ судовъ—возвышенія нравственности и охраненія военной дисциплины въ войскѣ. Заботливыя распоряженія г. главнаго начальника края и командующаго войсками въ округѣ по всѣмъ приготовительнымъ дѣйствіямъ для изведенія военно-судебной реформы, и болѣе нежели сочувственный пріемъ, сдѣланный его высокопревосходительствомъ, Александромъ Львовичемъ, всѣмъ военно-судебнымъ дѣятелямъ, служатъ ручательствомъ, что въ виленскомъ военномъ округѣ нельзя опасаться антагонизма между администраціею и судомъ, весьма вреднаго въ гражданскомъ обществѣ и немыслимаго въ быту военномъ,—тѣмъ болѣе, что наши военно-судебные чины, внѣ сферы ихъ судебной дѣятельности, подчинены командующему войсками наравнѣ съ другими военно-служащими.— Объявляя виленскій военно-окружной судъ открытымъ, прошу гг. присутствующихъ присоединиться къ намъ въ дорогой для сердца каждаго русскаго молитвѣ за здравіе Государя Императора и вмѣстѣ съ тѣмъ призвать благословеніе свыше на преуспѣяніе вновь открываемаго суда.

Рѣчь при открытіи военно-окружнаго суда въ г. Вильнѣ, сказанная высокопреосвященнѣйшимъ Макаріемъ, архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ, 15 октября 1869 года.

Безъ Мене не можете творити ничесоже. Іоан. 15,5.

Богъ въ помощь вамъ, мужи достопочтенные, призванные державною волею нашего Благочестивѣйшаго Монарха творить новый, лучшій судъ и правду христолюбивымъ воинамъ въ здѣшнемъ краѣ!

Не сомнѣваемся, что вы первые сознаете всю важность по-
ца, на которое исходите, что вы пламенѣете ревностію оправ-
высокое довѣріе къ вамъ нашего Августѣйшаго Отца, что
вполнѣ способны и готовы потрудиться для тѣхъ, кто ждетъ
ръ отъ васъ праваго, самаго праваго суда. Но чѣмъ важнѣе
новыя обязанности, чѣмъ глубже и искреннѣе ваше желаніе
ься достойными своего призванія и принести истинную пользу
мъ собратамъ, тѣмъ сильнѣе и непритворнѣе и наше молит-
ое благожеланіе вамъ: *Богъ въ помощь вамъ!*

Много требуется, чтобы произнесть о какомъ-либо дѣлѣ судъ
шенно справедливый и непогрѣшительный. Нужно знать са-
дѣло во всей точности, со всѣми подробностями и обстоятель-
и; нужно знать виновника дѣла, побужденія, которыми онъ
лся, иногда стороннія вліянія, надъ нимъ тяготѣвшія, знать
яніе его духа въ минуты дѣйствія, степень участія его сво-
въ совершенномъ дѣйствіи. Кому же, кромѣ Бога, всевѣ-
го и сердцевѣдца, всегда все это доступно? А людямъ-судi-
какъ часто неизвѣстны вполнѣ то самое дѣло, о которомъ
должны разсуждать, то обстоятельство дѣла, то виновникъ
то внутреннія расположенія виновника, его побужденія и цѣли
совершеніи дѣйствія! Людямъ-судіямъ какъ часто приходится
дать во мракѣ, судить только по догадкамъ, подозрѣніямъ,
оложеніямъ, изрекать приговоръ почти на-угадъ! Людямъ-
мъ, при всемъ желаніи правды, какъ легко ошибаться! *Богъ
омощь вамъ!*

Законы и совѣсть—вотъ ваши руководители! Законы..., но
пособятъ намъ самые лучшіе законы, когда мы не знаемъ до-
чно того, къ чему слѣдуетъ приложить ихъ? Законы, какъ
и были подробны, не въ состояніи обнять всѣхъ частнѣй-
и необычайныхъ случаевъ, какіе бываютъ въ жизни и съ
ыми не разъ, быть можетъ, вамъ придется встрѣтиться.
ны, самые точные и ясные, могутъ подлежать различному по-
нію, подвергаться различному примѣненію, особенно въ случа-
сомнительныхъ и неопредѣленныхъ, и безсильны предохранить
отъ разныхъ ошибокъ. Совѣсть — драгоцѣннѣйшій изъ
даровъ Божіихъ человѣку, лучшій и ближайшій изъ всѣхъ
хъ руководителей. Но и совѣсть, даже самая чистая и
дая, всегда имѣетъ нужду въ опорѣ для своихъ приговоровъ

и, безъ достаточнаго выясненія дѣла, можетъ заблуждаться. чтожъ еще, если совѣсть наша помрачена или ложно направ воспитаніемъ ли или образомъ нашей жизни? Что, если со наша до того слаба, что способна увлекаться вліяніемъ на страстей или господствующимъ духомъ времена? Увы, не сп тогда судію и совѣсть отъ многихъ и многихъ ошибокъ. *въ помощь вамъ!*

Къ Нему, къ Нему, единому всевѣдущему и непогрѣши Судіи, обращайтесь, какъ можно чаще, за благодатною помо Къ Нему, Отцу свѣтовъ, особенно въ важнѣйшія минуты, уста ваши должны будутъ изрекать окончательные приговоры подсудимыми, возноситесь мысленно съ теплою молитвою, да свѣтитъ Онъ васъ своею истиною, да наставитъ своею пра и да предохранитъ васъ отъ страшной опасности обвинить н наго и оправдать виновнаго. А мы, призывая на васъ ваше святое дѣло Божіе благословеніе, еще и еще повтор вамъ наше искреннее молитвенное благожеланіе: *Богъ въ по вамъ!* Аминь.

...аніе 8-ой кн. „Вѣстника Западной Россіи“ за 1869 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Содержаніе 8-ой кн. „Вѣстника западной Росси[illegible]

за 1869 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.